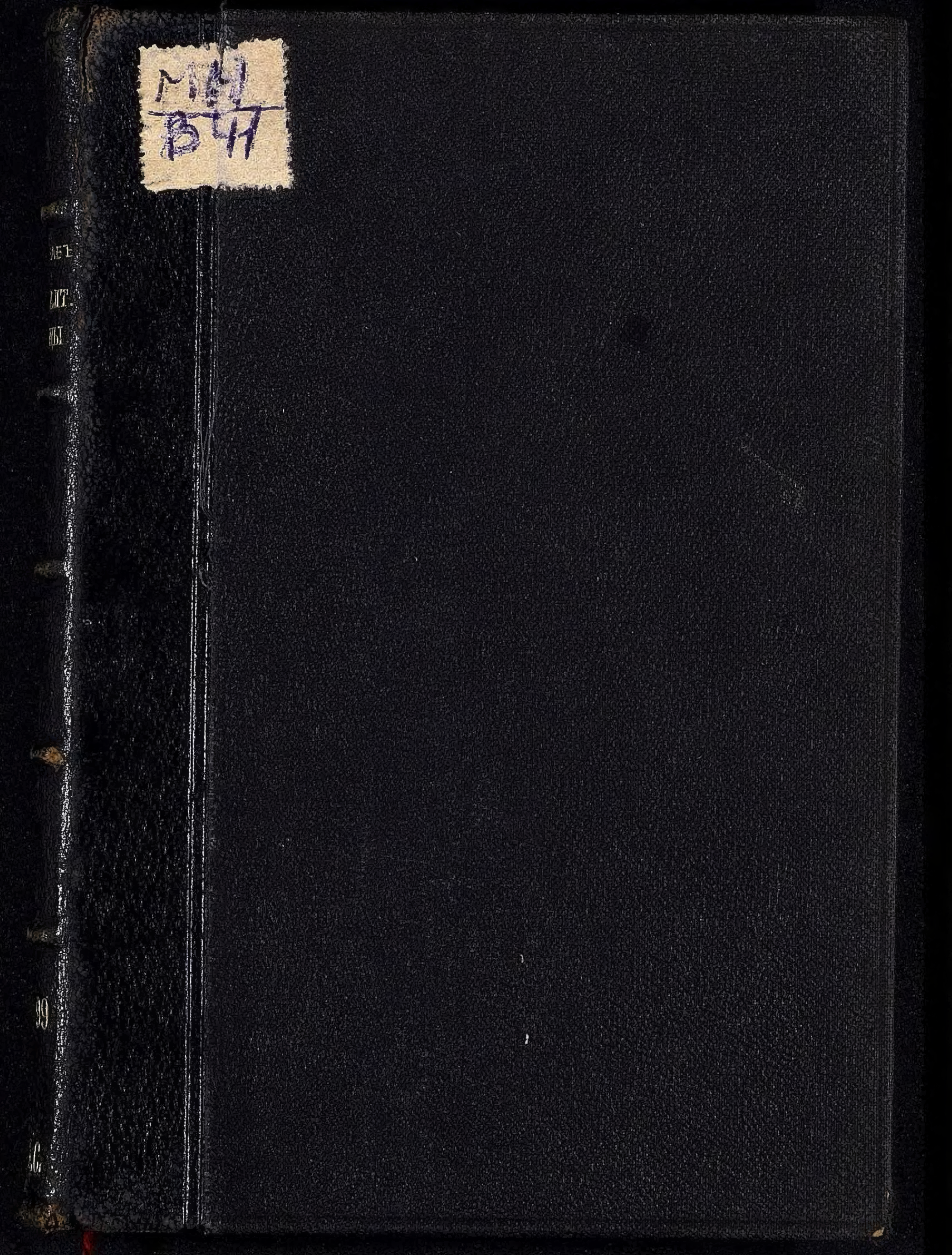

МН
В 47

Библ.
московск.
педагогич.
собранія.
кл:
инв: 8370
шк: 6
полка: 11
мѣсто: 42
8699 /8°
ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ
НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Г. И. Виграбъ

Прибалтійскіе нѣмцы

Ихъ отношеніе къ русской государственности и къ коренному населенію края

въ прошломъ и настоящемъ

Юрьевъ
1916

Дозволено военною цензурою.

Типографія Эст. Изд. Тов. „Постимесъ“, Юрьевъ.

Прибалтійскіе нѣмцы

Оглавленіе

I глава.

Національная и соціальная группировка населенія Прибалтійскаго края.

Прежде чѣмъ говорить о прибалтійскомъ нѣмечествѣ, необходимо заранѣе ознакомиться въ общихъ чертахъ съ распредѣленіемъ населенія края въ національномъ и соціальномъ отношеніяхъ. Для этого придется воспользоваться данными всеобщей переписи населенія Россійской Имперіи 1897 г. такъ какъ болѣе новыхъ пока не имѣется.

Установить соціальную группировку населенія Прибалтійскаго края, особенно по отношенію къ отдѣльнымъ національностямъ его, еще никто не попытался, а что касается національной группировки, то не только насчетъ ея, но также и насчетъ общаго числа населенія края существуютъ очень странные взгляды.

Извѣстный писатель Купринъ, напримѣръ, помѣстилъ въ „Русскомъ Словѣ“ отъ 29 и 30 октября 1914 г. двѣ статьи подъ обшимъ заглавіемъ „Лифляндія“. Въ первой изъ нихъ онъ говоритъ объ „исконномъ безправномъ десятимилліонномъ (!) населеніи Прибалтійскаго края“, попранномъ „господской пятой“ нѣсколькихъ „десятковъ баронскихъ родовъ“, и насчитываетъ „около 750,000 (!) человѣкъ горожанъ-нѣмцевъ“. Мало того, ни издатель книги „Прибалтійскій край и война, матеріалы изъ русской печати за августъ, сентябрь и октябрь 1914 г.“ — А. П. Тупинъ, включившій въ свой сборникъ также и статьи Куприна, ни авторъ предисловія къ нему — профессоръ К. И. Арабажинъ, не нашли нужнымъ отмѣтить ошибку Куприна. А ошибкѣ этой можно только удивляться: по Статистическому Ежегоднику Россіи населеніе Прибалтійскаго

края въ 1912 г. составляло 2,767,900 человѣкъ, а число всѣхъ нѣмцевъ въ немъ не достигаетъ 150,000.

Съ другой стороны, Е. фонъ Кампенгаузенъ въ статьѣ „Статистика населенія" (Bevölkerungsstatistik), помѣщенной въ книгѣ „Baltische Bürgerkunde", опредѣляетъ число прибалтійскихъ нѣмцевъ въ 165,627 ч. Это число приблизительно на 10% выше дѣйствительности, несмотря на то, что Кампенгаузенъ пользуется данными переписи 1897 г. Что Кампенгаузенъ допускаетъ ошибку, видно изъ слѣдующихъ соображеній.

Перепись 1897 г. устанавливаетъ національность по показаніямъ о родномъ языкѣ. На основаніи этихъ показаній „нѣмцевъ" въ краѣ дѣйствительно 165,627 ч. Но на самомъ дѣлѣ среди этихъ „нѣмцевъ", т. е. лицъ, роднымъ языкомъ которыхъ является нѣмецкій, существуетъ значительная группа такихъ, которые исповѣдуютъ — іудейскую религію. Это очевидно не нѣмцы, а евреи, говорящіе въ семьѣ по-нѣмецки. На это даже имѣется указаніе въ томъ томѣ офиціальнаго изданія результатовъ переписи, который посвященъ Курляндской губерніи, а именно въ главѣ о „краткомъ обзорѣ цифровыхъ данныхъ по Курляндской губерніи" на стр. X, гдѣ сказано: „среди нѣмцевъ (довольно много) евреевъ (24,88%), что объясняется тѣмъ, что многіе евреи показали своимъ роднымъ языкомъ нѣмецкій." Несмотря на это, Е. фонъ Кампенгаузенъ всѣхъ этихъ евреевъ причисляетъ къ нѣмцамъ. Такіе евреи составляютъ въ Курляндіи почти одну четверть, точнѣе 24,88% всѣхъ „нѣмцевъ", а во всемъ Прибалтійскомъ краѣ около одной десятой ихъ, точнѣе 10,51%. Нельзя отрицать, что это довольно крупная ошибка. Если и отъ другихъ національностей, населяющихъ Прибалтійскій край, отнять причисленныхъ къ нимъ евреевъ, то получится слѣдующая картина распредѣленія населенія края по національностямъ.

	Курл. г.	Лифл. г.	Эстл. г.	Всего.
Русскіе	37,956	68,282	20,865	127,103
Поляки	19,676	15,103	1,237	36,016
Литовцы	16,526	6,581	68	23,175
Латыши	505,544	563,789	472	1,069,805

	Курл. г.	Лифл. г.	Эстл. г.	Всего.
Эсты	620	518,569	365,958	885,147
Нѣмцы	38,326	93,984	15,915	148,225
Евреи	51,171	29,765	1,430	82,366
Шведы	87	424	5,768	6,279
Прочіе	4,128	2,868	1,003	7,999
Всего	674,034	1,299,365	412,716	2,386,115

Процентное отношеніе главнѣйшихъ національностей края по отдѣльнымъ губерніямъ и по всему краю можетъ быть изображено при помощи слѣдующей таблицы:

Въ процентахъ

	въ Курл. г.	въ Лифл. г.	въ Эстл. г.	во всемъ краѣ	
русскихъ	5,63	5,25	5,05	5,33	
поляковъ	2,92	1,16	0,30	1,51	
литовцевъ	2,45	0,51	0,02	0,97	
латышей	75,00	43,40	0,11	44,83	81,93
эстовъ	0,09	39,91	88,67	37,10	
нѣмцевъ	5,68	7,23	3,86	6,21	
евреевъ	7,59	2,29	0,35	3,45	
шведовъ	0,01	0,03	1,40	0,26	
прочихъ	0,63	0,22	0,24	0,34	
всѣхъ	100,00	100,00	100.00	100,00	

Во всемъ краѣ коренное населеніе, т. е. латыши и эсты, составляютъ среднимъ числомъ 81,93% или немного болѣе 4/5 населенія. Въ Курляндской г. оно представлено латышами, которыхъ тамъ 75 % или ровно 3/4 всего населенія. Въ Лифл. г. оно состоитъ изъ латышей и эстовъ, причемъ оба народа вмѣстѣ уже составляютъ 83,31% или болѣе 4/5 населенія. Наиболѣе однородное населеніе мы встрѣчаемъ въ Эстл. г., гдѣ эсты составляютъ 88,67 %, т. е. почти 8/9 всѣхъ жителей.

Что касается русскихъ, то ихъ процентъ по отношенію къ населенію всего края выражается цифрой 5,33; это значитъ, что русскихъ около 1/19 всего населенія. Они распредѣлены довольно равномѣрно по

всѣмъ тремъ губерніямъ: ихъ нигдѣ нѣтъ болѣе 6%, ни менѣе 5%.

Нѣмцевъ во всемъ краю больше чѣмъ русскихъ; ихъ среднимъ числомъ 6,21% (около 1/16). По отдѣльнымъ губерніямъ нѣмцы распредѣлены не такъ равномѣрно, какъ русскіе. Самый большій процентъ они составляютъ въ Лифл., а именно около 1/14 всѣхъ жителей; въ Курл. ихъ приблизительно 1/18, а въ Эстл. только немного болѣе 1/26 всего населенія.

Изъ остальныхъ народностей, живущихъ въ краѣ, обращаютъ на себя вниманіе евреи; ихъ сравнительно много въ Курл. (около 1/13 населенія).

Общую картину соціальнаго строя населенія Прибалтійскаго края можно получить на основаніи данныхъ переписи о распредѣленіи населенія по сословіямъ. Населеніе распредѣлено по слѣдующимъ сословіямъ и состояніямъ:

1) дворяне потомственные и ихъ семьи; 2) дворяне личные, чиновники не изъ дворянъ и ихъ семьи; 3) лица духовнаго званія всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и ихъ семьи; 4) потомственные и личные почетные граждане и ихъ семьи; 5) купцы и ихъ семьи; 6) мѣщане и ихъ семьи; 7) крестьяне и ихъ семьи; 8) лица другихъ или неизвѣстныхъ сословій; 9) иностранцы.

Это, конечно, дѣленіе юридическое, не соціальное. Чтобы на основаніи его опредѣлить соціальный составъ населенія, мы должны исходить изъ слѣдующихъ соображеній.

Сословія 1—4 представляютъ высшій классъ населенія. Какъ видно изъ данныхъ переписи о распредѣленіи населенія по грамотности, образованію, сословнымъ и возрастнымъ группамъ, къ нимъ принадлежатъ почти всѣ лица съ высшимъ образованіемъ и около половины такихъ съ среднимъ. Относительное число лицъ съ среднимъ и высшимъ образованіемъ рѣзко понижается при переходѣ отъ названныхъ сословій къ тремъ слѣдующимъ. Въ матеріальномъ отношеніи представители первыхъ четырехъ сословій въ общемъ хорошо обезпечены, и поэтому мы въ правѣ причислить ихъ къ высшему классу населенія.

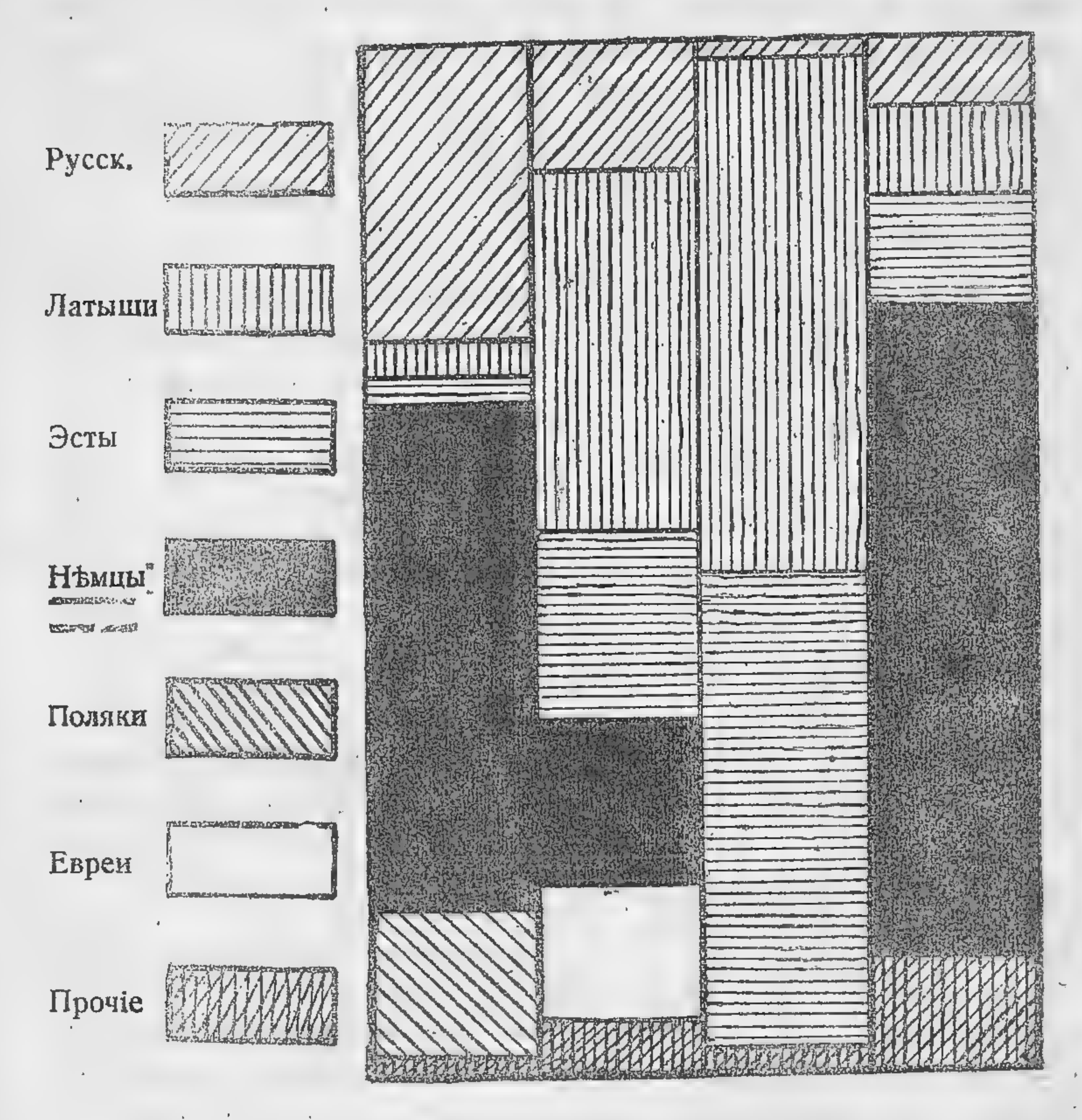
Сословія 5 и 6 составляютъ, очевидно, городской классъ. Нѣкоторые элементы его несомнѣнно примыкаютъ въ соціальномъ отношеніи къ высшимъ классамъ, но зато многихъ изъ чиновниковъ, которые нами отнесены къ высшимъ классамъ, слѣдовало бы правильнѣе причислить къ городскому классу, и поэтому позволительно предполагать, что оба этихъ элемента уравновѣшиваются. Итакъ, мы можемъ считать сословія 5 и 6 за среднiй и низшiй городскіе классы. Только надо, кромѣ того, отнести къ нему всѣхъ крестьянъ, живущихъ въ городѣ, такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что такія лица въ соціальномъ отношеніи уже не крестьяне, а горожане.

Третій соціальный классъ, земледѣльцы, точнѣе крестьяне и батраки, будутъ представлены сословіемъ 7, если изъять изъ него число крестьянъ, живущихъ въ городѣ. Слѣдовало бы изъять также и крестьянъ въ мѣстечкахъ, но число ихъ нельзя установить и по всей вѣроятности оно въ сравненіи съ общимъ числомъ крестьянъ не очень значительно. Но все-таки не надо упускать изъ виду, что приведенное нами число земледѣльцевъ будетъ немного выше дѣйствительнаго и въ связи съ тѣмъ число лицъ, занимающихся городскимъ трудомъ, немного ниже его. Но эта неточность едва ли велика. Мѣщанъ, не живущихъ въ городахъ, не слѣдуетъ относить къ земледѣльческому классу, потому что мѣщане-евреи, нѣмцы и русскіе, живущіе не въ городахъ, навѣрно не занимаются земледѣліемъ; а они какъ разъ составляютъ подавляющее большинство такихъ мѣщанъ. Только мѣщане-негорожане изъ латышей и эстовъ, можетъ быть, отчасти занимаются земледѣліемъ, но число такихъ земледѣльцевъ навѣрно крайне незначительно, и, кромѣ того, нѣтъ никакой возможности опредѣлить его. Поэтому я отношу мѣщанъ внѣ городовъ къ городскому классу; они почти всѣ живутъ, очевидно, въ мѣстечкахъ и занимаются тамъ городскимъ трудомъ.

Сословія 1—4 не мѣняютъ своего соціальнаго облика въ зависимости отъ того, гдѣ они проживаютъ. Евреевъ, неправильно причисленныхъ къ другимъ на-

ціональностямъ, я безъ исключенія отнесъ ко II соціальному классу.

Національный составъ каждой изъ этихъ трехъ соціальныхъ группъ можно нагляднѣе всего изобразить при помощи нижеслѣдующей схемы.

Если прежде всего обратить вниманіе на земледѣльческій классъ, то сейчасъ видно, что онъ почти всецѣло состоитъ изъ коренного населенія края. Дѣйствительно, въ Курляндіи латыши составляютъ 91,48 %, въ Лифляндіи латыши и эсты вмѣстѣ 98,73%, а въ Эстляндіи эсты одни 95,66% этого класса. Это озна-

чаетъ, что въ Курляндіи на 100 человѣкъ, занимающихся земледѣліемъ, 91 — латышъ, въ Лифляндіи 99 — латыши и эсты, а въ Эстляндіи 96 — эсты.

Въ городскомъ классѣ поразителенъ низкій процентъ нѣмцевъ: они во всемъ краѣ среднимъ числомъ составляютъ только 15,90% или меньше $^{1}/_{6}$ его. Больше всего нѣмцевъ среди горожанъ въ Лифляндіи, а именно свыше $^{1}/_{6}$; въ Курляндіи ихъ около $^{1}/_{7}$, въ Эстляндіи — менѣе $^{1}/_{8}$. Коренное населеніе составляетъ среднимъ числомъ 52,97% или болѣе $^{1}/_{2}$ городского класса. Меньше всего его въ этомъ классѣ въ Курляндіи, около $^{2}/_{5}$; въ Лифляндіи латышей и эстовъ больше $^{1}/_{2}$, а въ Эстляндіи однихъ эстовъ уже 70% или почти $^{3}/_{4}$ всего городского класса. Въ Курляндіи въ этомъ классѣ много евреевъ, а именно 27,62% или болѣе $^{1}/_{4}$. То господствующее вліяніе, которымъ нѣмцы еще пользуются въ большихъ городахъ, за исключеніемъ Ревеля, объясняется тѣмъ, что они въ общемъ принадлежатъ къ болѣе зажиточнымъ слоямъ этой соціальной группы. Но зато въ низшемъ и среднемъ городскомъ населеніи явно преобладаютъ латыши и эсты, особенно въ маленькихъ городахъ.

Высшій классъ даетъ намъ опять иную картину: въ немъ ясно выступаетъ преобладающее значеніе нѣмцевъ. Среднимъ числомъ нѣмцевъ въ высшемъ классѣ 49,55%, т. е. $^{1}/_{2}$. Менѣе $^{1}/_{2}$ высшаго класса нѣмцы составляютъ въ Курляндіи, ровно $^{1}/_{2}$ въ Лифляндіи и немного болѣе ея въ Эстляндіи. Послѣ нѣмцевъ значительный процентъ высшаго класса даютъ русскіе; среднимъ числомъ ихъ въ немъ болѣе $^{1}/_{4}$. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ Курляндіи цѣлая четверть высшаго класса состоитъ изъ поляковъ. Понятно, что коренныхъ жителей въ высшемъ классѣ пока еще очень мало. Въ Курл. латыши въ немъ представляютъ лишь 5,30% или немного $^{1}/_{20}$ его; въ Лифл. латыши и эсты вмѣстѣ 6,40% или около $^{1}/_{16}$ его и столько же эсты одни въ Эстляндіи.

Среди лицъ прочихъ или неизвѣстныхъ соціальныхъ классовъ и иностранцевъ много нѣмцевъ. Это объясняется тѣмъ, что въ числѣ прибалтійскихъ нѣмцевъ много иностранцевъ.

Опредѣляя теперь соціальный составъ важнѣйшихъ изъ народностей Прибалтійскаго края, мы получимъ слѣдующую картину:

Соціальный составъ важнѣйшихъ изъ національностей края.

Высшій классъ.

Городской классъ.

Земледѣльческій кл.

Прочіе и иностранцы.

Русскіе. Латыши. Эсты. Нѣмцы.

Разсматривая сначала таблицы латышей и эстовъ, мы сейчасъ же видимъ, что оба этихъ народа состоятъ преимущественно изъ представителей земледѣльческаго класса. Дѣйствительно, изъ латышей среднимъ числомъ 79,03% земледѣльцы, а изъ эстовъ даже 86,73%; это $^4/_5$ всѣхъ латышей и около $^6/_7$ всѣхъ эстовъ. Сообразно съ этимъ, городской классъ многочисленнѣе у латышей. У нихъ онъ составляетъ $^1/_5$, а у эстовъ только немного болѣе $^1/_8$ всего народа. Представителей городского класса среди латышей болѣе всего въ Лифляндіи, а среди эстонцевъ въ Эстляндіи. Это объясняется тѣмъ, что въ Лифляндіи лежитъ Рига, латышскій городъ, а въ Эстляндіи Ревель, эстскій городъ, въ которыхъ скопляется большинство латышскаго и эстскаго городскихъ классовъ. Лицъ высшаго класса среди латышей и эстовъ пока еще очень мало; у латышей ихъ немного больше, чѣмъ у эстовъ. У латышей принадлежитъ къ нимъ изъ 10,000 латышей среднимъ числомъ 17 человѣкъ (въ Курл. 14, въ Лифл. 20), а у эстовъ — 14 (въ Лифл. 13, въ Эстл. 15). Не надо однако забывать, что все это относится къ 1897 г., и что кромѣ того принимаются въ соображеніе исключительно живущіе въ Прибалтійскомъ краѣ латыши и эсты.

Если теперь перейти къ разсмотрѣнію соціальнаго строя прибалтійскаго нѣмечества, то мы тотчасъ же замѣтимъ, какъ ничтоженъ въ немъ процентъ людей, занимающихся земледѣльческимъ трудомъ; они составляютъ только около $^1/_{20}$ всѣхъ нѣмцевъ. Наиболѣе многочисленный среди нѣмцевъ городской классъ, причемъ нѣмцы въ немъ составляютъ болѣе зажиточные слои его. Среднимъ числомъ нѣмцы-горожане составляютъ 67,57% или около $^7/_{10}$ всѣхъ прибалтійскихъ нѣмцевъ. Городской классъ значительнѣе всего и вмѣстѣ съ тѣмъ почти одинаково распространенъ среди нѣмцевъ въ Курляндіи и Лифляндіи: здѣсь представители его составляютъ почти $^7/_{10}$ всѣхъ нѣмцевъ, между тѣмъ какъ въ Эстляндіи они не достигаютъ $^6/_{10}$ всего нѣмецкаго населенія.

Многочисленъ среди нѣмцевъ также и высшій классъ, къ которому нами причислено дворянство; сильнѣе всего высшій классъ распространенъ въ Эст-

ляндіи, слабѣе въ Курляндіи и слабѣе всего въ Лифляндіи. Въ Эстляндіи болѣе $^1/_4$ нѣмцевъ принадлежитъ къ высшему классу, въ Курляндіи около $^1/_6$, въ Лифляндіи около $^1/_7$. Извѣстно, что дворянство среди нѣмцевъ самую большую роль играетъ какъ разъ въ Эстляндіи и Курляндіи. Кромѣ того, въ число нѣмцевъ входитъ много иностранцевъ. На это уже было указано выше.

Важно обратить вниманіе на соотношеніе среди нѣмцевъ высшаго и городского классовъ. Высшій классъ, въ которомъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, господствующее положеніе занимаетъ дворянство, опредѣляетъ политическіе взгляды всего нѣмечества и тѣмъ его постоянно ставитъ въ противоположность къ прогрессивнымъ элементамъ въ краѣ и въ Имперіи. И все-таки нѣмецкій городской классъ болѣе чѣмъ въ 4 раза многочисленнѣе высшаго, въ культурномъ отношеніи стоитъ очень высоко и могъ бы обойтесь безъ чужой опеки, т. е. безъ опеки дворянства. Высшій классъ среди нѣмцевъ дѣйствительно можно отождествлять съ дворянствомъ, такъ какъ число потомственныхъ дворянъ въ немъ составляетъ: въ Эстляндіи немного болѣе $^{11}/_{20}$, въ Курляндіи немного болѣе $^{12}/_{25}$, а въ Лифляндіи немного болѣе $^9/_{20}$.

Разсматривая наконецъ таблицу русскихъ, мы видимъ, что больше половины ихъ состоитъ изъ городского класса. Къ высшему классу принадлежитъ около $^1/_{10}$ русскихъ; это, очевидно, главнымъ образомъ чиновники. Земледѣльцевъ среди русскихъ среднимъ числомъ около $^1/_4$; больше всего ихъ въ Курляндіи.

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о распространеніи образованія и грамотности среди латышей и эстовъ, насколько это можно установить при помощи данныхъ переписи. Образованіе выше начальнаго получило у латышей 0,57% всего народа; у эстовъ только 0,39% его. Это значитъ, что изъ 10,000 латышей его получило 57 человѣкъ, а изъ такого же числа эстовъ только 39. Среди 10,000 нѣмцевъ, напротивъ, съ образованіемъ выше начальнаго 1765 ч.; это немного болѣе $^1/_6$. Что касается грамотности среди латышей и эстовъ, то надо сначала отмѣтить тотъ

фактъ, что грамотныхъ, умѣющихъ читать по-русски вездѣ больше среди мужчинъ, даже среди дѣтей ниже 10 л., чѣмъ среди женщинъ. Но съ другой стороны, грамотность вообще сильнѣе распространена между женщинами, чѣмъ между мужчинами. Очень любопытно то, что грамотныхъ больше среди эстовъ, чѣмъ среди латышей, хотя процентъ эстовъ съ образованіемъ выше начальнаго ниже соотвѣтствующаго процента у латышей.

Изъ 100 эстовъ грамотныхъ 80 человѣкъ, а изъ 100 латышей только 77. Если выдѣлить всѣхъ дѣтей въ возрастѣ оть 1 года до 9 лѣтъ, то окажется, что изъ лицъ старше 10 лѣтъ грамотныхъ: у эстовъ 95,62, а у латышей 92,46%. У эстовъ, такимъ образомъ, среди 100 лицъ старше 10 лѣтъ грмотныхъ 96 ч., а у латышей — 92.

Все вышесказанное относится къ 1897 г. Что касается процента нѣмцевъ въ составѣ населенія края въ настоящее время, то приблизительно его можно опредѣлить на основаніи предварительныхъ данныхъ переписи населенія г. Риги, произведенной 5 декабря 1913 г., которыя опубликованы Рижской Городской Статистической Комиссіей подъ заглавіемъ: „Перепись населенія въ г. Ригѣ и Рижскомъ патримоніальномъ округѣ отъ 5 декабря 1913 г. I выпускъ: Общій обзоръ группировки наличнаго населенія по полу, подданству, мѣсту рожденія, вѣроисповѣданію, національности, обыденному языку въ собственной семьѣ и грамотности; Рига, 1914.“

Въ 1897 г. въ Ригѣ было 255,879 жителей, а въ въ 1913 — 481,950. Такимъ образомъ, въ процентахъ приростъ населенія выражается цыфрою 88,4. Если желательно опредѣлить, какъ за это время измѣнилась въ Ригѣ численность отдѣльныхъ національныхъ группъ, то необходимо имѣть въ виду слѣдующее. При переписи 1897 г. національность устанавливалась на основаніи показаній о родномъ языкѣ; въ 1913 же г. справлялись особо о „національности“ и особо объ „обыденномъ языкѣ въ собственной семьѣ“. Вслѣдствіе этого при переписи 1913 г. оказалось, что нѣмцевъ по національности было меньше чѣмъ лицъ, гово-

рящихъ въ семьѣ по-нѣмецки (такъ же, конечно, обстояло дѣло и съ русскими).

Но кромѣ этихъ двухъ переписей еще въ 1881 г. была сдѣлана общая перепись населенія Прибалтійскаго края, при производствѣ которой почти такъ же, какъ въ 1913 г., ставился вопросъ, какъ о „національности", такъ и объ „обычномъ языкѣ".

Какъ же при такомъ положеніи вещей установить перемѣны, происшедшія въ численномъ составѣ живущихъ въ Ригѣ національностей? Рижская Статистическая Комиссія разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: съ одной стороны, „вполнѣ точное сравненіе численности населенія, сгруппированнаго по языку, въ Ригѣ немыслимо, такъ какъ при производствѣ переписей вопросъ (о языкѣ) ставился различно: въ . . . 1881 г. регистраціи подлежалъ „обычный языкъ", въ 1897 г. „родной языкъ", въ 1913 г. „обыденный языкъ въ собственной семьѣ". Съ другой стороны, по мнѣнію той же Комиссіи, оказывается „невозможнымъ сопоставить національныя группировки Риги, такъ какъ вопросъ о „національности" входилъ въ программу переписи только въ въ 1881 и 1913 гг." (стр. 29). Какъ же тогда поступить „при желаніи получить приблизительныя данныя о происшедшихъ за послѣднее время перегруппировкахъ національностей"? Логическимъ является, очевидно, лишь выводъ ограничиться при этомъ данными о національности переписей 1881 и 1913 гг. такъ какъ только эти данныя даютъ указаніе на національность. Но Рижская Стат. Комиссія находитъ, что „необходимо" . . . „воспользоваться языкомъ, какъ главнымъ отличительнымъ признакомъ національности", хотя раньше было сказано, что „вполнѣ точное сравненіе численности населенія, сгруппированнаго по языку, въ Ригѣ немыслимо". Точка зрѣнія Рижск. Стат. Ком. неправильна не только въ виду всего вышеизложеннаго, но еще и по слѣдующимъ соображеніямъ.

Мнѣ хорошо извѣстно, что многіе латыши, говорившіе въ семьѣ по-нѣмецки, въ 1897 г. показали какъ свой родной языкъ латышскій, чтобы не увеличить число нѣмцевъ, между тѣмъ какъ тѣ же лица въ 1913 г. (а также и въ 1881 г.) могли свободно заявить:

„мы говоримъ въ семьѣ по-нѣмецки, но по національности мы все-таки латыши.“ Такимъ образомъ выходитъ, что при сравненіи числа „нѣмцевъ“ переписи 1897 г. съ общимъ числомъ пользовавшихся въ 1913 г. нѣмецкимъ языкомъ въ семьѣ, число „нѣмцевъ“ можетъ оказаться увеличившимся, хотя оно на самомъ дѣлѣ осталось тѣмъ же, какимъ было раньше. Отсюда неудивительно, что Рижская Городск. Стат. Ком., руководясь только языкомъ, находитъ, что число нѣмцевъ въ Ригѣ съ 1881 до 1897 г. убавилось на 2,2%; а отъ 1897 до 1913 г. возросло на 20,6%. (Табл. 17). Объясняется это тѣмъ, что въ число „нѣмцевъ“ въ 1881 и 1913 гг. были зачислены всѣ, говорившіе тогда по-нѣмецки. Помимо того, разъ дѣло обстояло такъ, что въ 1897 г. многіе латыши, говорившіе тогда по-нѣмецки, показали какъ свой родной языкъ латышскій и были причислены къ латышамъ, то ясно, что число „нѣмцевъ“ 1897 г. стоитъ ближе къ числу нѣмцевъ по національности, чѣмъ къ числу лицъ, обыденнымъ языкомъ которыхъ является нѣмецкій. Ошибка, и только въ пользу нѣмцевъ по національности, будетъ очень незначительна, если мы, кромѣ того, какъ сдѣлано раньше, вычтемъ евреевъ, говорившихъ въ 1897 г. по-нѣмецки и поэтому тогда причисленныхъ къ нѣмцамъ. Такимъ образомъ, получается, что мы съ данными переписей 1881 и 1913 гг. о числѣ нѣмцевъ по національности можемъ сопоставить за 1897 г. число лицъ съ роднымъ нѣмецкимъ языкомъ безъ тѣхъ изъ нихъ, которыя оказались еврейскаго вѣроисповѣданія.

При установленіи числа нѣмцевъ по національности для 1881 г. повторяется старая исторія.

Издатели результатовъ переписи населенія Прибалтійскаго края 1881 г. говорятъ относительно этого слѣдующее (предисловіе ко II выпуску I тома результатовъ переписи населенія Лифляндской губерніи): „Въ смыслѣ нашей переписи подъ національностью слѣдовало понять ту національную сферу образованія и культуры („Bildungs- und Kultursphäre“), къ которой каждый относитъ самого себя“. (Съ этимъ опредѣленіемъ національности можно только согласиться). „Но,

очевидно, продолжаютъ издатели, при отвѣтѣ на вопросъ о національности въ очень многихъ случаяхъ были рѣшающими другіе моменты, а именно, или національное происхожденіе, или подданство. При такой неравномѣрности въ отвѣтахъ на упомянутый вопросъ мы должны ссылаться на таблицы о языкѣ, который и при нашей переписи оказался относительно лучшимъ признакомъ національности, и которому нами дается предпочтеніе почти при всѣхъ сводныхъ группировкахъ". Чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, не слѣдуетъ, прежде всего, забыть, что евреевъ, говорящихъ по-нѣмецки, уже никакъ нельзя отнести къ лицамъ, находящимся подъ вліяніемъ нѣмецкой культуры, такъ какъ духовный міръ еврея опредѣляется его вѣрой, а не тѣмъ языкомъ, на которомъ онъ выражается. Это понимаетъ издатель результатовъ переписи Курляндской губерніи и поэтому всѣхъ евреевъ-нѣмцевъ относитъ къ евреямъ. Но въ томахъ, посвященныхъ Лифл. и Эстл. гг., это не такъ. Значитъ, во-первыхъ, можно смѣло отбросить всѣхъ евреевъ-нѣмцевъ. Затѣмъ идетъ большое число лицъ, латышей и эстовъ по національности, но показавшихъ какъ обычный языкъ нѣмецкій. Можно ли сказать объ этой группѣ, что она принадлежитъ къ лицамъ нѣмецкой культуры? Едва ли. Не слѣдуетъ забывать, что въ первой половинѣ 80-ыхъ годовъ могущество нѣмцевъ въ краѣ еще не было поколеблено, и что поэтому тогда всякій, кто дѣйствительно былъ онѣмеченъ, т. е. вполнѣ усвоилъ себѣ нѣмецкую культуру, ни за что не признавался бы въ томъ, что онъ по происхожденію латышъ или эстъ. Если, несмотря на то, все-таки нашлись люди, которые это сдѣлали при переписи, на это значитъ, или, что въ нихъ пробудилось національное самосознаніе, или же, что они такъ плохо владѣли своимъ „обычнымъ языкомъ", что при всей доброй волѣ не могли скрыть своего происхожденія. Причислить всѣхъ таковыхъ къ лицамъ, проникнутымъ нѣмецкой культурой, конечно, нельзя. Вѣдь если кто-нибудь въ тѣ времена заявлялъ, что онъ латышъ или эстъ, то онъ этимъ исключалъ себя, какъ представителя низшей и враждебной расы, отъ общенія съ нѣмцами.

Что касается, наконецъ, того, что нѣкоторые нѣмцы по недоразумѣнію подъ національностью поняли подданство и назвали себя русскими, то ихъ число не можетъ быть велико. На самомъ дѣлѣ, число русскихъ „по національности", говорившихъ въ 1881 г. по-нѣмецки, составляетъ на весь край только 3,032 ч., изъ которыхъ 1,962 ч. относятся къ населенію Риги. Если имѣть въ виду, что и теперь еще въ Прибалтійскомъ краѣ встрѣчаются совершенно онѣмеченные русскіе, то сколько же тогда останется для 1881 г. такихъ нѣмцевъ, которые только по недоразумѣнію попали въ русскіе по національности? Число ихъ, очевидно, такъ незначительно, что имъ можно пренебречь безо всякой серьезной неточности. Вотъ къ какимъ пріемамъ прибѣгаютъ нѣмецкіе изслѣдователи „ad majorem patriae gloriam"; въ данномъ случаѣ для того, чтобы установить какъ можно большее число нѣмцевъ въ составѣ населенія края.

Если, такимъ образомъ, руководиться только признакомъ національности, то для 1881 г. мы получаемъ слѣдующее число нѣмцевъ: во всемъ краѣ 155,893; (а не обыкновенно приводимая цифра 185,182); въ Курл. губ. 47,280; въ Лифл. г. 91,492; въ Эстл. г. 17,121.

Что касается Риги, то въ ней было нѣмцевъ по національности: въ 1881 г. 52,787 ч.; въ 1897 г. 63,270, а въ 1913 г. 69,016. Приростъ отъ 1881 г. и до 1897 г. и отъ 1897 г. и до 1913 въ процентахъ выражается числами: 19,85 и 9,08.

Между тѣмъ число русскихъ и латышей въ Ригѣ измѣнилось слѣдующимъ образомъ:

	въ 1897 г.	въ 1913 г.	процентъ прироста
русскіе	44,231	99,603	125,2
латыши	127,046	218,097	71,7

Что касается числа всѣхъ нѣмцевъ въ деревняхъ, то всѣмъ извѣстно, что оно за послѣднее время не повысилось, а, напротивъ, понизилось. Принимая въ разсчетъ незначительный приростъ нѣмцевъ въ Ригѣ: менѣе 6,000, хотя 7/10 нѣмцевъ принадлежатъ къ городскому классу, мы имѣемъ полное право утверждать,

что общая численность нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ за время отъ 1897 г. въ лучшемъ для нихъ случаѣ осталось такой же, каковой она была въ 1897 г.

Мы имѣемъ на это право тѣмъ болѣе, что число нѣмцевъ даже за время отъ 1881 г. и до 1897 не увеличилось, а, напротивъ, уменьшилось, а именно съ 155,893 ч. на 148,225 ч. или съ 7,36% всего населенія на 6,21%.

Если на основаніи вышесказаннаго опредѣлить процентъ нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ въ 1912 г. — новѣйшихъ данныхъ относительно населенія края не имѣется — то получится слѣдующее: все населеніе края въ 1912 г. равнялось 2,767,900 ч.; въ этомъ числѣ нѣмцевъ было въ лучшемъ случаѣ 148,225 ч. или 5,35%.

II глава.

Отзывъ профессора К. Бюхера о трудахъ прибалтійскихъ нѣмцевъ по аграрному вопросу въ краѣ.

Какъ это ни странно, прибалтійскіе нѣмцы не знаютъ исторіи своего края. Фактическая сторона его судебъ имъ неизвѣстна, а общій характеръ хода развитія имъ рисуется въ видѣ благочестивыхъ легендъ нѣсколькихъ услужливыхъ представителей балтійской исторіографіи; легенды эти составлены, чтобы также и съ этой стороны оправдать притязанія прибалтійскаго нѣмечества на господствующее положеніе въ краѣ, и гласятъ приблизительно такъ: когда первые нѣмецкіе колонисты прибыли въ край, обитатели его оказались чуть ли не настоящими дикарями. Нѣмцы покорили ихъ мечомъ и огнемъ, но зато передали имъ ученіе христіанства о любви къ ближнему и пріобщили ихъ къ западно-европейской культурѣ. Времена господства духовно-рыцарскаго ордена, который владѣлъ страной, идеализируются въ неменьшей степени, хотя они переполнены ожесточенной борьбой отдѣльныхъ сословій. Во второй половинѣ XVI вѣка орденъ, наконецъ, распался на части, которыя потеряли свою самостоятельность. Въ дѣлахъ внутреннихъ власть вскорѣ сосредоточилась въ рукахъ дворянства, которое будто бы всегда имѣло въ виду интересы всего края, особенно пеклось о благополучіи своихъ крѣпостныхъ крестьянъ и даже по собственному почину въ началѣ XIX столѣтія даровало имъ свободу. Но въ концѣ концовъ эти когда-то закрѣпощенные латыши и эсты оказались крайне неблагодарными. Они не хотѣли и не хотятъ понимать того, что всѣмъ своимъ благосостояніемъ и всей своей культурой обязаны исключительно добрымъ намѣреніямъ

дворянства, и отблагодарили своихъ благодѣтелей черной неблагодарностью.

Въ виду существованія у нѣмцевъ такого взгляда на исторію края, необходимо сперва дать краткій историческій обзоръ отношеній нѣмцевъ къ латышамъ и эстамъ.

Въ доказательство того, что не только неблагодарные и неблагонамѣренные латыши и эсты осмѣливаются относиться съ критикой къ историческимъ изслѣдованіямъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, но что даже свѣтилы германской науки принуждены сознаться въ томъ, что „большею частью“ работъ по аграрному вопросу, написанныхъ прибалтійскими нѣмцами, можно пользоваться только съ „большою осторожностью“, такъ какъ онѣ пристрастны — въ доказательство всего этого я приведу ниже въ сокращенномъ видѣ статью извѣстнаго Лейпцигскаго профессора политической экономіи Карла Бюхера. Все, что Бюхеръ говоритъ о „работахъ по аграрному вопросу“, относится, конечно, и ко всѣмъ остальнымъ историческимъ трудамъ, принадлежащимъ перу прибалтійскихъ нѣмецкихъ изслѣдователей.

Сверхъ того, статья Бюхера даетъ интересный примѣръ того, какъ въ Прибалтійскомъ краѣ со стороны нѣмцевъ ведется литературная полемика противъ лицъ, высказывающихъ непріятные для нихъ взгляды, безразлично, былъ ли это Бюхеръ или неизвѣстный еще какой-нибудь другой начинающій ученый.

Статья Бюхера носитъ заглавіе „Послѣднее слово по Лифляндскому аграрному вопросу“ (Ein letztes Wort zur livländischen Agrarfrage) и напечатана въ издаваемой Бюхеромъ же „Zeitschrift für die gesamten Staatswissenschaften“ (1910 г.), на страницахъ 762—765. Вызвана она слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Бюхеръ включилъ въ число приложеній къ своему журналу докторскую диссертацію молодого ученаго, нѣмца-балта Адольфа Агте. Тема диссертаціи (номеръ 29-ый приложеній): „Происхожденіе и положеніе сельскихъ рабочихъ въ Лифляндіи“. Вскорѣ послѣ этого въ томъ же журналѣ Александръ Тобинъ помѣстилъ возраженіе противъ Агте подъ тѣмъ же заглавіемъ (стр. 157—177 и 374—396). На это возраженіе послѣ-

довалъ отвѣтъ со стороны Агте: „Къ критикѣ г-на Тобина по вопросу о происхожденіи и положеніи сельскихъ рабочихъ въ Лифляндіи“ (стр. 396—407). Когда Бюхеръ вслѣдствіе этого подвергся многочисленнымъ нападкамъ со стороны нѣмцевъ-балтовъ, то онъ и напечаталъ свое упомянутое „Послѣднее слово“.

Въ немъ Бюхеръ сперва указываетъ на то обстоятельство, что съ возраженіемъ Тобина ознакомили широкую публику въ Прибалтійскомъ краѣ путемъ распространенія его на книжномъ рынкѣ, причемъ однако объ отвѣтѣ Агте Тобину не упоминалось ни слова. „Это повело къ новымъ ожесточеннымъ нападкамъ на Агте, и когда существованія его отвѣта уже нельзя было болѣе скрыть, то нападки перенеслись на издателя настоящаго журнала. . .“ До тѣхъ поръ, пока эти нападки ограничились „яростными статьями въ политической прессѣ“, Бюхеръ „молча клалъ присылаемые ему на домъ номера газетъ къ остальнымъ“. Наконецъ онъ получилъ, и притомъ „одновременно съ разныхъ сторонъ“ нѣсколько номеровъ журнала „Baltische Wochenschrift für Landwirtschaft, Handel und Gewerbe“ (Балтійскій Еженедѣльникъ для Земледѣлія, Промышленности и Торговли), въ которыхъ была перепечатана статья Тобина, съ введеніемъ, написаннымъ непремѣннымъ секретаремъ Императорскаго Лифляндскаго Общеполезнаго Экономическаго Общества Густавомъ фонъ Штрикомъ. Затѣмъ Бюхеръ продолжаетъ: „Такъ какъ одно изъ этихъ отправленій вслѣдствіе сопровождающаго его письма является официальнымъ актомъ уважаемаго общества, то я не хотѣлъ бы оставить его безъ вниманія, но предупреждаю, что въ названной статьѣ фонъ Штрика вижу лишь выраженіе личнаго мнѣнія этого господина. . .

Въ статьѣ мнѣ ставится въ упрекъ, что я 1) „рекомендовалъ научному міру“ работу А. Агте уже тѣмъ самымъ, что помѣстилъ ее въ приложеніяхъ къ своему журналу, 2) что я допустилъ г-на Агте къ „заключительному слову“, 3) что я не отвергъ взведеннаго г-номъ Агте на Тобина упрека въ служебной предвзятости (Тобинъ руководитель статистическаго бюро дворянства) и 4) что я не понимаю того особен-

наго труднаго положенія, при которомъ работаетъ нѣмецкій элементъ, принадлежащій къ числу русскихъ подданныхъ. Наконецъ, высказывается сожалѣніе Лейпцигскому университету о томъ, что при немъ могутъ получить ученую степень такіе люди, какъ Агте, и ему дается совѣтъ, чтобы передъ допущеніемъ иностранцевъ въ университетъ, а особенно при соисканіи ученой степени доктора справляться объ ихъ среднемъ образованіи.

Чтобы прежде всего опровергнуть эту инсинуацію, я только отмѣчу то, что философскій факультетъ Лейпцигскаго университета, согласно съ уставомъ, допустилъ г-на Агте къ испытанію на степень доктора на основаніи свидѣтельства о зрѣлости, выданнаго Рижскою Городскою классическою Гимназіею, и свидѣтельствъ о прослушаніи курса, выданныхъ Дерптскимъ и Лейпцигскимъ университетами. . . . Впрочемъ Лейпцигскому университету нечего безпокоиться изъ-за упрека, что на одномъ изъ его факультетовъ нежелательный изслѣдователь аграрной исторіи Лифляндіи незаслуженнымъ образомъ получилъ ученую степень доктора. Тотъ же самый упрекъ въ 1882 году въ балтійскихъ газетахъ былъ сдѣланъ Дерптскому университету, когда его историко-филологическій факультетъ на предложеніе мое и Миттгофа удостоилъ І. фонъ Кейсслера степени доктора политической экономіи. І. фонъ Кейсслеръ, на котораго друзья г-на фонъ Штрика теперь ссылаются какъ на авторитетъ, тогда подвергся публично такимъ же оскорбленіямъ, какъ сейчасъ др. Агте, хотя онъ не совершилъ никакого другого преступленія, кромѣ того, что онъ по отношенію къ русскимъ аграрнымъ порядкамъ высказалъ иное, чѣмъ большинство его земляковъ, мнѣніе.

Той же судьбѣ . . . издавна подвергались всѣ тѣ, которые отстаивали въ литературѣ безпристрастный взглядъ на аграрный вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Каждый разъ примѣняли то же самое простое средство, чтобы дискредитировать противника: называли его мнѣніе ненаучнымъ, а его самого выставляли невѣждой. Въ послѣднее время къ тому еще заподозриваютъ и національныя убѣжденія противника.

Др. Агте, которому его противники не могутъ отказать въ хорошемъ знанiи литературы по аграрному вопросу, могъ поэтому предвидѣть, а также и мною былъ вполнѣ опредѣленно предупрежденъ о томъ, что ему грозитъ на его родинѣ послѣ выхода его труда. Онъ вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что на немъ лежитъ отвѣтственность за его работу какъ въ цѣломъ, такъ и въ частности, между тѣмъ какъ я самъ . . . отвѣчаю только въ общемъ за ея научный характеръ. Что я былъ обязанъ предоставить г-ну Агте слово для защиты на полемику Тобина, которая занимала болѣе 42 страницъ этого журнала, само собой понятно — по крайней мѣрѣ, по господствующимъ въ Германiи понятiямъ литературнаго приличiя. Если Агте въ своемъ спокойномъ и дѣловитомъ отвѣтѣ счелъ себя въ правѣ отмѣтить, что его ожесточенный противникъ — чиновникъ лифляндскаго дворянства и поэтому пристрастенъ, то онъ имѣлъ на это полное право, такъ какъ его, навѣрное несправедливо, упрекнули въ тенденцiозности. Онъ это сдѣлалъ въ гораздо болѣе мягкихъ выраженiяхъ, чѣмъ въ свое время Кейсслеръ, и поэтому я при просмотрѣ рукописи этого мѣста не опустилъ.

По поводу этого г-нъ фонъ Штрикъ выходитъ изъ себя и пишетъ: если такихъ лицъ, какъ Александръ Тобинъ, обвиняютъ въ прислужничествѣ (какъ это случилось здѣсь), и если редакцiя не протестуетъ и допускаетъ подобныя обвиненiя до полученiя самыхъ точныхъ свѣдѣнiй, то нельзя молчать въ виду такого легкомыслiя (!). Въ лицѣ его оскорбляютъ насъ всѣхъ,... на которыхъ лежитъ служебная *обязанность оставаться въ постоянномъ соприкосновенiи съ опредѣленной сферой влiянiя.* (Восклицательный знакъ и курсивъ Бюхера).

Г-нъ фонъ Штрикъ издѣвается надъ самимъ собой и не замѣчаетъ, какъ. Къ столь большой осторожности по отношенiю къ большей части трудовъ лифляндскихъ историковъ, касающихся аграрнаго вопроса, принуждаетъ насъ при научной работѣ именно то обстоятельство, что они составлены авторами, которые находились въ „постоянномъ соприкосновенiи съ опре-

дѣленной сферой вліянія“, попросту, были пристрастны, хотя бы только подъ вліяніемъ (ими самими не сознаваемыхъ) сословныхъ предразсудковъ, а иногда, безъ сомнѣнія, также и сословныхъ интересовъ.

Г-нъ фонъ Штрикъ, который также смотритъ на себя, какъ на чиновника дворянства, подтверждаетъ свое пребываніе въ „сферѣ этого вліянія“ тѣмъ, что онъ сполна перепечатываетъ полемику Тобина, отвѣтъ же Агте по прописанному и мнѣ рецепту замалчиваетъ. Въ виду этого мнѣ нечего удивляться требованіямъ, которыя онъ мнѣ предъявляетъ; спорить съ такими господами нельзя — пусть они себѣ ораторствуютъ.

Я не знаю, находится ли въ дѣйствительныхъ интересахъ дворянства, которыхъ я не отождествляю съ интересами всего прибалтійскаго нѣмечества, такого рода литературная полемика, при которой противникъ съ самаго начала лишенъ возможности защиты. Что г-ну Агте почти невозможно защищаться въ прессѣ родного края, напередъ извѣстно нападающимъ на него храбрецамъ. Но вотъ что я знаю: если теперешнее поколѣніе будетъ продолжать оправдывать грѣхи отцовъ, которые, какъ никакъ, взыскиваются съ дѣтей въ 3 и 4 поколѣніяхъ, или восхвалять допущенныя ими ошибки какъ вполнѣ правильное пониманіе аграрныхъ и политическихъ отношеній, вмѣсто того, чтобы ихъ назвать настоящимъ именемъ и исправить, насколько это еще возможно, то это не поведетъ къ упорядоченію аграрныхъ отношеній края. Попытка при помощи литературнаго терроризма сдѣлать невозможнымъ свободный обмѣнъ мнѣній въ самомъ краѣ еще можетъ нѣкоторое время имѣть успѣхъ, но она безсильно разобьется о литературу большого нѣмецкаго культурнаго міра, и если въ Лифляндіи писатели изъ среды дворянства присваиваютъ себѣ и своимъ друзьямъ монополію „научности“, то это въ остальномъ мірѣ можетъ вызвать только снисходительную улыбку.“

III глава.

Отношеніе нѣмцевъ къ коренному населенію края до конца XVIII столѣтія.

Когда первые нѣмецкіе колонисты прибыли въ теперешній Прибалтійскій край, населяющія его народности мало чѣмъ отличались отъ своихъ сосѣдей, какъ напримѣръ, финновъ, литовцевъ, пруссовъ. Они въ общемъ находились на той же ступени культурнаго развитія, какъ и тѣ, и на нихъ нельзя смотрѣть ни какъ на дикарей, ни какъ на полудикарей. Они издавна находились въ сношеніяхъ съ болѣе культурными народами — по Двинѣ шелъ старинный торговый путь — они давно перешли къ осѣдлому образу жизни, у нихъ уже замѣчались сильные зачатки соціальной и политической жизни, и передъ ними была открыта возможность дальнѣйшаго развитія на національной почвѣ. Нельзя сказать: „если бы не пришли нѣмцы, то край завоевали бы другіе, и судьба его жителей была бы, можетъ быть, еще болѣе тяжелой". Историкъ можетъ считаться только съ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ случилось, и не долженъ предаваться безполезнымъ и безпочвеннымъ фантазіямъ о томъ, что бы было, если бы случилось не то, а другое. Но если даже пуститься въ такого рода разсужденія, то съ тѣмъ же правомъ можно утверждать: „если бы не пришли нѣмцы, то пришли бы шведы, какъ это послѣ и случилось, ихъ заботы о благоустройствѣ края начались бы раньше, и латышамъ и эстамъ, можетъ быть, такъ же, какъ финнамъ, не пришлось бы испытать иго крѣпостничества".

Покореніе края нѣмцами, такимъ образомъ, лишило населяющія его народности возможности само-

бытнаго развитія. Что же оно имъ дало взамѣнъ этого? Что обращеніе въ христіанство было внѣшнимъ, теперь уже не оспаривается даже и прибалтійскими нѣмцами. Въ своей статьѣ объ „Евангелическо-лютеранской мѣстной церкви“ (въ сборникѣ „Baltische Bürgerkunde“) Артуръ фонъ Виллебуа по поводу этого говоритъ слѣдующее: „Въ соотвѣтствіи съ духомъ того времени и съ господствующими въ католической церкви принципами, а также и вслѣдствіе недостаточнаго въ первое время знакомства съ языками мѣстныхъ народовъ, обращеніе языческаго коренного населенія по большей части состоялось въ формѣ принужденнаго подчиненія и внѣшняго присоединенія къ христіанству“ (стр. 227). Но неутомимые защитники прибалтійскаго нѣмечества находятъ оправданіе этому характеру обращенія: онъ-де обусловленъ „духомъ времени“. Такое признаніе весьма цѣнно, такъ какъ безпристрастный изслѣдователь исторіи края ничего другого и не требуетъ, какъ признанія въ томъ, что прибалтійскіе нѣмцы только очень рѣдко возвышались надъ уровнемъ своего времени, и отнюдь не были, какъ это утверждается и теперь еще, чуть ли не всегда, мудрыми государственными дѣятелями и человѣколюбивыми господами, которые самоотверженно заботились о своихъ подвластныхъ крестьянахъ. Нѣтъ, они были такими, какими вездѣ бываютъ завоеватели-колонисты, и дѣйствовали такъ, какъ вездѣ дѣйствуютъ дворяне-помѣщики. Разъ это такъ, то понятно, что они никакихъ особыхъ похвалъ и никакой особой благодарности ни съ чьей стороны не заслуживаютъ. Къ сожалѣнію, несмотря на полную возможность видѣть вещи такими, каковы онѣ есть на самомъ дѣлѣ, прибалтійскіе нѣмцы еще очень далеки отъ вѣрнаго пониманія своего прошлаго.

Христіанство новообращеннымъ ничего не дало, такъ какъ и впослѣдствіи никто не заботился о томъ, чтобы ихъ лучше ознакомить съ нимъ. Упомянутый уже Виллебуа говоритъ: „Орденъ и духовенство не сумѣли сохранить римско-католической церкви рядомъ съ внѣшнимъ господствомъ и внутреннее. Развращенные въ нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ

внутренними распрями и внѣшними войнами, рыцари ордена и священники думали только о взиманіи тягостныхъ податей въ пользу церкви, чтобы самимъ поживиться" (стр. 228). Объ умственномъ развитіи народа при помощи школъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ (не принимая въ соображеніе даже всего остального) изъ призваннаго къ этому дѣлу католическаго духовенства почти никто не зналъ мѣстныхъ языковъ. Еще въ 1428 году и позднѣе было, напримѣръ, постановлено, чтобы къ мѣстамъ священниковъ допускались только лица, знающія языкъ своей паствы. Для Виллебуа это, конечно, не „еще", а „уже", между тѣмъ какъ уже прошло свыше 200 лѣтъ послѣ обращенія въ христіанство!

Что касается матеріальнаго и соціальнаго положенія покоренныхъ, то они къ началу XVI столѣтія уже находились въ полной крѣпостной зависимости отъ своихъ господъ. Подъ полной крѣпостной зависимостью понимается такое положеніе крестьянъ, при которомъ они, будучи прикрѣплены къ землѣ, не имѣютъ права свободнаго передвиженія и вмѣстѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ являются полной собственностью помѣщиковъ, которые ихъ могутъ продавать, какъ любую вещь. Землею владѣетъ, конечно, только одинъ помѣщикъ; онъ же имѣетъ и право суда надъ своими крестьянами.

Принятіе мѣстнымъ населеніемъ реформаціи въ началѣ XVI столѣтія было столь же внѣшнимъ, какъ раньше обращеніе его въ христіанство. Объ умственномъ развитіи населенія въ общемъ заботились по прежнему мало. Я ссылаюсь на сочиненіе А. Тобина „Аграрное законодательство Лифляндіи въ XIX столѣтіи, ч. I, 1899 г. и ч. II, 1911 г. (Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert. Въ дальнѣйшемъ оба тома сочиненія нами будутъ приводиться подъ „Тобинъ, I и II"). Въ главѣ о народномъ просвѣщеніи (I, стр. 36) Тобинъ говоритъ слѣдующее: „Пока въ Лифляндіи былъ въ силѣ католицизмъ, дѣло народнаго просвѣщенія не имѣло подъ собой твердой почвы. Хотя XVI столѣтіе и не осталось совсѣмъ безъ попытокъ дать сельскому населенію основы самаго элементарнаго об-

разованія, все-таки тогда не могло быть и рѣчи объ организованномъ школьномъ обученіи, которое дало бы больше, чѣмъ незначительное религіозное наставленіе... Только послѣ того какъ Густавъ Адольфъ прочно установилъ лютеранскую церковь на развалинахъ польскаго режима, дѣло народнаго просвѣщенія получило дѣятельную поддержку".

Шведское правительство заботилось не только о поднятіи духовнаго уровня сельскаго населенія, но равнымъ образомъ и объ улучшеніи его матеріальнаго и соціальнаго положенія.

Что касается перваго, то были приняты мѣры для правильной организаціи народныхъ школъ, и дѣтямъ крестьянъ былъ даже открытъ доступъ въ гимназіи. Кромѣ того, приступили къ переводу библіи на латышскій языкъ; этотъ переводъ вышелъ въ 1685—1689 гг. Значитъ, только спустя полтораста лѣтъ послѣ введенія реформаціи и притомъ лишь благодаря заботамъ шведскаго правительства была дана латышамъ въ руки библія на ихъ родномъ языкѣ, хотя цѣлью реформаціи между прочимъ являлось также и ознакомленіе вѣрующихъ со словомъ Божіимъ на ихъ родномъ языкѣ. На это можно было бы возразить, что ко времени введенія реформаціи закрѣпощенное сельское населеніе было настолько необразованно, что не имѣло бы никакой пользы отъ библіи на родномъ языкѣ. Но кого въ такомъ случаѣ слѣдовало бы винить въ этомъ? Конечно, только тѣхъ, отъ которыхъ латыши и эсты будто бы получили всю свою культуру.

Полный переводъ библіи на эстскомъ языкѣ появился лишь въ 1739 г., хотя имѣлись болѣе ранніе переводы отдѣльныхъ частей Новаго Завѣта.

Что касается экономическаго и соціальнаго положенія крестьянъ, то прежде всего въ 1632 г. Густавъ Адольфъ лишилъ помѣщиковъ права уголовнаго судопроизводства надъ своими крестьянами и передалъ его королевскому надворному суду въ Дерптѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянамъ было предоставлено право подавать жалобы на своихъ господъ. Впослѣдствіи шведское правительство точно опредѣлило величину и качество

находящейся въ пользованіи крестьянъ земли и сообразно съ этимъ установило размѣръ ихъ повинностей помѣщикамъ: до сихъ поръ эти повинности были неограниченны. Кромѣ того, крестьянамъ было дано болѣе обезпеченное право пользованія своими усадьбами.

Все это сразу измѣнилось послѣ присоединенія края къ Россіи. Политика, которую при этомъ преслѣдовало дворянство, а именно, сохранять за собой какъ можно больше привилегій въ самоуправленіи края, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: даже изслѣдователи исторіи края изъ дворянъ называютъ край „дворянской республикой" и говорятъ о „дворянской олигархіи" въ немъ.

Каково было положеніе крестьянъ къ концу XVIII столѣтія, пусть намъ разскажетъ А. Тобинъ. „Постановленія 1765 г. (въ пользу крестьянъ) впослѣдствіи нисколько не соблюдались (I, стр. 106). Отношенія между помѣщиками и крестьянами сдѣлались болѣе обостренными, чѣмъ раньше (стр. 110). Продажа крѣпостного отдѣльно отъ земли стала вполнѣ обычной, даже случалось, что крѣпостные продавались съ публичнаго торга. Побѣги крестьянъ, послѣдствіе вполнѣ опредѣлившагося крѣпостничества, все учащались, хотя противъ этого принимались энергичныя мѣры (стр. 110 и сл.). Права помѣщика надъ личностью крѣпостного были почти неограниченны, право пользованія землей крѣпостнымъ не обезпечено, барщина не ограничена (стр. 133)".

Сверхъ того я еще приведу нѣсколько выдержекъ изъ сочиненія Астафа фонъ Транзээ „Помѣщикъ и крестьянинъ въ Лифляндіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, 1890; (Gutsherr und Bauer in Livland im 17. und 18. Jahrhundert). „Крѣпостныхъ дарили, передавали по наслѣдству, закладывали, мѣняли и продавали, какъ любое другое имущество (стр. 193 и сл.). Продажа крѣпостныхъ отдѣльно отъ земли было явленіемъ самымъ обычнымъ, но случалось также, что крѣпостные продавались и болѣе значительными партіями, притомъ даже съ публичнаго торга (стр. 196). Крѣпостные продавались, какъ движимое имущество, приблизительно, какъ домашнія животныя (стр. 197). Существовали,

конечно, отдѣльные помѣщики, которые подъ вліяніемъ западно-европейскихъ идей пришли къ убѣжденію, что въ торговлѣ человѣкомъ лежитъ униженіе человѣческаго достоинства, но тѣ, которые такъ думали, составляли, несомнѣнно, исключеніе. Въ общемъ при обсужденіи этихъ вопросовъ руководились чисто-практическими соображеніями (стр. 198). Положеніе обострялось и въ концѣ концовъ сдѣлалось невыносимымъ" (стр. 186).

Нѣтъ сомнѣнія, что всему этому способствовало страшное разореніе края во время великой Сѣверной войны; не безъ вліянія остались и взгляды русскихъ помѣщиковъ на крѣпостное право, но все-же сущность дѣла заключается въ томъ, что нѣмецкое дворянство всѣмъ этимъ пользовалось въ своихъ интересахъ.

Насчетъ того, какъ въ тѣ времена прибалтійскій дворянинъ-помѣщикъ смотрѣлъ на своихъ крѣпостныхъ, у насъ имѣются цѣнныя признанія, исходящія изъ устъ самого же дворянства. Изъ нихъ самое замѣчательное — отвѣтъ лифляндскаго дворянства Прибалтійскому генералъ-губернатору графу Броуну на его предложеніе улучшенія быта крестьянъ, внесенное въ ландтагъ по повелѣнію Императрицы Екатерины II. (Предложеніе гр. Броуна и отвѣтъ дворянства напечатаны въ трудѣ Р. фонъ Самсона „Историческій опытъ уничтоженія крѣпостной зависимости въ Остзейскихъ губерніяхъ. . . (Historischer Versuch über die Aufhebung der Leibeigenschaft in den Ostseeprovinzen, mit besonderer Bezugnahme auf das Herzogtum Livland — приложеніе къ журналу „Inland" за 1838 г.). Въ положеніи крестьянъ особенно нетерпимымъ Императрица нашла слѣдующее: 1) „крестьянину не предоставляется право собственности даже на такія вещи, которыя онъ пріобрѣлъ своимъ потомъ и своею кровью; 2) поборы съ него и его повинности точно не опредѣлены, и онъ ежедневно можетъ ожидать новыхъ; 3) за проступки его наказываютъ слишкомъ жестоко,... чѣмъ то могло бы согласоваться съ чувствомъ христіанина".

Въ серіи статей подъ заглавіемъ „Къ исторіи лифляндскаго ландтага" (Zur livländischen Landtagsge-

schichte), помѣщенныхъ въ журналѣ „Baltische Monatsschrift“ (18 т., 1869 г., стр. 442 и сл.), Юліусъ Эккардтъ замѣчаетъ по этому поводу: „И все-таки нельзя сказать, чтобы графъ Броунъ выбралъ слишкомъ яркія краски, или черезчуръ ихъ сгущалъ“.

На предложеніе Броуна лифляндскій ландтагъ (т. е. собраніе помѣстныхъ дворянъ) отвѣтилъ слѣдующее: крестьяне „servi“ т. е. рабы, крѣпостные, „въ самомъ широкомъ смыслѣ римскаго права“. — „Они были и остались неоспоримымъ имуществомъ своего господина, которое онъ могъ . . . передавать, дарить и продавать другимъ“. На предложеніе прежнихъ правительствъ предоставить крестьянамъ „нѣкоторыя вольности и сдѣлать ихъ рабское состояніе болѣе сноснымъ“ дворянство отвѣтило тѣмъ, что указало на „послѣдствія, которыхъ отъ этого надо опасаться, и описало прирожденный націи геній (т. е. характеръ)“; этими доводами оно будто бы „убѣдило“ государей, о которыхъ идетъ рѣчь, а именно, Стефана Баторія, короля Польскаго, и Карла IX, короля Шведскаго, тогда еще герцога Зюдерманландскаго. Въ томъ же духѣ отвѣтили и Карлу XI въ 1681 г., а именно, что крестьяне „не способны жить въ свободѣ“, причемъ особенно подробно описывались ожидаемыя ужасныя послѣдствія дарованія крестьянамъ свободы, какъ напримѣръ, „истребленіе господъ“ изъ „прирожденной ненависти“ и т. п. Послѣ этой исторической справки ландтагъ продолжаетъ: „Такая... крѣпостная зависимость крестьянъ... зиждется не только на ихъ прирожденномъ характерѣ, но также и на привилегіяхъ и правахъ дворянства“. — „Прирожденный характеръ крестьянина таковъ, что крестьянинъ недоволенъ даже самымъ справедливымъ и гуманнымъ господиномъ“. На томъ же ландтагѣ, но по другому случаю, еще разъ подтверждается, что „существующее въ настоящее время крѣпостное право“ зиждется не „на варварствѣ прошлыхъ временъ“, а „на прирожденномъ характерѣ націи, и что оно необходимо для избѣжанія ужасныхъ послѣдствій, если крестьянамъ даровать свободу“. Въ своей статьѣ „Въ 1765 году“ (Anno 1765) Юліусъ Эккардтъ поэтому и отмѣчаетъ, что крѣпостную зависимость латышей и эстовъ

„считали нормальнымъ положеніемъ, чему суждено просуществовать до конца свѣта".

Когда ландтагъ, такимъ образомъ, высказалъ свое отрицательное отношеніе къ предложенію Императрицы, генералъ-губернаторъ черезъ своего адъютанта велѣлъ передать дворянству, что правительство предприметъ шаги независимо отъ него, если оно не согласится на улучшеніе положенія крестьянъ. Подъ вліяніемъ этого категорическаго заявленія были приняты постановленія въ пользу крестьянъ. Они были единственными въ XVIII столѣтіи до 1795 г. Однако, ихъ, по приведеннымъ уже словамъ Тобина, „нисколько не соблюдали". Содержаніе постановленій въ общихъ чертахъ слѣдующее: крестьянинъ получаетъ право собственности на свое благопріобрѣтенное движимое имущество; его повинностей нельзя увеличить сверхъ того, что съ него требовалось въ 1765 г. Но о томъ, соотвѣтствовали ли эти повинности величинѣ и доходности находящагося въ пользованіи крестьянина земельнаго участка, не спрашивали. Домашнюю расправу рѣшили примѣнять менѣе жестокимъ образомъ, и, кромѣ того, было сдѣлано нѣсколько постановленій относительно школъ для крестьянскихъ дѣтей.

На томъ же ландтагѣ печальная участь постигла К. Ф. фонъ Шультца-Ашераденъ, который за годъ передъ этимъ ландтагомъ издалъ для своихъ крестьянъ частное положеніе, которымъ старался воскресить постановленія шведскаго времени. На ландтагѣ онъ предложилъ дворянству принять его положеніе и сдѣлать его обязательнымъ для всего края, но подвергся за это такому рѣзкому осужденію, что сложилъ съ себя пожизненную должность ландрата.

Если при такомъ взглядѣ на крѣпостничество дворянство стало бы заботиться объ улучшеніи положенія крестьянъ, то это было бы прямо непонятно. Поэтому Тобинъ и не отрицаетъ, что среди лифляндскихъ помѣщиковъ господствовало мнѣніе, „что крѣпостничество нормальное положеніе" (I, стр. 111). О благосостояніи крестьянъ помѣщики заботились только тогда, когда сами отъ этого имѣли какую-нибудь выгоду. Транзээ относительно этого замѣчаетъ (стр. 183

и сл.): „Слѣдуетъ признать, что большая часть помѣщиковъ заботилась о матеріальномъ благополучіи своихъ крестьянъ лишь настолько, насколько это было въ ихъ собственныхъ интересахъ“. Крѣпостной для помѣщика былъ „прежде всего вещью, дающей доходы“ (Транзээ, стр. 197). Верха цинизма въ этомъ отношеніи достигъ пасторъ Гупель (Hupel), который въ своемъ „Экономическомъ руководствѣ“ (Ökonomisches Handbuch, 1796) на страницѣ 100 говоритъ слѣдующее: „Если какая-нибудь мѣстность обѣднѣла, то иногда можно вызвать (у крестьянъ) желаніе имѣть дѣтей, котораго нѣтъ у голодающихъ . . . родителей, тѣмъ, что имъ устраиваютъ веселый пиръ . . . и т. п., или же дарятъ водку къ крестинамъ“. Благочестивый служитель слова Божія, сверхъ ожиданія, не возмущается такими пріемами увеличенія численности народонаселенія, нѣтъ, онъ преспокойно только потому не совѣтуетъ пользоваться ими, что (рожденныя такимъ образомъ) „дѣти или умираютъ отъ недостатка ухода за ними, или только рѣдко изъ нихъ получаются сильные и работоспособные люди“.

Что принадлежность господъ и крестьянъ къ разнымъ національностямъ усиливало крѣпостную зависимость, признаетъ и Транзээ; онъ говоритъ: „крестьянинъ принадлежалъ къ чужой, приниженной и презрѣнной націи, онъ былъ въ глазахъ нѣмца паріей со всѣми дурными качествами таковой“ . . . Почему онъ былъ такимъ, Транзээ понимаетъ это лучше дворянства XVIII вѣка. „Нельзя отрицать, что эти свойства только отчасти являются послѣдствіемъ прирожденнаго народнаго характера, по большей части они результатъ вѣкового политическаго и моральнаго порабощенія“. Въ XVIII вѣкѣ этого не понимали; тогда во всемъ винили „прирожденный характеръ“ чужой и „презрѣнной націи“.

Несмотря на эти такъ ярко и рельефно выступающія воззрѣнія дворянства, Тобинъ все-таки ухищряется утверждать, что въ XVIII столѣтіи помѣщики заботились объ „облегченіи положенія своихъ крѣпостныхъ“. Въ подтвержденіе такого мнѣнія онъ ссылается на такъ называемый Шрадеръ-Будбергскій проектъ

прибалтійскаго провинціальнаго права 1739 г. Но понятно, что законопроектъ, который, не получивъ утвержденія, исчезъ въ канцеляріяхъ, и принципы котораго, по словамъ Тобина же, нельзя найти „въ практикѣ того времени", не можетъ служить источникомъ изученія „правовыхъ взглядовъ", хотя бы и „лучшей части" помѣщиковъ. Названный проектъ не представляетъ собою ничего другого, какъ попытку дворянства и въ этой области закрѣпить за собой какъ можно болѣе преимуществъ. Надо имѣть въ виду, что положенія шведскаго правительства въ пользу крестьянъ не были отмѣнены; напротивъ, въ Ништадтскомъ мирномъ договорѣ прямо сказано, что „русскій царь обѣщаетъ сохранить за всѣми жителями присоединенныхъ странъ, значитъ и за крестьянами, всѣ тѣ привилегіи и права, которыми они пользовались подъ владычествомъ Швеціи." И дѣйствительно, отъ шведскаго крестьянскаго законодательства въ дворянскомъ Шрадеръ-Будбергскомъ проектѣ не осталось ничего.

На основаніи приведенныхъ выше заявленій дворянства, въ противоположность Тобину, мы можемъ утверждать, что дѣйствительное положеніе крестьянъ, которое Тобиномъ и Транзээ описано совершенно вѣрно, вполнѣ соотвѣтствовало правовымъ воззрѣніямъ почти всѣхъ помѣщиковъ.

Въ соотвѣтствіи со всѣмъ этимъ находится, наконецъ, отношеніе ландтага 1792 г. къ предложенію фонъ Байера. Транзээ разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: „Когда на ландтагѣ 1792 г. уѣздный дворянскій предводитель фонъ Байеръ внесъ „Проектъ улучшенія положенія крестьянъ посредствомъ болѣе точнаго опредѣленія ихъ земель и повинностей", то этотъ проектъ отклонили, съ мотивировкой, что „существующихъ постановленій" о крестьянскихъ долгахъ помѣщикамъ . . . и т. п. „достаточно, чтобы распространить среди крестьянъ просвѣщеніе и благосостояніе и улучшить ихъ положеніе" (стр. 190). Къ „существующимъ постановленіямъ" принадлежали прежде всего несоблюдаемыя постановленія 1765 г.

Что при описанныхъ порядкахъ не могло быть рѣчи о сколько-нибудь удовлетворительной постановкѣ

школьнаго дѣла, вполнѣ естественно. На самомъ дѣлѣ, кто же будетъ заботиться объ умственномъ развитіи людей, которыхъ будто бы сама природа предназначила къ вѣчной крѣпостной зависимости, и которые питаютъ „прирожденную ненависть" даже къ своимъ благодѣтелямъ?

Что же касается техники земледѣлія, то еще въ началѣ XIX столѣтія крестьяне обрабатывали поля помѣщиковъ и свои совершенно такъ же, какъ лѣтъ 600—700 тому назадъ.

Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени свободныя племена, которыя находились на той же ступени культурнаго развитія, какъ и ихъ сосѣди, превратились въ бѣдную, угнетенную и необразованную толпу даже не латышскихъ и эстскихъ, а просто „ненѣмецкихъ" (undeutsche) крѣпостныхъ, безо всякой будущности, которыхъ, по мнѣнію ихъ всемогущихъ господъ, сама судьба предназначила къ вѣчному рабству. Таковы были итоги 600-лѣтней культурной работы нѣмцевъ.

Но одно изъ „благъ культуры" помѣщикъ все-таки передалъ своимъ крестьянамъ — это водка. Объ этомъ говоритъ Транзээ слѣдующее (стр. 173): „Уже около середины XVIII вѣка винокуреніе приняло большіе размѣры, . . . теперь (въ послѣдней трети столѣтія) оно сдѣлалось общимъ". И на стр. 184: „Самый большой врагъ матеріальнаго благосостоянія крестьянина, наряду съ его собственнымъ легкомысліемъ и пагубной для него хозяйственной системой барщины, была водка, употребленію которой онъ страстно предавался".

Положеніе крестьянъ на островѣ Эзелѣ и въ Эстляндіи нисколько не было лучше, чѣмъ въ Лифляндіи. Въ Эстляндіи было еще даже въ силѣ старое постановленіе: „Крѣпостные крестьяне и ихъ потомство, а также ихъ имущество . . . принадлежатъ ихъ господамъ" (ср. Тобинъ, I, стр. 291). Правда, существовало нѣсколько частныхъ мѣстныхъ положеній въ пользу крестьянъ, но ихъ было всего не болѣе 4-хъ на всю губернію, и ограниченія, которыя въ нихъ эти четыре помѣщика наложили на самихъ себя, были весьма незначительными.

О положеніи курляндскихъ крестьянъ въ XVIII столѣтіи Тобинъ говоритъ слѣдующее (I, стр. 311—319): „Во времена герцогства (по 1795 г.) не существовало никакихъ законовъ, которые мѣшали бы помѣщику свободно распоряжаться личностью и имуществомъ крѣпостного. . . Какъ личность, крѣпостной составлялъ собственность помѣщика: — продажа крестьянъ отдѣльно отъ земли, а также и цѣлыхъ семействъ встрѣчалась нерѣдко; наравнѣ съ личностью крестьянина и имущество его принадлежало помѣщику. Отношенія крѣпостныхъ къ землѣ не были опредѣлены; крестьяне не имѣли права пользованія землей, и барщина не была опредѣлена“.

Въ Курляндіи также существовали частныя крестьянскія положенія; ихъ было издано 11 въ періодъ отъ 1770 до 1815 г. Но самъ Тобинъ признаетъ, что значеніе ихъ было очень различно. Несмотря на все это, многіе утверждаютъ, что положеніе курляндскихъ крестьянъ было лучше, чѣмъ лифляндскихъ, потому что отношеніе помѣщиковъ къ нимъ было „истинно патріархальнымъ“.

Несмотря на все вышеизложенное, авторъ вполнѣ признаетъ, что были единичные нѣмцы, которые на латышей и эстовъ смотрѣли иначе, чѣмъ обыкновенно. Эти немногочисленныя исключенія могли мѣстами временно оказать весьма благодѣтельное вліяніе, но въ общемъ положеніе въ краѣ отъ этого не мѣнялось. Среди такихъ лицъ можно назвать нѣсколько представителей духовенства, какъ лифляндскаго генералъ-суперинтендента (главу мѣстной лютеранской церкви) Фишера, „стараго Стендера“, одного изъ пасторовъ Курляндіи, и руководителей геррнгутскаго религіознаго движенія во второй четверти XVIII столѣтія, движенія, которое оказало громадное вліяніе на религіозное, нравственное и умственное развитіе крестьянъ. Изъ помѣщиковъ надо указать на уже упомянутаго К. Ф. фонъ Шультца-Ашераденъ. Этихъ лицъ „неблагодарные“ эсты и латыши и теперь еще не забыли; также какъ они не забыли и старыхъ добрыхъ шведскихъ временъ.

IV глава.

Аграрное законодательство въ Лифляндской губерніи въ періодъ отъ 1795 до 1809 г.

Съ 1795 г. начинается новое движеніе въ пользу улучшенія быта крестьянъ, которое во всѣхъ трехъ губерніяхъ повело къ дарованію крестьянамъ личной свободы, но безъ земли и съ сильно ограниченнымъ правомъ передвиженія. Заканчиваются эти реформы законодательными актами 60-хъ годовъ. Заслуга крестьянской реформы прибалтійскими нѣмцами приписывается исключительно дворянству. Транзээ, напримѣръ, говоритъ: „Между тѣмъ какъ постановленіе ландтага 1765 г. состоялось подъ давленіемъ правительства, реформы конца XVIII столѣтія . . . исходили отъ дворянства“ (стр. 214). А извѣстный берлинскій историкъ Шиманъ заявляетъ даже слѣдующее: „Русское правительство всегда только утверждало то, что безъ его содѣйствія въ этомъ отношеніи (т. е. въ аграрномъ вопросѣ) было предпринимаемо дворянствомъ“. (Статья Шимана: Балтійскія дворянскія общества — „Die baltischen Ritterschaften“, въ сборникѣ „Die deutschen Balten“).

Но какъ обстояло дѣло въ дѣйствительности? Обратимся сперва къ аграрному законодательству въ Лифляндіи до 1804 г. На лифляндскомъ ландтагѣ 1795 г. тогдашній губернскій предводитель дворянства Фридрихъ фонъ Сиверсъ внесъ предложеніе — опредѣлить болѣе точно повинности крестьянъ. Что побудило его къ такому шагу?

Прежде всего надо имѣть въ виду, что идеи эпохи „просвѣщенія“ о правахъ человѣка проникли и въ Лифляндію, и что даже появилось нѣсколько книгъ о

тяжеломъ положенiи крестьянъ. Самая замѣчательная изъ нихъ — трудъ Гарлиба Меркеля, сына лифляндскаго пастора, подъ заглавiемъ „Латыши, преимущественно въ Лифляндiи, къ концу философскаго вѣка". (Die Letten vorzüglich in Livland am Ende des philosophischen Jahrhunderts, 1797). Даже среди дворянства нашлись искреннiе приверженцы новыхъ взглядовъ. Во главѣ ихъ стоялъ Сиверсъ. Далѣе, положенiе въ краѣ стало, по словамъ Транзээ, „невыносимымъ"; казалось, что жили на „вулканѣ" (выраженiе Дидерихса въ статьѣ о Гарлибѣ Меркелѣ, „Baltische Monatsschrift", т. 19, стр. 53). Въ 1777 и 1784 гг. и затѣмъ въ 1802 г. происходили серьезныя крестьянскiя волненiя. Такимъ образомъ среди дворянства образовалась группа, которая стояла за реформы по аграрному вопросу. Но эта группа, даже по словамъ Тобина, еще въ 1803 г. составляла „меньшинство собравшихся на ландтагѣ".

Что дало поводъ къ выступленiю Сиверса въ 1795 г.? Это не были взгляды и пожеланiя дворянства, ни въ его цѣломъ, ни въ его большинствѣ. Какъ дворянство относилось къ аграрнымъ реформамъ, мы видѣли изъ судьбы предложенiя Байера въ 1792 г. Что въ этомъ отношенiи ничего не измѣнилось, ясно изъ того, что еще въ 1803 г. сторонники реформы были въ меньшинствѣ, и что до вступленiя на престолъ Александра I Сиверсу не удалось провести свои планы. Но даже сомнительно и то, рѣшился ли Сиверсъ выступить самъ отъ себя, безъ чужой поддержки. Въ своей книгѣ „Свободные латыши и эсты" (Die freien Letten und Esten, 1820) Меркель указываетъ на то, что „Сиверсъ получилъ тайное порученiе (отъ Императрицы) созываемому къ декабрю 1795 года ландтагу представить проектъ объ улучшенiи положенiя крестьянъ" (стр. 168, 169). Самсонъ въ своемъ „Опытѣ" оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ: „Поводъ къ этому (т. е. къ обсужденiю крестьянскаго вопроса на ландтагѣ) далъ Сиверсъ — или по собственному почину, или по приказанiю Императрицы Екатерины". Анонимный авторъ „Взгляда на прошлое Лифляндiи" (Livländische Rückblicke) Дерптъ, 1878, — Г. фонъ Сам-

сонъ, говоритъ о реформѣ, что она была начата „подъ вліяніемъ Императрицы Екатерины II и подъ руководствомъ Фридриха фонъ Сиверса“. То же самое утверждаетъ Самаринъ (Крестьянскій вопросъ въ Лифляндіи, Сочиненія, т. X, стр. 68) и авторъ статьи „Фридрихъ Сиверсъ“ („Историческій Вѣстникъ“, іюль 1899 г.).

Если еще имѣть въ виду, что Императрица, какъ мы послѣ увидимъ, въ томъ же году въ Эстляндіи сама вызвала на обсужденіе крестьянскій вопросъ, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и Сиверсъ выступилъ, зная, что онъ можетъ разсчитывать на ея поддержку.

Выступленіе Сиверса на ландтагѣ 1795 г. повело въ 1797 г. къ принятію 27 пунктовъ, о которыхъ Тобинъ (I, стр. 119) нѣсколько нелогично утверждаетъ, что хотя „они въ своей существенной части восходятъ къ постановленіямъ ландтага 1765 года“, но все-таки представляютъ „существенное дополненіе“ къ нему. Принятые ландтагомъ пункты были представлены Императору Павлу на утвержденіе. Павелъ сперва велѣлъ высказаться по поводу ихъ 4 сенаторамъ, которые принадлежали къ реакціонному большинству прибалтійскаго дворянства, и, принявъ во вниманіе ихъ отзывъ, вернулъ пункты ландтагу. Когда вслѣдствіе этого на ландтагѣ 1798 года снова обсуждался крестьянскій вопросъ, реакціонеры сдѣлали попытку подвергнуть постановленія 1797 года разсмотрѣнію по существу, но Сиверсъ добился того, что основныя положенія постановленій 1797 года остались безъ измѣненія. Противъ этого въ сѣверной части Лифляндіи поднялась сильная оппозиція, и въ концѣ концовъ графъ Минихъ, отъ имени многихъ помѣщиковъ, принесъ Императору жалобу, въ которой, по словамъ Тобина (I, стр. 125), говорилось, что принятое въ 1797 г. положеніе отнюдь не нашло общаго одобренія ландтага, а тѣмъ менѣе нормы, недавно установленныя. Подъ вліяніемъ ли этой жалобы или чего-нибудь другого, но во всякомъ случаѣ Павелъ не утвердилъ и новыхъ постановленій, и реформа до вступленія на престолъ Александра I не подвинулась впередъ.

Такъ какъ Сиверсу и его приверженцамъ было извѣстно, что Императоръ Александръ I сочувствовалъ всякимъ гуманнымъ начинаніямъ, и такъ какъ онъ, какъ мы увидимъ ниже, уже проявилъ это на дѣлѣ воимъ отношеніемъ къ предположеніямъ эстляндскаго дворянства объ улучшеніи быта эстляндскихъ крестьянъ, то Сиверсъ обратился непосредственно къ Императору съ „Двѣнадцатью замѣчаніями, относящимися къ исправленію угнетеннаго положенія крестьянъ въ Лифляндіи", далеко оставляющими за собой постановленія, принятыя дворянствомъ въ 1798 г. Александръ I отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ запискѣ Сиверса и поручилъ ему представить эту записку на обсужденіе чрезвычайному ландтагу. Въ этомъ отношеніи сильно повліяли на Императора безпорядки, произведенные лифляндскими крестьянами въ 1802 г. Сиверсъ занималъ въ то время пожизненную должность ландрата и игралъ руководящую роль въ ландратской коллегіи, исполнительномъ органѣ ландтага, около которой тогда группировались сторонники аграрной реформы. Насколько дворянство было возмущено Сиверсомъ тѣмъ, что онъ, никѣмъ не уполномоченный, непосредственно снесся съ правительствомъ по вопросу объ аграрныхъ реформахъ, видно изъ того, что реакціонная партія среди дворянства въ 1802, 1803 и наконецъ еще 1805 г. приложила всѣ свои усилія къ тому, чтобы путемъ коренного измѣненія стараго самоуправленія лишить вліянія на дѣла ландтага ландратскую коллегію и вмѣстѣ съ этимъ, конечно, и Сиверса.

О ландтагѣ 1803 года, который также находился подъ впечатлѣніемъ крестьянскихъ волненій предыдущаго года, и на которомъ Сиверсу въ общемъ удалось провести свои предположенія, Транзээ говоритъ (стр. 218), что онъ принадлежитъ „къ самымъ бурнымъ, которые Лифляндія пережила", и что „реакціонная оппозиція" примѣнила всѣ средства, чтобы „провалить аграрную реформу". Въ „Исторіи лифляндскаго ландтага" Юліуса Эккардта говорится слѣдующее: „пользуясь тактикой, которая и впослѣдствіи успѣшно примѣнялась, реакціонеры объявили всеобщую мобилизацію и со всѣхъ концовъ края согнали помѣщиковъ, отъ которыхъ можно

было ожидать рѣшительнаго упорства противъ всякой... уступки... Ландтагъ былъ очень многолюденъ, и на немъ присутствовали лица, которыя обыкновенно на ландтагахъ не показывались". (По автобіографіи графа Меллина)... „Оппозиція... испробовала всѣ средства, чтобы низвергнуть вождей либераловъ и сдѣлать ихъ ненавистными... Эта коллегія (т. е. коллегія ландратовъ) — они говорили — въ ущербъ общему собранію сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ все вліяніе, чтобы принудить край къ аграрнымъ реформамъ, которыя противорѣчатъ интересамъ дворянства"... Далѣе Эккардтъ говоритъ о „настойчивости, съ которою реакціонеры въ дальнѣйшемъ выступали противъ проектовъ реформы, исходившихъ со стороны либераловъ, и которая заставила Сиверса и его друзей брать какъ бы штурмомъ позицію за позиціей..."

Даже Тобинъ (I, 184) не можетъ не признать того, что законопроектъ въ окончательной формѣ былъ принятъ ландтагомъ „подъ вліяніемъ Александра I", и что сторонники реформы, „охотно поддерживавшіе благопріятныя для крестьянъ начинанія монарха, составляли меньшинство явившихся на ландтагъ".

Заслуживаетъ упоминанія то обстоятельство, что на этомъ ландтагѣ 22 дворянина, среди которыхъ находился и Сиверсъ, внесли предложеніе даровать свободу всѣмъ рожденнымъ, начиная съ года вступленія на престолъ Александра I, крестьянамъ по достиженіи ими 21-лѣтняго возраста. Ландтагъ постановилъ этотъ вопросъ вообще не подвергать обсужденію. Въ своей статьѣ „Pro domo" (въ журналѣ „Baltische Monatsschrift", т. 26, 1879 г., стр. 594) Бинеманъ говоритъ, что часть противниковъ предложенія „высмѣяла его". Въ одномъ частномъ письмѣ, приведенномъ тамъ же, оно открыто называется „чепухой". Внесшіе упомянутое предложеніе 22 дворянина, вѣроятно, думали воспользоваться моментомъ, такъ какъ хорошо было извѣстно, что Александръ I относится благосклонно къ мысли освобожденія крестьянъ. Но, посовѣтовавшись съ пріѣхавшимъ тогда въ Петроградъ Сиверсомъ, Императоръ черезъ Прибалтійскаго генералъ-губернатора велѣлъ передать ландтагу, что онъ, Императоръ, желаетъ, чтобы ландтагъ прежде всего занялся уре-

улированіемъ повинностей крестьянъ. Въ письмѣ Императора къ генералъ-губернатору проглядываетъ опасеніе, какъ бы дворянство, при обсужденіи вопроса объ освобожденіи крестьянъ, не отодвинуло на задній планъ обезпеченіе ихъ матеріальнаго положенія, и какъ бы тѣмъ не были обмануты надежды крестьянъ на „выгодное для нихъ уложеніе“; а это опять-таки могло вызвать новыя волненія. (Письмо Императора можно найти въ упомянутой уже статьѣ Бинемана).

Наконецъ ландтагъ выработалъ новое крестьянское положеніе и отправилъ его въ Петроградъ на утвержденіе. Вмѣстѣ съ положеніемъ поступилъ въ правительство цѣлый рядъ всевозможныхъ протестовъ и предложеній по крестьянскому дѣлу. Почти всѣ они были направлены противъ предполагаемой реформы, а одинъ изъ протестовъ находитъ постановленія ландтага даже совершенно излишними. Особый комитетъ, учрежденный Александромъ I, разсмотрѣлъ весь этотъ матеріалъ и далъ новому положенію окончательную форму. Лифляндское крестьянское положеніе 1804 года опирается на начала шведскаго крестьянскаго законодательства второй половины XVII столѣтія. Вкратцѣ содержаніе его слѣдующее.

Тѣ земельные участки, которые тогда находились въ арендномъ пользованіи крестьянъ, должны навсегда остаться у нихъ. Помѣщикъ не имѣетъ права присоединять эту „крестьянскую“ землю къ своей „мызной“, обрабатываемой имъ самимъ. Крестьянинъ-усадьбовладѣлецъ или хозяинъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, не можетъ быть удаляемъ со своей усадьбы и имѣетъ право передавать ее по наслѣдству. Но крестьянинъ не имѣетъ права покинуть ту дворянскую вотчину, къ которой онъ приписанъ; зато и помѣщику запрещено продавать его; только вмѣстѣ съ землей крестьянинъ можетъ перейти къ другому лицу. Крестьянинъ, такимъ образомъ, изъ „крѣпостного“ сдѣлался лишь „приписаннымъ къ землѣ“. Разрѣшается крестьянамъ пріобрѣтать недвижимости; равнымъ образомъ, они могутъ свободно распоряжаться своимъ благопріобрѣтеннымъ движимымъ имуществомъ.

Повинности крестьянъ помѣщикамъ опредѣляются по величинѣ и качеству находящихся въ ихъ пользованіи земельныхъ участковъ, заносятся въ такъ называемые „вакенбухи“ (Wackenbuch) и не могутъ быть увеличены. Наконецъ, учреждались особые суды съ судьями изъ крестьянъ для разбирательства споровъ крестьянъ между собою.

Для измѣренія и оцѣнки крестьянскихъ земель были образованы 4 ревизіонныхъ комиссіи, расходы на содержаніе которыхъ легли почти исключительно на лифляндское дворянство. Въ 1809 году эти комиссіи были замѣнены одной ревизіонно-межевой комиссіей, и вмѣстѣ съ тѣмъ изданы дополненія къ положенію 1804 года.

Реакціонное большинство дворянства было крайне недовольно новымъ крестьянскимъ положеніемъ. Оно сдѣлало попытку измѣнить часть постановленій только что утвержденнаго государемъ положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ оказать комиссіямъ пассивное противодѣйствіе въ ихъ работахъ; но правительство скоро положило всему этому конецъ. Особенное негодованіе вызвалъ противъ себя Сиверсъ, благодаря самоотверженной дѣятельности и могучей силѣ воли котораго реформа только и состоялась. Сиверсъ въ качествѣ главнаго приходскаго попечителя Венденскаго уѣзда принималъ участіе въ работахъ Венденской комиссіи и горячо отстаивалъ интересы крестьянъ. Нѣсколько разъ на него подавались жалобы, и наконецъ ландтагъ при всеобщемъ одобреніи лишилъ его должности церковнаго попечителя. Въ жалобахъ на Сиверса между прочимъ говорилось, что онъ „самъ объявилъ себя нашимъ врагомъ (т. е. врагомъ дворянства) и согласно съ этимъ поступалъ“; онъ обвиняется въ томъ, что самовольно распоряжался отъ имени комиссіи и неправильнымъ толкованіемъ положенія будто бы вызвалъ въ крестьянахъ духъ неповиновенія (въ 1807 г. опять произошли крестьянскія волненія); теперь дворянство должно бояться „не только за свое имущество, но и за жизнь“; вообще, считали Сиверса человѣкомъ, для котораго нѣтъ ничего святого, и который поэтому способенъ на все. Но всѣ жалобы и доносы оказались настолько безосновательными и безрезультат-

ными, что Сиверсъ Императоромъ былъ возстановленъ въ своей должности и никогда и впослѣдствіи не терялъ его довѣрія и уваженія. Въ 1812 г. онъ былъ назначенъ Курляндскимъ вице-губернаторомъ и впослѣдствіи сенаторомъ.

Послѣ 1809 года такой же судьбѣ, какъ и Сиверсъ, подвергся графъ Меллинъ. Въ качествѣ члена Рижскаго отдѣленія упомянутаго уже комитета онъ нашелъ въ нѣмецкомъ текстѣ одного распоряженія форменный подлогъ сравнительно съ русскимъ подлинникомъ — онъ это называетъ „ein Falsum". Вставивъ въ текстъ нѣсколько словъ, неизвѣстный благодѣтель дворянства наложилъ на крестьянъ противозаконную повинность. Правильный текстъ въ концѣ концовъ былъ возстановленъ. Даже Тобинъ не можетъ отрицать (I, стр. 264 и сл.), что Меллинъ по существу былъ вполнѣ правъ. Когда Меллинъ послѣ того еще сдѣлалъ покушеніе на карманъ дворянства, то ландтагъ высказалъ ему свое недовѣріе, вслѣдствіе чего Меллинъ сложилъ съ себя должность ландрата.

Я нѣсколько подробнѣе остановился на исторіи проведенія въ жизнь положенія 1804 года, чтобы показать, какъ мало оно было по душѣ дворянству, и къ какимъ средствамъ дворянство тогда прибѣгло въ борьбѣ за свои матеріальные интересы.

V глава.

„Освобожденіе“ прибалтійскихъ крестьянъ въ началѣ XIX вѣка.

Дальнѣйшее измѣненіе аграрныхъ отношеній на началахъ стараго шведскаго уложенія, которыя были положены въ основу закона 1804 года, было внезапно прервано уложеніемъ 1819 года. По этому уложенію крестьяне теряютъ всякое право на пользованіе занимаемыми ими земельными участками, которыми помѣщики отнынѣ могутъ распоряжаться по своему усмотрѣнію; правда, крестьяне получаютъ зато личную свободу, но съ сильно урѣзаннымъ правомъ передвиженія; отношенія между помѣщиками и крестьянами въ случаѣ, если послѣдніе пользуются землями первыхъ, устанавливаются на основаніи добровольныхъ соглашеній.

Какъ произошелъ такой переломъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо вкратцѣ ознакомиться съ развитіемъ аграрнаго законодательства въ Эстляндіи и Курляндіи.

Въ Эстляндіи на ландтагѣ 1795 г. губернскій предводитель дворянства предложилъ принять мѣры къ улучшенію быта крестьянъ. Поводомъ къ его выступленію послужило недовольство Императрицы Екатерины II аграрными порядками въ Эстляндіи (ср. Тобинъ, I, стр. 293). По словамъ Самсона (Опытъ и т. д., стр. 112) „Поводомъ . . . послужило дошедшее черезъ покойнаго министра графа Стакельберга до дворянства Высочайшее недовольство положеніемъ эстляндскихъ крестьянъ. Императрица Екатерина выразила свое недовольство на то, что . . . эстляндскій крестьянинъ со всѣмъ своимъ имуществомъ составляетъ неограниченную собственность своего господина, что послѣдній можетъ продавать и

обмѣнивать его на лошадь, и „можетъ заставлять его покидать уже обработанную землю и селиться на пустырѣ“. Въ результатѣ на ландтагѣ принято было въ пользу крестьянъ рѣшеніе, которое однако должно было разсматриваться какъ „соглашеніе между помѣщиками“, состоявшееся подъ честнымъ словомъ безъ обязующей силы закона, и къ тому же еще держаться въ тайнѣ.

Въ первый годъ царствованія Александра I два эстляндскихъ дворянина обратили вниманіе Императора на то, что положеніе эстляндскихъ крестьянъ, несмотря на „соглашеніе“ 1795 года, все-таки неудовлетворительное (ср. Тобинъ, I, стр. 156 сл.). Вслѣдствіе этого эстляндское дворянство снова принялось за разрѣшеніе аграрнаго вопроса. Тогдашній предводитель дворянства Яковъ фонъ Бергъ 27 мая 1803 года высказывается совершенно откровенно слѣдующимъ образомъ: „Надо принять къ свѣдѣнію, что въ случаѣ, если мы съ своей стороны не предпримемъ соотвѣтствующихъ мѣръ и постановленій, слѣдуетъ ожидать распоряженій съ высоты Престола“. (Ср. анонимную брошюру Г. фонъ Самсона „Babel in Livland“, 1879, стр. 23).

Такимъ образомъ, на ландтагѣ послѣ горячихъ споровъ были приняты два законопроекта: „Регулятивъ“ для установленія крестьянскихъ повинностей и „Уложеніе для Эстляндскихъ крестьянъ“. Оба они въ 1804 году получили Высочайшее утвержденіе. Но оба этихъ закона гораздо менѣе благопріятны для крестьянъ, чѣмъ лифляндское положеніе 1804 года. Тобинъ объ этомъ говоритъ слѣдующее: „Эстляндія . . . значительно . . . отстала отъ родственной провинціи. Въ ней также и послѣ 1804 года . . . крестьянинъ . . . могъ быть продаваемъ . . . Право свободнаго пріобрѣтенія земли ему не было предоставлено, не было запрещено сгонять крестьянина съ его усадьбы, домашняя расправа была менѣе ограничена, судопроизводство поставлено въ большую зависимость отъ помѣщика, чѣмъ въ Лифляндіи. Болѣе плохое правовое положеніе крестьянъ обострилось тѣмъ обстоятельствомъ, что размѣръ барщины былъ опредѣленъ очень неточно“ (I, стр. 296 и сл.).

Дальнѣйшій ходъ развитія аграрнаго законодательства въ Эстляндіи находится въ самой тѣсной зави-

симости отъ дѣйствій правительства. Въ своемъ сочиненіи объ „Исторіи и системѣ крестьянскаго аграрнаго права въ Эстляндіи“ (Geschichte und System des bäuerlichen Agrarrechts in Estland) Аксель фонъ Гернетъ по поводу этого замѣчаетъ слѣдующее (стр. 125): „Новое направленіе аграрнымъ отношеніямъ въ Эстляндіи дало требованіе правительства согласовать ихъ съ аграрными порядками въ Лифляндіи“. Въ Петроградѣ сравнивали эстляндское уложеніе съ лифляндскимъ и нашли его гораздо менѣе благопріятнымъ для крестьянъ. Прежде всего выставлялось требованіе, чтобы повинности крестьянъ были разъ навсегда установлены въ соотвѣтствіи съ величиной и качествомъ находящихся въ ихъ пользованіи земель. Въ іюлѣ 1809 г. былъ учрежденъ комитетъ, который, несмотря на протесты входившихъ въ его составъ двухъ эстляндскихъ ландратовъ, составилъ „Основныя положенія“ для переработки „Регулятива“ 1804 г. Въ 1810 г. эти положенія были переданы чрезвычайному ландтагу, который однако, несмотря на явно выраженную монаршую волю, отнесся къ нимъ отрицательно и имѣлъ даже мужество два раза обратиться къ Императору съ просьбой о сохраненіи старыхъ правилъ. Причиною выставлялось то обстоятельство, что дворянство не въ состояніи „нести въ отношеніи крестьянъ новыя жертвы“. Жертвы состояли бы въ расходахъ на содержаніе ревизіонныхъ комиссій и въ уменьшеніи повинностей крестьянъ. Однако, просьба дворянства была оба раза рѣзко отклонена.

Тогда дворянство вернулось къ мысли, которая, неизвѣстно кѣмъ, уже раньше была высказана на ландтагѣ, а именно: „въ случаѣ, если поземельной собственности помѣщиковъ грозила бы опасность, или потребовались бы новыя жертвы и учреждались бы дорого стоющія комиссіи, чтобы былъ выработанъ планъ уничтоженія крѣпостной зависимости“ (Гернетъ, стр. 141, 142). Послѣ того какъ дворянство стало увѣрено въ согласіи Императора, 17 февраля 1811 г. открылся чрезвычайный ландтагъ для обсужденія этого вопроса. Очень важно установить тѣ мотивы, которыми руководилось дворянство, выступая съ планомъ освобожденія крестьянъ. Изъ только что приведеннаго обоснованія, которое

своему предложенію даетъ неизвѣстный, и изъ рѣчи, которою предводитель дворянства открылъ ландтагъ 1811 г., ясно видно, что дворянство руководилось матеріальными соображеніями, главнымъ образомъ желаніемъ сохранить за собой ничѣмъ не ограниченное право распоряженія своею земельною собственностью. О какихъ бы то ни было побужденіяхъ иного рода не упоминается ни слова. Одинъ изъ лифляндскихъ дворянъ, Августъ фонъ Сиверсъ, въ 1818 г. считаетъ себя въ правѣ вывести заключеніе, что лифляндскимъ положеніемъ былъ сильно уменьшенъ размѣръ барщины, только изъ того обстоятельства, что эстляндское, и послѣ него и курляндское дворянство принятію лифляндскаго положенія предпочло дарованіе крестьянамъ свободы. Значитъ, по Сиверсу, эстляндское дворянство предложило даровать крестьянамъ свободу только потому, что это было для него выгоднѣе, чѣмъ ввести лифляндское положеніе 1804 г. Освобожденіе крестьянъ само по себѣ казалось эстляндскимъ и курляндскимъ дворянскимъ обществамъ, опять по словамъ Сиверса, „мѣрою, въ высшей степени несимпатичной и опасной". Гернетъ на стр. 145 своего труда отзывается слѣдующимъ образомъ о реформѣ въ Эстляндіи: „По всему, что мы до сихъ поръ видѣли, уничтоженіе крѣпостного права, въ томъ видѣ, какъ оно было проведено въ Эстляндіи, слѣдуетъ разсматривать какъ актъ самозащиты. Требованія правительства дали поводъ къ опасенію, какъ бы право собственности помѣщика на крестьянскія земли не подверглось бы опасности; на вознагражденіе нельзя было расчитывать . . . ; угрожало учрежденіе дорого стоющихъ комиссій . . . , а уменьшеніе крестьянскихъ повинностей . . . , котораго очевидно желало правительство, могло разорить экономически дворянство. При такихъ условіяхъ для дворянства было дѣломъ исключительной важности, добиться надежнаго обезпеченія своихъ правъ собственности и установить аграрные порядки на такихъ началахъ, которыя исключили бы регламентацію взаимныхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьяниномъ со всѣми нежелательными послѣдствіями ея. Такъ возникла мысль порвать съ прежними началами и положить въ основу аграрныхъ отношеній доброволь-

ныя соглашенія между помѣщиками и крестьянами. Это влекло за собой отказъ отъ всѣхъ правъ на личность крестьянина и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоженіе крѣпостного права". Надо было изъ двухъ золъ выбрать меньшее. Это было тѣмъ легче, что этимъ выполнялось одно изъ громкихъ требованій времени, а именно, требованіе полной свободы личности въ области юридическихъ и экономическихъ отношеній.

Выработанный ландтагомъ законопроектъ нашелъ полное одобреніе Императора и былъ утвержденъ въ 1816 году.

Упорядоченіе аграрныхъ отношеній въ Курляндіи также исходитъ отъ Александра I. Тобинъ (I, стр. 325) разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: „Послѣ того какъ въ Лифляндіи по закону 1804 года крестьяне изъ состоянія крѣпостныхъ перешли въ положеніе приписанныхъ къ землѣ, а въ Эстляндіи въ 1811 году даже былъ возбужденъ вопросъ о полномъ освобожденіи ихъ, Императоръ Александръ I пожелалъ, чтобы и въ Курляндіи права помѣщиковъ и повинности крестьянъ были опредѣлены сообразно съ требованіями времени. Совершенно обходя ландтагъ, Императоръ . . . 31 августа 1814 года велѣлъ генералъ-губернатору образовать комиссію изъ членовъ курляндскаго дворянства и возложить на нее задачу въ теченіе двухъ, самое позднее трехъ мѣсяцевъ, составить планъ для точнаго установленія повинностей крестьянъ".

Но выработанный комиссіей проектъ не нашелъ одобренія Императора, и въ началѣ декабря 1816 г. генералъ-губернаторъ Паулуччи получилъ новый рескриптъ. Еще въ декабрѣ того же года былъ созванъ чрезвычайный ландтагъ, которому Паулуччи настолько недвусмысленно передалъ пожеланія Императора, что, по словамъ Тобина, „о самостоятельномъ рѣшеніи едва ли могла быть рѣчь..." Ландтагъ постановилъ освободить крестьянъ, и выработанный имъ законопроектъ былъ утвержденъ въ томъ же 1817 году.

Такова исторія личнаго освобожденія крестьянъ въ Эстляндіи и Курляндіи.

Въ Лифляндіи между тѣмъ вводили въ жизнь положеніе 1804 г. Но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ

болѣе обнаруживалось общее недовольство имъ. Помѣщики были недовольны тѣмъ, что не могли свободно пользоваться своими землями, а крестьяне находили, что новое положеніе „та же самая лошадь, только подъ новымъ сѣдломъ“. Несмотря на существенное улучшеніе своего положенія, даже крестьяне-хозяева могли вмѣстѣ со всѣми остальными жаловаться на то, что они полной свободы все-таки не получили, хотя уже чувствовали себя доросшими до нея, и, какъ раньше, должны были нести обязательныя повинности въ пользу помѣщиковъ, чѣмъ особенно тяготились. Но особенно тяжело было положеніе безземельныхъ батраковъ, которые составляли подавляющее большинство сельскаго населенія. Батраки распредѣлялись между усадьбовладѣльцами сообразно съ величиной отдѣльныхъ усадебъ и не имѣли права оставлять своего хозяина. Ихъ заработная плата была опредѣлена закономъ, но такъ какъ хозяинъ всегда былъ увѣренъ въ томъ, что будетъ имѣть достаточное число рабочихъ, то онъ съ ними, конечно, не очень стѣснялся. Возможности добиться своего собственнаго земельнаго участка у батраковъ не было, такъ какъ усадьбы находились въ наслѣдственномъ пользованіи крестьянъ-хозяевъ. Батраки посылались хозяевами на барщину и были на самомъ дѣлѣ „рабами рабовъ“. Сиверсъ въ 1803 г. предложилъ обезпечить батраковъ хотя бы небольшими надѣлами, но не могъ провести своего мнѣнія.

Когда же обнаружилось желаніе правительства распространить проведенные въ Эстляндіи и Курляндіи законоположенія о крестьянахъ также и на Лифляндію, то въ 1817 и 1818 гг. въ рядѣ брошюръ и статей произошелъ живой обмѣнъ мыслей по поводу реформы аграрныхъ отношеній. Эта полемика, въ которой принимали участіе почти исключительно дворяне-помѣщики, не теоретики, а практики, интересна тѣмъ, что въ ней ясно выступаютъ мотивы „либераловъ“ 1818 года, отстаивавшихъ безземельное освобожденіе крестьянъ. Тобинъ въ своемъ объемистомъ сочиненіи удѣляетъ слишкомъ мало мѣста этой полемикѣ. Пробѣлъ пополнилъ Поска въ статьѣ „Характеристика литературныхъ мнѣній объ освобожденіи крестьянъ въ Лифлян-

дiи“ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 355 т., сентябрь 1904 г., стр. 247—321). Всѣми, за однимъ только исключеніемъ, признается необходимость дарованія крестьянамъ личной свободы. Но въ вопросѣ, какъ провести освобожденіе, мнѣнія расходятся самымъ кореннымъ образомъ. Прежде всего разногласіе возникло по вопросу о томъ, оставить ли за крестьянами предоставленное имъ положеніемъ 1804 г. право наслѣдственнаго пользованія своими участками, или нѣтъ. Всѣ „консерваторы“, въ той или иной формѣ, высказываются за сохраненіе существующаго закона. Даже при обсужденіи новаго закона на ландтагѣ 1818 г. эта точка зрѣнія горячо отстаивалась. Но ихъ противники, „либералы“, одержали верхъ, такъ какъ дворяне-помѣщики какъ разъ потому были недовольны положеніемъ 1804 г., что оно ихъ лишило права неограниченнаго распоряженія всею землею. Кромѣ того, вслѣдствіе точнаго установленія разъ навсегда повинностей крестьянъ, они уже не могли изъ крестьянской земли извлекать всѣ тѣ выгоды, которые можно было бы получить отъ нея, соображаясь каждый разъ при сдачѣ ея крестьянамъ съ мѣняющимися экономическими условіями. Для „либераловъ“ уже простая обязательная аренда является нападеніемъ на „право собственности, основу всякаго государственнаго строя“; земля принадлежитъ помѣщику „на основаніи самыхъ святыхъ договоровъ“. Даже сами „консерваторы“, стараясь сдѣлать свои взгляды пріемлемыми, доказывали, что обезпеченіе за крестьянами права пользованія ихъ участками выгодно будетъ также и помѣщикамъ. Только одинъ изъ консерваторовъ указываетъ на то, что наслѣдственная аренда, признанная закономъ 1804 г., является „правомъ“ крестьянъ, котораго нельзя отъ нихъ отнять безъ „акта насилія“. Но ничего не помогло. „Либералы“ ухищрялись даже въ освобожденіи крестьянъ безъ земли увидѣть заботу объ улучшеніи положенія безземельныхъ батраковъ. По положенію 1804 года батракъ не имѣетъ надежды сдѣлаться когда-либо самостоятельнымъ хозяиномъ усадьбы, такъ какъ усадьбы находятся въ наслѣдственномъ пользованіи усадьбовладѣльцевъ. Если же всѣ

крестьяне будутъ безъ земли, то всякій изъ нихъ, даже и батракъ, будетъ имѣть возможность нанять въ аренду какую-нибудь усадьбу. Такое разсужденіе, конечно, не имѣетъ подъ собой никакой почвы. На самомъ дѣлѣ, классъ крестьянъ, въ цѣломъ, отъ подобныхъ порядковъ ничего не выигралъ бы, такъ какъ общее число безземельныхъ въ лучшемъ случаѣ осталось бы тѣмъ же, а положеніе усадьбовладѣльцевъ во всякомъ случаѣ ухудшилось бы, такъ какъ они, каждый разъ, по истеченіи контракта, могли бы быть удаляемы съ усадьбы.

Мнѣніе, будто бы помѣщики въ тѣ времена нуждались въ свободномъ распоряженіи всей крестьянской землей, чтобы устраивать свои хозяйства по требованіямъ тогдашней агрономіи, ошибочно, потому что замѣна трехпольной системы многопольной стала въ широкихъ размѣрахъ распространяться только около 1830 г., и если въ половинѣ XIX столѣтія было возможно возстановить права крестьянъ на такъ называемую крестьянскую землю по положенію 1804 г., то почему же этого нельзя было сдѣлать за полвѣка передъ тѣмъ?

Сторонники освобожденія крестьянъ безъ земли потому называются „либералами“, что ихъ выдаютъ за приверженцевъ ученія англичанина Адама Смита о необходимости полной свободы личности въ области экономической жизни. По Смиту каждому человѣку должна быть дана возможность свободно распоряжаться своими имуществомъ и способностями. Государство отнюдь не должно вмѣшиваться въ экономическія отношенія между отдѣльными соціальными группами населенія, такъ какъ это только ведетъ къ созданію болѣе благопріятныхъ условій для одной изъ нихъ въ ущербъ другимъ. Матеріальное благополучіе всѣхъ классовъ обезпечено лучше всего въ томъ случаѣ, если ни у кого по отношенію къ любому другому лицу нѣтъ другихъ обязательствъ, кромѣ тѣхъ, на которыя онъ самъ добровольно согласился. При свободной конкуренціи всякій работоискатель, конечно, выберетъ себѣ такого рода занятіе, которое для него выгоднѣе другихъ. Если онъ находитъ условія труда слишкомъ тяжелыми, то онъ по истеченіи контракта просто по-

кидаетъ свое мѣсто, такъ какъ онъ ничѣмъ другимъ не связанъ съ своимъ хозяиномъ. Съ другой стороны, также и работодатель имѣетъ полную возможность подыскать себѣ такого рабочаго, который ему кажется самымъ подходящимъ, а негоднаго безо всякаго стѣсненія уволить.

На основаніи этихъ идей „либералы" среди дворянъ и требовали для себя ничѣмъ не ограниченнаго права распоряженія всею землею, находящейся въ ихъ владѣніи. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они были „фанатиками неограниченныхъ свободы и равенства" (слова Тобина) и дѣйствительно хотѣли послѣдовательно провести ученіе Смита. Дѣло въ томъ, что уже тогда хорошо понимали, что полное примѣненіе принциповъ Смита на практикѣ привело бы къ зависимости болѣе слабаго въ хозяйственномъ отношеніи отъ болѣе сильнаго, несмотря на всѣ якобы добровольныя соглашенія. Согласно съ этимъ, „консерваторы" среди тогдашняго дворянства энергично указываютъ на то, что при проведеніи въ жизнь принципа добровольныхъ контрактовъ помѣщикамъ легко будетъ искусственно поднять арендную плату, въ концѣ концовъ попросту „диктовать" крестьянамъ условія и тѣмъ ихъ эксплуатировать до крайности. Либералы противъ этого не могли сказать ничего другого, какъ повторить то общее мѣсто: „гдѣ . . . свободная воля стоитъ противъ свободной воли, тамъ не можетъ быть рѣчи о вредномъ произволѣ". На дальнѣйшее возраженіе, что при неограниченномъ правѣ помѣщика распоряжаться также и крестьянской землей, легко можетъ случиться то, что крестьянина безъ причины сгонятъ съ его участка, дается очень наивный отвѣтъ: „кто же изъ помѣщиковъ не оставитъ за арендаторомъ земли его участокъ на вѣки вѣковъ, если онъ исполняетъ свои повинности?" Когда заходитъ рѣчь о вредности краткосрочныхъ арендъ, которые должны явиться послѣдствіемъ освобожденія крестьянъ безъ земли, то дается обычный отвѣтъ: такъ какъ краткосрочныя аренды невыгодны для обѣихъ сторонъ, то всякій ихъ будетъ избѣгать, и поэтому законоположенія на этотъ предметъ являются

излишними. Очевидно, что либералы просто избѣгали обмѣна мнѣній по существу.

О правѣ на полную свободу распоряженія своими землями крупные землевладѣльцы - либералы, какъ видно, очень хлопочутъ, но какъ только дѣло заходитъ о предоставленіи той же свободы крестьянамъ, то она безо всякихъ церемоній приносится въ жертву интересамъ помѣщика. Прежде всего въ сильной степени для крестьянъ ограничивается право передвиженія. И почему? Потому что при свободѣ передвиженія крестьянъ помѣщикъ можетъ остаться безъ рабочихъ рукъ. Что изъ признанія принципа свободнаго развитія экономической жизни по Смиту вытекаетъ и необходимость предоставить рабочему возможность, гдѣ ему захочется, подыскать себѣ подходящую работу, объ этомъ никто изъ „фанатиковъ неограниченной свободы" уже не думаетъ. Правда, одни изъ противниковъ либераловъ называютъ страхъ помѣщиковъ остаться безъ рабочихъ рукъ необоснованнымъ, а другіе требуютъ для крестьянъ такого же права свободнаго передвиженія, какимъ пользуются всѣ остальные подданные — но все это ни къ чему не повело. Выставляется даже требованіе законодательнымъ путемъ установить размѣръ рабочей платы для безземельныхъ сельскихъ рабочихъ, чтобы они ее не слишкомъ подняли, между тѣмъ какъ помѣщикъ отъ крестьянина можетъ потребовать какой угодно высокой арендной платы. И это называется „свободной конкуренціей"!

Наконецъ, одинъ анонимный теоретикъ высказывается еще за полную независимость крестьянъ отъ помѣщиковъ также и въ отношеніи полиціи и суда. Онъ говоритъ: „Если на самомъ дѣлѣ имѣется въ виду подарить мѣстному крестьянину настоящую свободу, а не просто обмануть и самихъ себя и крестьянъ и другихъ, то безо всякихъ оговорокъ и условій коротко и ясно пусть скажутъ: „Да будутъ они свободны . . . . если за бывшимъ помѣщикомъ-крѣпостникомъ останется хоть малѣйшее вліяніе . . . на положеніе, дѣйствія, потребности и семейную жизнь освобожденнаго крестьянина; если бывшій помѣщикъ-крѣпостникъ хоть и въ самыхъ незначительныхъ случаяхъ

можетъ быть своимъ собственнымъ судьей по отношенію къ крестьянину, то въ виду прочихъ мѣстныхъ условій въ его распоряженіи будутъ самыя разнообразныя средства, чтобы распространить это вліяніе далеко за положенныя ему границы, и крестьянинъ, который по буквѣ закона будетъ совершенно свободенъ, на самомъ дѣлѣ болѣе или менѣе будетъ подвергнуть произволу своего бывшаго господина и поэтому до извѣстной степени явится все еще несвободнымъ“.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что о дѣйствительномъ проведеніи въ жизнь со стороны либераловъ ученія Адама Смита не могло быть и рѣчи, хотя это, какъ мы видѣли, было вполнѣ возможно, и хотя, сверхъ того, уже тогда понимали опасность проведенія ихъ для слабыхъ въ экономическомъ отношеніи. Либералы стремились только къ тому, чтобы отстоять свои матеріальныя выгоды, которыя будто бы пострадали отъ закона 1804 г. Для этой цѣли они пользовались господствовавшими тогда идеями о необходимости обезпечить за личностью полную свободу въ юридическихъ и экономическихъ отношеніяхъ. Поэтому они и требовали освобожденія отъ крѣпостной зависимости, но безъ земли, которая должна была остаться въ полномъ распоряженіи помѣщиковъ. Что при освобожденіи крестьянъ дворянство въ общемъ руководилось своими матеріальными интересами, признаютъ въ упомянутой полемикѣ также и двое представителей самого дворянства. Одинъ изъ нихъ называетъ крѣпостное право только „воображаемымъ“ преимуществомъ, отъ котораго лучше отказаться, нежели подвергнуть опасности „настоящее“ право, именно право собственности на всю землю. А другой говоритъ: „Крѣпостное право противорѣчитъ человѣческой природѣ, и отъ него навѣрно откажутся всѣ лифляндцы, если только не будетъ причины опасаться умаленія другого права, вполнѣ соотвѣтствующаго человѣческой природѣ, а именно, права на благопріобрѣтенное имущество“. Согласно съ этими заявленіями на первомъ изъ ландтаговъ 1818 г. Августъ фонъ Сиверсъ и говоритъ: „Многіе изъ тѣхъ, которые склонны уничтожить существующій аграрный строй, думаютъ, что не слѣдуетъ

пропустить моментъ безъ того, чтобы не обезпечить право собственности на землю" (Тобинъ, I, стр. 352). На лифляндскомъ ландтагѣ 1845 г., наконецъ, Р. фонъ Самсонъ пытается дать положенію 1819 г., даровавшему крестьянамъ свободу, своеобразное, болѣе благопріятное для крестьянъ толкованіе, а именно, будто бы этимъ закономъ не отмѣнялись тѣ статьи положенія 1804 г., которыя предоставляли крестьянамъ право наслѣдственнаго пользованія землей, и къ этому прибавляетъ: а если не такъ толковать законъ, а такъ, какъ его всѣ понимали, и какъ его на самомъ дѣлѣ и надо понимать, то онъ является „не актомъ великодушія" со стороны помѣщиковъ, а просто „выгодной сдѣлкой" (Тобинъ, II, стр. 102—105).

Я думаю, всѣхъ приведенныхъ соображеній достаточно, чтобы вывести заключеніе, что и въ Лифляндіи дворянство при освобожденіи крестьянъ въ общемъ руководилось соображеніями чисто-матеріальнаго характера. Когда вырабатывались отдѣльныя положенія новаго закона, то поэтому принципъ свободы въ экономическихъ отношеніяхъ, отчасти сознательно, отчасти безсознательно, нарушался вездѣ, гдѣ послѣдовательное проведеніе его могло угрожать матеріальнымъ интересамъ помѣщиковъ.

Незнакомымъ же ближе съ бытомъ крестьянъ, напротивъ, могло казаться, что крестьяне дѣйствительно получатъ настоящую, обезпечивающую ихъ дальнѣйшее благосостояніе свободу. Этимъ и объясняется, что старый борецъ за улучшеніе положенія крѣпостныхъ Меркель восторженно привѣтствовалъ реформу. Въ томъ же положеніи находилось и правительство.

На обоихъ лифляндскихъ ландтагахъ 1818 г. было принято новое крестьянское положеніе, получившее затѣмъ въ 1819 г. Высочайшее утвержденіе. Островъ Эзель, который имѣетъ свой особый ландтагъ, тоже постановилъ освободить крестьянъ. Тобинъ, хорошо понимающій всѣ недостатки лифляндскаго крестьянскаго положенія 1819 г., винитъ въ проведеніи такого закона — правительство. Если бы правительство, по его мнѣнію, не вмѣшивалось въ ходъ дѣла, то не состоялось бы освобожденія безъ земли. (А именно въ этомъ и

коренится главный недостатокъ закона). Что починъ къ обсужденію вопроса объ освобожденіи крестьянъ дало правительство, признаетъ само дворянство въ своемъ постановленіи отъ 1 іюля 1818 г., въ которомъ говорится: „Лифляндское дворянство, которому было сообщено о желаніи Императора, чтобы крестьянину была дарована свобода, готово даровать ему свободу . . .“ А чтобы крестьяне при освобожденіи были лишены права на наслѣдственное пользованіе своими участками, этого правительство нигдѣ не требуетъ, напротивъ, этого требуетъ никто другой, какъ само лифляндское дворянство. Въ вышеприведенномъ постановленіи дворянства въ дальнѣйшемъ говорится: дворянство готово даровать крестьянамъ свободу, „если Императоръ соизволитъ утвердить нижеслѣдующія условія“. Первое изъ этихъ условій гласитъ слѣдующее: „За лифляндскимъ дворянствомъ утверждаются всѣ тѣ права, которыя были предоставлены дворянству Эстляндіи и Курляндіи, въ особенности неограниченное право собственности на землю и право заключенія свободныхъ соглашеній, такъ чтобы освобожденные крестьяне находились съ помѣщиками только въ такихъ обязательныхъ отношеніяхъ, которыя были бы основаны на обоюдно заключаемыхъ договорахъ“.

Если бы дворянство въ его цѣломъ, а не только отдѣльные члены его, дѣйствительно желало бы сохранить за крестьянами право наслѣдственнаго пользованія землей, то Императоръ, конечно, ничего не имѣлъ бы противъ этого, такъ какъ въ такомъ случаѣ пришлось бы просить его только объ оставленіи въ силѣ относящихся сюда постановленій положенія 1804 г., или точнѣе, не пришлось бы просить его ни о чемъ, такъ какъ онъ нигдѣ не высказываетъ намѣренія отмѣнить названныя постановленія. А при стремленіи дворянства получить въ полное распоряженіе всю землю, надо было ходатайствовать объ отмѣнѣ права, признаннаго Императоромъ же за крестьянами только за 15 лѣтъ передъ тѣмъ. Еще въ 1842 г. баронъ Карлъ Бруйнингъ этотъ шагъ дворянства называлъ „нарушеніемъ права“. Такимъ образомъ, не правительство, а одно только дворянство виновато въ безземельномъ освобожденіи лифляндскихъ

крестьянъ. Правительство только хотѣло сдѣлать изъ крестьянъ „свободныхъ гражданъ“. Правда, оно было готово заплатить за это дворянству дорогую цѣну, а именно, предоставить ему неограниченное право распоряженія всею землею. Но, конечно, если бы дворянство не потребовало этой цѣны, то правительство ее и не навязало бы. Что правительство было готово предложить за освобожденіе крестьянъ такую цѣну, объясняется тѣмъ, что его представители, чуждые порядкамъ края, не могли отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что значило для крестьянина освобожденіе безъ земли. Мѣстные же дворяне-помѣщики вполнѣ могли отдать себѣ отчетъ въ этомъ, такъ какъ не только въ упомянутой выше полемикѣ, но и на самихъ ландтагахъ 1818 г. съ различныхъ сторонъ неоднократно указывалось на опасность освобожденія безъ земли. Но дѣло въ томъ, что противники освобожденія съ землей были сильнѣе. Въ другомъ мѣстѣ этого не отрицаетъ и самъ Тобинъ, указывая на то, что среди „руководящихъ тогда въ Лифляндіи“ лицъ . . . въ численномъ отношеніи далеко преобладала группа тѣхъ, которые требовали „полнаго уравненія“ помѣщиковъ и крестьянъ, по принципу: „земля моя, время твое“ (Land mein, Zeit dein!).

Основныя положенія введеннаго въ 1816—1819 гг. въ Прибалтійскомъ краѣ аграрнаго строя въ общихъ чертахъ слѣдующія. Крестьянинъ получаетъ личную свободу, но отнынѣ вся земля составляетъ неограниченную собственность помѣщика, т. е. онъ можетъ и крестьянской землей пользоваться по своему усмотрѣнію: отдавать кому угодно въ аренду, или же присоединять къ мызной землѣ и обрабатывать самому. Крестьянинъ болѣе не обязанъ нести предписанныя закономъ повинности въ пользу помѣщика; ихъ взаимныя отношенія устанавливаются добровольными соглашеніями. Крестьяне объединяются въ общества для веденія своихъ дѣлъ. Но эти общества или волости находились въ полной зависимости отъ помѣщика, какъ представителя такъ называемой мызной полиціи. На мызной полиціи лежали низшія полицейскія обязанности, и, кромѣ того, помѣщикъ имѣлъ право домашней расправы. Далѣе, въ его рукахъ находился надзоръ надъ всѣми дѣйствіями кре-

стьянскаго общества. Представители общества имъ выбирались изъ числа трехъ представленныхъ кандидатовъ. Общія собранія общества не могли состояться безъ вѣдома помѣщика, и всякое постановленіе общества, равно какъ и рѣшеніе крестьянскаго суда, нуждалось въ его утвержденіи, прежде чѣмъ получить законную силу. Правда, общество могло подавать въ судъ жалобу на дѣйствія мызной полиціи, но судьи, какъ и всѣ представители высшей полицейской власти, избирались тѣми же дворянами изъ своей же среды.

Право передвиженія крестьянъ было сильно ограничено. Прежде всего имъ было запрещено переселяться въ города (до 1832 г.) и въ другія губерніи. Но также и переселеніе изъ одной волости въ другую было очень затруднено. Надо было имѣть паспортъ отъ мызной полиціи старой волости и, кромѣ того, получить разрѣшеніе на переселеніе отъ помѣщика той волости, въ которую предполагалось переселиться. Даже въ случаѣ временной отлучки изъ волости надо было испросить паспортъ отъ мызной полиціи, которая, конечно, имѣла право и не выдавать его. Къ обязанностямъ крестьянскаго общества принадлежали содержаніе школы, волостныхъ правленія и суда и призрѣніе бѣдныхъ и неработоспособныхъ членовъ общества. Для этой цѣли общество съ своихъ членовъ взимало подати.

Нѣкоторые изъ самихъ же дворянъ острили, что дарованная крестьянамъ свобода — „птичья свобода“ (Vogelfreiheit), и что дворянство лишь въ началѣ XIX столѣтія „окончательно завоевало край“.

VI глава.

Аграрное законодательство въ Прибалтійскомъ краѣ около середины XIX столѣтія.

Пагубныя послѣдствія освобожденія безъ земли, предвидѣнныя многими, не преминули вскорѣ сказаться. Хотя „либералы“ высказали увѣренность въ томъ, что краткосрочныхъ арендныхъ договоровъ не будетъ, таковые все-таки вошли въ обычай. Дольше чѣмъ на три года они никогда не заключались, обыкновенно же только на годъ. Далѣе „либералы“ утверждали, что помѣщики не будутъ удалять хорошихъ арендаторовъ съ занимаемыхъ ими участковъ — но и тутъ дѣйствительность пошла своей дорогой, и крестьянинъ никогда не могъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Помѣщикъ не только могъ отнять участокъ у одного и передать его другому, но и присоединить его къ своей мызной землѣ и такимъ образомъ совершенно упразднить усадьбу. Все это, конечно, мѣшало раціональной обработкѣ почвы со стороны крестьянина-арендатора. Вмѣстѣ съ тѣмъ размѣръ барщины, требовавшейся отъ арендаторовъ въ качествѣ арендной платы, все возвышался, такъ что крестьянамъ оставалось слишкомъ мало времени для обработки своихъ полей; крестьяне на барщину смотрѣли, какъ на старыя обязательныя повинности въ пользу помѣщика временъ крѣпостничества, и исполняли ее крайне небрежно, что опять-таки мѣшало развитію помѣщичьяго хозяйства. Если крестьянину требованія помѣщика иногда и казались слишкомъ высокими, то что ему было дѣлать? Заниматься чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ земледѣлія, онъ не могъ, такъ какъ доступъ въ города для него былъ закрытъ. Подыскивать себѣ болѣе благопріят-

ныя условія труда онъ также не былъ въ состояніи, такъ какъ ему не только было запрещено оставлять губернію, въ которой онъ жилъ, но даже простое переселеніе въ другую волость, какъ мы выше видѣли, было обставлено разными затрудненіями. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что крестьянское общество находилось въ полной зависимости отъ помѣщика. Вслѣдствіе всего этого крестьяне обѣднѣли и пали въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Это усилилось также и тѣмъ, что постановленія уложеній времени 1816—1819 гг. объ устройствѣ школъ для крестьянскихъ дѣтей не приводились въ исполненіе. Положеніе опять „обострялось" и къ концу 30-ыхъ годовъ снова стало „невыносимымъ". Все вышесказанное теперь уже не отрицается и нѣмецкими изслѣдователями аграрной исторіи Прибалтійскаго края. Тобинъ признаетъ, что крестьяне по закону 1819 г. получили „личную и частноправовую свободу", но не получили „полной экономической и политической свободы". „. . . необезпеченное право владѣнія землей сдѣлало крестьянина зависимымъ въ экономическомъ отношеніи, а полицейскія права помѣщика . . . значительно ограничивали его политическую свободу" (I, стр. 437). „Съ юридической точки зрѣнія обѣ стороны, помѣщики и крестьяне, были одинаково независимы въ своихъ рѣшеніяхъ, но у помѣщиковъ безъ сомнѣнія былъ моральный и экономическій перевѣсъ". (I, стр. 436). Въ своемъ уже упомянутомъ трудѣ Гернетъ говоритъ, что „корень всего зла заключался въ краткосрочной арендѣ съ установленіемъ размѣра барщины на основаніи свободнаго соглашенія и въ нераціональномъ упраздненіи крестьянскихъ усадебъ" (стр. 169). А. Крейцбургъ, авторъ диссертаціи „Развитіе курляндскихъ аграрныхъ отношеній со времени отмѣны крѣпостного права . . ." (Кенигсбергъ, 1910), высказывается слѣдующимъ образомъ: „При заключеніи арендныхъ договоровъ помѣщикъ имѣлъ перевѣсъ надъ крестьяниномъ . . ., потому что было разрѣшено заключать . . . краткосрочные арендные договоры, и помѣщикъ могъ установить размѣръ барщины по своему усмотрѣнію, а значитъ и чрезмѣрно ее поднять. Въ большинствѣ случаевъ

крестьянинъ, какъ болѣе слабый въ матеріальномъ отношеніи, долженъ былъ всегда соглашаться на такой арендный договоръ, какой ему диктовалъ помѣщикъ. Если у помѣщика какая-нибудь усадьба и оставалась несданной въ аренду, то ничто ему не мѣшало присоединить таковую къ мызной землѣ. Это часто и случалось".

Раньше всего вопросъ о реформѣ аграрныхъ отношеній обсуждается въ Эстляндіи. Это было на ландтагѣ 1839 г., гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно указывалось на то обстоятельство, что „этотъ вопросъ уже обратилъ на себя вниманіе правительства" (Гернетъ, стр. 186). Предложенія, сдѣланныя на ландтагѣ, были переданы сперва одной, затѣмъ другой комиссіи, и заключенія послѣдней обсуждались на ландтагѣ 1842 г. Между тѣмъ уже состоялся первый лифляндскій ландтагъ 1842 года, постановленія котораго оказали на эстляндскій сильное вліяніе. Поэтому необходимо ознакомиться поближе съ тогдашнимъ положеніемъ вещей въ Лифляндіи.

Въ Лифляндіи въ 1841 г. произошло большое крестьянское движеніе, которое вылилось въ многочисленныхъ переходахъ въ православіе и столь серьезныхъ волненіяхъ, что въ Лифляндіи было сосредоточено около 10,000 солдатъ и учреждено три военныхъ суда. Тобинъ признаетъ, что волненія произошли „вслѣдствіе экономическаго неустройства", и что они сдѣлали разрѣшеніе аграрнаго вопроса „неотложнымъ" (II, стр. 48 и 50). Надо было, въ той или иной формѣ, предоставить крестьянамъ болѣе обезпеченное право пользованія землей и вмѣстѣ съ тѣмъ предотвратить возможность требованія отъ нихъ со стороны помѣщиковъ чрезмѣрныхъ повинностей. Вождемъ сторонниковъ реформы, либераловъ середины XIX вѣка, или, какъ ихъ тогда называли, „красныхъ", былъ курляндецъ Гамилькаръ фонъ Фелькерзамъ, которому въ 1842 г. было отъ роду лишь 31 годъ. Какія переживанія и соображенія его привели къ выступленію въ пользу крестьянъ, онъ самъ неоднократно разсказывалъ. Этотъ разсказъ передаетъ Юліусъ Эккардтъ, слышавшій его еще гимназистомъ (Воспоминанія о Гамиль-

карѣ Фелькерзамѣ — Erinnerungen an Hamilkar Fölkersahm, Baltische Monatsschrift, т. 17, 1868 г.). Фелькерзамъ разсказываетъ:

„Вы знаете, что мнѣ принадлежало имѣніе Руенъ-Гроссгофъ, и что я самъ имъ управлялъ. Я имѣлъ достаточно причинъ заботиться о своей личной выгодѣ, которая сдѣлала для меня желательнымъ присоединить къ мызной землѣ какъ можно большую часть моего имѣнія и расширить хозяйство устройствомъ фольварковъ. Поэтому я рѣшилъ отказать одному изъ моихъ крестьянъ-хозяевъ. Случайно управляющій былъ боленъ, и я самъ долженъ былъ передать отказъ. Для этого въ одинъ прекрасный весенній вечеръ я отправился въ усадьбу, на упраздненіе которой я рѣшился. Былъ одинъ изъ первыхъ теплыхъ вечеровъ года, и когда я завернулъ въ долину, въ которой жила моя жертва, надъ ней лежали послѣдніе золотые лучи солнца. Хозяинъ строилъ новый домъ; окруженный женой и дѣтьми, въ тихой радости онъ стоялъ на крышѣ, чтобы по мѣстному обычаю ее украсить вѣнцомъ и сказать „Отче нашъ" . . . Онъ не подозрѣвалъ, что въ ста шагахъ отъ него стоялъ человѣкъ, который пришелъ съ тѣмъ, чтобы сказать ему: „Плоды твоего труда и пота по закону принадлежатъ мнѣ. На основаніи моего права я тебѣ указываю дверь, чтобы вступить во владѣніе твоимъ домомъ. Убирайся." . . . Что я почувствовалъ въ тѣ минуты, . . . я не могу описать. Весь позоръ нашихъ общественныхъ порядковъ съ тяжестью свинца легъ на мои плечи; я повернулъ лошадь и медленно поѣхалъ домой. Въ эту минуту я принесъ обѣтъ, что это должно измѣниться, что не слѣдуетъ допускать того, чтобы я и мои собратья протягивали руки къ плодамъ чужого труда и пота, что я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока „вѣнецъ" на домѣ лифляндскаго крестьянина не будетъ огражденъ отъ посягательствъ, предпринимавшихся въ силу закона".

На ландтагѣ 1842 года послѣ бурныхъ столкновеній между обѣими партіями, либералами и реакціонерами или „черными", состоялось рѣшеніе, въ которомъ было выставлено требованіе, чтобы помѣщики всѣ

крестьянскія земли предоставляли пользованію крестьянъ, и чтобы повинности крестьянъ не были повышаемы сверхъ нормъ, указанныхъ въ старыхъ „вакенбухахъ.“

На это рѣшеніе ландтага правительство оказало сильнѣйшее вліяніе. Правительству, конечно, не могло быть безразлично, что въ одной части Имперіи крестьяне живутъ въ такихъ условіяхъ, что были возможны событія, какъ въ 1841 г., и поэтому оно для этой мѣстности могло потребовать такихъ мѣропріятій, на общее проведеніе которыхъ оно не согласилось бы.

Роль правительства явствуетъ изъ слѣдующаго. Когда представители дворянства сообщили Прибалтійскому генералъ-губернатору графу Палену, что имѣется намѣреніе на предстоящемъ ландтагѣ обсудить положеніе крестьянъ, то онъ отвѣтилъ, что онъ „уже попросилъ у Императора разрѣшенія вызвать на обсужденіе дворянства крестьянскій вопросъ“ (Тобинъ, II, стр. 50). Далѣе, къ открытію ландтага пріѣхалъ въ Ригу генералъ-адъютантъ Императора графъ Бенкендорфъ, вызвалъ къ себѣ сперва весь ландтагъ, а послѣ отдѣльно его представителей и передалъ имъ: „Императоръ ожидаетъ, что лифляндское дворянство по собственному почину сдѣлаетъ все необходимое для улучшенія быта крестьянъ и притомъ предполагаетъ, что не только дворянское общество, въ цѣломъ, устранитъ ошибки аграрнаго положенія 1819 г., но что и каждый отдѣльный помѣщикъ въ своемъ имѣніи облегчитъ положеніе крестьянъ и окажетъ имъ помощь, но такъ, чтобы это не имѣло вида уступки, вынужденной упорствомъ крестьянъ, а показалось мѣрой, вызванной доброжелательнымъ образомъ мыслей дворянства“ (по Тобину, II, стр. 68). На самомъ ландтагѣ, наконецъ, говорили, что уступки сейчасъ неизбѣжны, такъ какъ въ противномъ случаѣ надо ожидать вмѣшательства со стороны правительства (Тобинъ, II, стр. 69).

Эстляндскій ландтагъ, который собрался послѣ лифляндскаго, имѣлъ предъ собой, съ одной стороны, постановленія лифляндскаго ландтага, на которыя обратило его вниманіе правительство, а съ другой, предложеніе второй эстляндской дворянской комиссіи, которая подъ вліяніемъ реакціонеровъ высказалась противъ

реформъ (ср. Гернетъ, стр. 197). При такомъ положеніи вещей были, конечно, приняты постановленія въ смыслѣ реформы аграрныхъ отношеній. Дальнѣйшее развитіе крестьянскаго вопроса въ Эстляндіи опять находится въ тѣсной связи съ ходомъ дѣлъ въ Лифляндіи.

При обсужденіи въ Петроградѣ постановленій лифляндскаго дворянства вождь реакціонеровъ, баронъ Георгъ Нолькенъ, весьма ловко сумѣлъ воспользоваться обстоятельствами, и въ окончательно принятыхъ вторымъ ландтагомъ 1842 г. 77 допольнительныхъ параграфахъ къ положенію 1819 г. ничего не осталось отъ пожеланій перваго ландтага того же года. Генералъ-губернаторъ Паленъ энергично отстаивалъ интересы крестьянъ, но ничего не помогло: реакціонеры одержали верхъ; Фелькерзамъ долженъ былъ покинуть поле сраженія и для научныхъ занятій отправился за границу. Одновременно съ аграрной реформой въ Лифляндіи, застряла и реформа въ Эстляндіи.

Но положеніе въ краѣ ухудшалось, недовольство среди крестьянъ росло и снова проявилось въ переходѣ въ православіе. И тогда повторилось то же самое, что было характерно для хода аграрной реформы въ началѣ XIX столѣтія. Въ 1845 г. Фелькерзамъ вернулся изъ-за границы и отправился въ Петроградъ, чтобы вести агитацію противъ дополнительныхъ параграфовъ 1842 г. Поддержку ему оказывалъ ландратъ Р. фонъ Самсонъ, въ свое время самый горячій сторонникъ закона 1819 г., но тогда стоявшій на сторонѣ Фелькерзама — впослѣдствіи онъ опять перемѣнилъ свое мнѣніе. Самсонъ поднесъ государю записку съ предложеніями относительно аграрной реформы. Если основныя положенія записки, по словамъ Самсона, найдутъ сочувствіе Государя, то „выработку деталей“ — „слѣдовало бы передать особой комиссіи, которую Государь могъ бы образовать или непосредственно самъ, или черезъ генералъ-губернатора изъ немногихъ, но заслуживающихъ довѣрія и свѣдущихъ мѣстныхъ уроженцевъ. Подъ руководствомъ русскаго чиновника эта комиссія подготовила бы детали новаго положенія для утвержденія Государемъ; въ томъ случаѣ, если бы

ландтагу было разрѣшено и съ своей стороны высказаться относительно работъ комиссіи, то она также должна была бы разсмотрѣть различныя мнѣнія и предположенія ландтага“ (по дневнику Самсона). Государь изъявилъ согласіе на предложеніе Самсона, и въ Петроградѣ образовался комитетъ для обсужденія лифляндскаго аграрнаго вопроса, который впослѣдствіи распространилъ свою дѣятельность на весь край и получилъ названіе „Остзейскаго комитета“. Къ членамъ, назначеннымъ правительствомъ, принадлежалъ также и Фелькерзамъ. Члены комитета, принадлежавшіе къ прибалтійскому дворянству, удостоились Высочайшаго пріема, во время котораго Императоръ высказался слѣдующимъ образомъ: „Крестьянское уложеніе 1819 г., которое состоялось на основаніи мнѣній и предположеній самого дворянства, не принесло тѣхъ плодовъ, которыхъ Императоръ Александръ I отъ него ожидалъ. Напротивъ, положеніе крестьянъ существенно ухудшилось. Теперь . . . дѣло правительства самому ознакомиться съ крестьянскимъ вопросомъ и руководствоваться въ рѣшеніи его не только взглядами и предложеніями дворянства“ (по дневнику Самсона). Послѣ пріема у Императора послѣдовали и другіе у другихъ членовъ Императорскаго дома.

Въ комитетѣ Фелькерзаму удалось провести свои идеи. Много этому способствовало то обстоятельство, что Императоръ сочувствовалъ добровольному ограниченію со стороны помѣщиковъ права свободнаго распоряженія своей земельной собственностью, хотя онъ былъ противъ такого ограниченія законодательнымъ путемъ. Эстляндское дворянство воспользовалось учрежденіемъ комитета и обратилось къ Императору съ просьбой объ утвержденіи постановленій ландтага 1842 г., и это тоже укрѣпило позицію Фелькерзама.

Рѣшеніе комиссіи было передано на обсужденіе лифляндскимъ и эстляндскимъ ландтагамъ 1847 г. На лифляндскомъ Фелькерзамъ довольно легко одержалъ верхъ надъ реакціонерами, а на эстляндскомъ благопріятныя для крестьянъ постановленія были приняты только послѣ горячей борьбы. Лифляндскій предводитель дворянства въ рѣчи, которою онъ открылъ ландтагъ,

говоритъ, что непоправимый разрывъ между представителями обѣихъ партій теперь „сглаженъ, такъ какъ важныя, обусловливающія благо дворянства соображенія заставили представителей дворянства въ Петроградѣ подчинить свои личные взгляды болѣе возвышеннымъ цѣлямъ" (Тобинъ, II, стр. 167, 168). Въ 1848 г. Фелькерзама выбрали въ предводители дворянства, хотя и не безъ давленія со стороны генералъ-губернатора. Новое лифляндское крестьянское положеніе получило въ 1849 г. Высочайшее утвержденіе, пока на 6 лѣтъ. Эстляндскому посчастливилось менѣе: его сравнивали съ лифляндскимъ и нашли, что оно гораздо менѣе благопріятно для крестьянъ. Согласно требованію Остзейскаго комитета его пришлось передѣлать, и только въ 1856 г. оно удостоилось утвержденія.

Въ общихъ чертахъ основные принципы новыхъ крестьянскихъ положеній слѣдующіе. Помѣщикъ отнынѣ уже не имѣетъ права присоединять участки крестьянской земли къ мызной: вся крестьянская земля непремѣнно должна быть предоставлена для пользованія крестьянъ. Только сравнительно небольшую часть ея помѣщикъ можетъ присоединить къ мызной землѣ; въ Лифляндіи эта часть называется квотной землей, въ Эстляндіи — шестидольной. Отъ помѣщика зависитъ, сдать ли землю крестьянину въ аренду, или продать ее ему. Однако, на издѣльную аренду смотрѣли, какъ на нежелательное явленіе, и всѣми средствами старались способствовать переходу къ денежной арендѣ. А конечною цѣлью всего законодательства явилось созданіе класса мелкихъ крестьянскихъ собственниковъ. Арендные договоры должны были заключаться по крайней мѣрѣ на 6 лѣтъ. Кромѣ того, точно была опредѣлена предѣльная величина крестьянскихъ усадебъ. Такимъ образомъ, основныя идеи „освобожденія" времени 1816—1819 гг. были оставлены и вновь до извѣстной степени возстановлены принципы положенія 1804 г. Но только до извѣстной степени. Не слѣдуетъ упускать изъ виду то, что аграрное законодательство середины XIX вѣка является не выкупной операціей, а простой добровольной продажей земли помѣщикомъ кому угодно. Выкупная операція состоитъ въ томъ, что всякій кре-

стьянинъ получаетъ право выкупить отъ помѣщика тотъ участокъ, который онъ занимаетъ. Выкупная сумма при этомъ опредѣляется закономъ въ зависимости отъ той арендной платы, которую крестьянинъ платилъ до тѣхъ поръ. Такая операція возможна только тогда, когда за крестьянами признается хоть какое-нибудь наслѣдственное право собственности, и усадьбы поэтому въ общемъ долго остаются во владѣніи одного и того же крестьянскаго рода. Такъ какъ законы 1816—1819 гг. лишили крестьянъ такого права, и вслѣдствіе этого произошли большія перемѣны въ составѣ крестьянъ-хозяевъ, то въ 1849 г. дѣйствительно уже нельзя было провести выкупную операцію. Помѣщикъ могъ отдавать или продавать крестьянскую усадьбу кому угодно и по какой угодно цѣнѣ. Единственное ограниченіе, которое новый законъ наложилъ на помѣщика, было запрещеніе присоединять крестьянскую землю къ мызной.

Побѣда Фелькерзама оказалась очень непродолжительной: реакціонеры вскорѣ опять взяли верхъ и въ 1851 году былъ выбранъ въ предводители дворянства ихъ вождь баронъ Густавъ Нолькенъ. Согласно съ Высочайшимъ указомъ при введеніи положенія 1849 г., въ 1854 г. была образована въ Ригѣ дворянская комиссія, которой надлежало пересмотрѣть названное положеніе и предложить необходимыя измѣненія. Хотя по указу она при этомъ не должна была „умалять“ тѣхъ „правъ, которыя были признаны за крестьянами“, но она все-таки взялась за дѣло столь энергично, что ея предсѣдатель, губернскій предводитель дворянства, въ ея работахъ увидѣлъ не пересмотръ положенія 1849 года, а „реакцію противъ существующаго“. Своею цѣлью сама комиссія признала созданіе не класса самостоятельныхъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, а зависимыхъ отъ доброй воли помѣщика арендаторовъ, причемъ она даже оказывала предпочтеніе издѣльной арендѣ передъ денежной. Комиссія главнымъ образомъ стремилась къ тому, чтобы сохранить за крупнымъ землевладѣніемъ то положеніе, которое оно занимало въ краѣ до того времени, и поэтому старалась затруднять переходъ земли изъ рукъ дворянъ въ другія. Заключеніе комиссіи было предложено ландтагу 1856 г.

За 6 мѣсяцевъ до открытія ландтага умеръ Фелькерзамъ, который съ горечью испыталъ на себѣ перемѣну настроенія дворянства и, полузабытый, два послѣднихъ года своей жизни провелъ въ Курляндіи. Либералы такимъ образомъ остались безъ руководителя, и ландтагъ принялъ постановленія комиссіи. Между тѣмъ вступилъ на престолъ Александръ II, и выработанный ландтагомъ новый законопроектъ былъ въ концѣ концовъ переданъ Государственному Совѣту. Вторая половина 50-тыхъ и 60-тые годы были для Прибалтійскаго нѣмечества тревожнымъ временемъ. Не только въ Имперіи, но и въ самомъ краѣ, живо обсуждался вопросъ объ аграрныхъ порядкахъ и характерѣ самоуправленія въ краѣ, и притомъ обсуждался не только либеральными нѣмцами, но и вождями зарождающагося латышскаго національнаго движенія. Одновременно съ этимъ замѣчалось снова сильное безпокойство среди сельскаго населенія. Напримѣръ, въ Эстляндіи при введеніи новаго положенія, въ 1858 г. произошли такіе сильные безпорядки, что оказалось нужнымъ прибѣгнуть къ военной силѣ. Какъ на одну изъ причинъ этихъ безпорядковъ Гернетъ (стр. 263) указываетъ на „рядъ недостатковъ въ новомъ законѣ". Поэтому эстляндское дворянство еще разъ должно было пересмотрѣть новое положеніе, и такъ составились наконецъ „Дополнительныя постановленія къ эстляндскому крестьянскому положенію", которыя Императоръ въ 1859 г. въ видѣ опыта утвердилъ на три года. Представленнаго лифляндскимъ ландтагомъ проекта 1856 г. Государственный Совѣтъ не принялъ, а вернулся къ старому закону 1849 года. Въ концѣ концовъ, даже реакціонеры въ этомъ увидѣли единственное спасеніе, потому что въ Государственномъ Совѣтѣ раздавались голоса, требовавшіе преобразованія аграрныхъ порядковъ Прибалтійскаго края на тѣхъ же началахъ, которыя въ то время вырабатывались для остальныхъ частей Имперіи. Новое лифляндское крестьянское положеніе получило Высочайшее утвержденіе въ 1860 г. и вступило въ силу въ 1863 г. При утвержденіи его Императоръ потребовалъ еще нѣкоторыхъ реформъ въ области крестьянской жизни, которыя въ силу этого требованія, какъ мы

ниже увидимъ, конечно, скоро были проведены въ жизнь.

Сперва слѣдуетъ вкратцѣ упомянуть о Курляндіи. Въ Курляндіи съ середины 30-ыхъ годовъ начали замѣнять издѣльную аренду денежной, такъ что въ 1858 г. только одна пятая часть всѣхъ крестьянскихъ усадебъ была сдана въ издѣльную аренду. Въ остальномъ положеніе крестьянъ въ Курляндіи осталось такимъ же тяжелымъ, какъ и въ обѣихъ другихъ губерніяхъ края. Съ 1860 г. казна, которой въ Курляндіи принадлежало много имѣній, начала продавать крестьянамъ земельные участки и тѣмъ вызвала большое негодованіе среди помѣщиковъ. Въ 1863 г. правительство предложило ландтагу предоставить опредѣленную часть земли въ пользованіе исключительно крестьянамъ. Вслѣдствіе этого въ 1863 г. ландтагъ принялъ „Аграрныя правила", по которымъ крестьяне получили право пріобрѣтать въ собственность усадьбы, конечно, только, если помѣщикъ былъ согласенъ продать ихъ. Арендные договоры должны были заключаться на сроки не менѣе 12 лѣтъ. Запрещеніе присоединять усадьбы къ мызной землѣ послѣдовало лишь въ 1867 г. и притомъ со стороны правительства.

Что касается острова Эзеля, то тамъ въ 1865 г. была проведена аграрная реформа на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Лифляндіи и Эстляндіи.

Дальнѣйшій ходъ мѣропріятій для улучшенія быта крестьянъ шелъ подъ постояннымъ давленіемъ со стороны правительства и былъ слѣдующій: сперва послѣдовало расширеніе права крестьянъ на передвиженіе; далѣе, была запрещена издѣльная аренда; было установлено вознагражденіе арендаторамъ, покидающимъ арендуемые ими участки, и отмѣнялись тѣлесныя наказанія; кромѣ того, дворянство отказалось отъ исключительнаго права владѣнія вотчинами. Наконецъ, въ 1866 г. во всѣхъ трехъ губерніяхъ было введено новое положеніе о крестьянскихъ обществахъ. Требованіе правительства объ измѣненіи стараго положенія Прибалтійскій генералъ-губернаторъ графъ Шуваловъ передалъ дворянству въ слѣдующей формѣ: „Его Величеству было угодно выразить къ немедленному и обязатель-

ному исполненію свою Высочайшую волю на то, чтобы положеніе крестьянъ, какъ гражданъ и какъ членовъ крестьянскаго общества, было устроено на основоположеженіяхъ, независимыхъ отъ вліянія помѣщиковъ". Притомъ довольно точно указывалось то направленіе, въ которомъ реформа должна была быть проведена. Дѣйствительно, по новому положенію крестьянскія общества совершенно освобождаются отъ той опеки со стороны помѣщиковъ, подъ которой они находились со временъ „освобожденія" въ началѣ XIX столѣтія. Въ награду за исполненіе требованій правительства графъ Шуваловъ дворянству обѣщаетъ, „что дальнѣйшее развитіе и окончательное устройство аграрныхъ отношеній будетъ произведено на неизмѣнномъ основаніи принциповъ свободнаго соглашенія и обезпеченія правъ собственности помѣщиковъ". Законодательныя мѣры 60-ыхъ годовъ и теперь еще опредѣляютъ аграрныя отношенія въ краѣ. Въ томъ, что въ этихъ мѣропріятіяхъ осуществились принципы Фелькерзама (ср. положеніе 1849 г.), даже Тобинъ находитъ „неоспоримую заслугу правительства" (II, стр. 239).

VII глава.

Основы политики прибалтійскихъ нѣмцевъ около середины XIX столѣтія.

Важно установить тѣ мотивы, которыми руководились реакціонеры, выступая противъ начинаній Фелькерзама и его сторонниковъ. Они руководились, какъ это признаетъ и Тобинъ (II, стр. 214, 224), не „экономическими соображеніями“, т. е. не убѣжденіемъ, что преобразованія, предлагаемыя либералами, не будутъ содѣйствовать поднятію благосостоянія крестьянъ, но дѣло сводилось къ „вопросу о соціальномъ и политическомъ преобладаніи“ дворянскихъ обществъ и о сохраненіи за ними прежняго „политическаго могущества“. Подъ вліяніемъ реакціи въ Пруссіи, также и въ Прибалтійскомъ краѣ представители дворянства стремились къ тому, чтобы за дворянскимъ сословіемъ осталось то мѣсто, которое оно до тѣхъ поръ занимало въ политическомъ строѣ государства. Для этого надо было препятствовать ослабленію дворянскаго землевладѣнія и удержать крестьянъ въ прежней зависимости отъ помѣщиковъ. Только осуществляя эти цѣли, дворянство могло исполнять ту роль, къ которой его предназначили, а именно, въ качествѣ консервативнаго элемента поддерживать правительство въ борьбѣ съ якобы разрушающими государство тенденціями того времени. Идеаломъ сторонниковъ подобныхъ политическихъ воззрѣній было государство съ чисто-сословнымъ строемъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ къ этому присоединялось еще другое обстоятельство: тутъ постепенно среди нѣмечества сложилось убѣжденіе, что старое преобладаніе дворянства въ политической жизни края необходимо, какъ условіе не только для сохраненія нѣмецкаго характера всего края, но даже и для огражденія національной и культурной самобытности прибалтійскихъ нѣмцевъ. Противъ аграрной реформы Фелькерзама

реакціонное большинство дворянства выступало какъ разъ потому, что боялось, какъ бы при облегченіи условій продажи земли, не перешла бы слишкомъ большая часть ея изъ рукъ дворянъ въ другія, и тѣмъ не было бы поколеблено политическое могущество дворянства. Чтобы воспрепятствовать этому, въ выработанномъ ландтагомъ 1856 года проектѣ по возможности затруднялись какъ продажа земли, такъ и образованіе класса самостоятельныхъ крестьянъ-собственниковъ.

Въ доказательство всего вышесказаннаго я приведу слѣдующее. Уже на эстляндскомъ ландтагѣ 1839 г. была отклонена мысль установить какъ цѣль предполагаемыхъ законодательныхъ мѣръ созданіе крестьянской земельной собственности, съ мотивировкой, что „аграрный строй, основанный на крестьянской собственности, по необходимости долженъ пошатнуть политическое господство дворянства“ (Тобинъ, II, стр. 49). На первомъ лифляндскомъ ландтагѣ 1842 года вождь реакціонеровъ предостерегаетъ „отъ тѣхъ послѣдствій, которыя въ будущемъ могутъ угрожать политическому положенію дворянства . . . Ограниченіе права собственника-помѣщика на землю поколеблетъ . . . дворянское землевладѣніе . . . Дальнѣйшее существованіе дворянскаго общества зависитъ отъ того, будетъ ли сохранено право собственности помѣщика на всю землю, или нѣтъ“, (Тобинъ, II, стр. 77, 78). На лифляндскомъ ландтагѣ 1847 г. реакціонерами утверждалось, что „продажа крестьянской земли сдѣлаетъ сельское населеніе независимымъ отъ дворянства и тѣмъ подвергнетъ опасности политическое положеніе дворянскихъ обществъ“ (Тобинъ, II, стр. 167). О лифляндскомъ ландтагѣ 1856 г., на которомъ дворянство высказалось противъ реформы Фелькерзама, Тобинъ говоритъ слѣдующее (II, стр. 229): „Для того, чтобы сохранить патріархальныя отношенія, закрывали глаза передъ очевидными недостатками стараго аграрнаго строя, на которые часто жаловались . . .“ Насчетъ необходимости сохраненія за дворянствомъ привилегій въ интересахъ всего прибалтійскаго нѣмечества Тобинъ замѣчаетъ: „ . . . въ Лифляндіи реакція таила въ себѣ одно обстоятельство, которое ей придавало иной характеръ, чѣмъ таковой борьбы за чисто-сослов-

ные и экономическія интересы: по убѣжденію борющихся надо было защищать основу нѣмечества, которая исторически была дана въ помѣстномъ дворянствѣ“ (II, стр. 212). Выдвигался тотъ „лозунгъ, что сохраненіе за дворянствомъ экономическаго перевѣса равносильно сохраненію нѣмецко-протестантскихъ формъ жизни“ (II, стр. 214). Наконецъ, говорится, что дворянство дѣйствовало въ интересахъ „отстаиванія нѣмецкой культуры въ Лифляндіи, за главнаго носителя которой оно себя считало — и это совершенно правильно“ (II, стр. 224). О тогдашнемъ Дерптскомъ университетѣ Тобинъ высказывается въ томъ смыслѣ, что „всякій, кто тамъ учился, на всю жизнь выносилъ убѣжденіе въ томъ, что только нѣмецкая культура обезпечиваетъ благоденствіе остзейскихъ губерній Россіи, и что эту культуру можно считать обезпеченной только въ случаѣ сохраненія аристократическаго земскаго и городского самоуправленій“ (II, стр. 87).

Еще я приведу цитату изъ статьи Э. Серафима „Помѣщикъ и крестьянинъ“ (Gutsherr und Bauer; Deutsche Monatsschrift für Russland, 1912, Nr. 4). Въ ней Серафимъ заявляетъ: „. . . они (т. е. реакціонеры) боялись, что дворянство при исполненіи требуемыхъ отъ него жертвъ въ матеріальномъ отношеніи потерпитъ такой ущербъ, что оно уже не будетъ въ состояніи удержать за собой политическое преобладаніе . . . Они защищали не столько феодальные порядки, сколько нѣмецкіе національные интересы . . .“ (стр. 392, 393).

Въ концѣ концовъ, я еще хотѣлъ бы предоставить слово современнику занимающей насъ эпохи, Юліусу Эккардту, который въ статьѣ „Страна и люди Прибалтійскаго побережья“ (Land und Leute an der Ostsee, 1868) говоритъ слѣдующее: въ краѣ „. . . господствовало удовлетвореніе тѣмъ, что, укрываясь за валомъ средневѣковыхъ учрежденій, можно было оказать что-то въ родѣ пассивнаго сопротивленія, и было распространено убѣжденіе, что только благодаря старымъ установленіямъ уцѣлѣлъ уголокъ нѣмецкой жизни въ Остзейскомъ приморьѣ“.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что вышеописанные взгляды и тенденціи среди дворянства были господствующими, такъ какъ ландтагъ 1856 г. оконча-

тельно отказался отъ тѣхъ аграрныхъ мѣропріятій, которыя лишь въ 1847 году были приняты подъ вліяніемъ Фелькерзама. А что несмотря на это, они все-таки были проведены въ жизнь, въ этомъ, какъ мы видѣли, была заслуга исключительно правительства.

Либералы, т. е. сторонники Фелькерзама, находились поэтому въ оппозиціи къ реакціонерамъ не только въ аграрномъ вопросѣ. Уже самъ Фелькерзамъ хотѣлъ создать „свободное крестьянское сословіе", самостоятельность котораго была бы обезпечена земельной собственностью. Георгъ Беркгольцъ, редакторъ журнала „Baltische Monatsschrift", основаннаго въ 1859 г. и явившагося органомъ либераловъ, въ прощальномъ словѣ къ своимъ читателямъ (въ 1869 г.) среди другихъ реформъ, которыя онъ отстаивалъ, называетъ слѣдующія: отмѣну исключительнаго права дворянства владѣть вотчинами; расширеніе права передвиженія крестьянъ; судебную реформу; преобразованіе крестьянскихъ обществъ и городского самоуправленія и, наконецъ, также и самоуправленія края. Хотя большинство либераловъ, главнымъ образомъ, стремилось къ уравненію въ правахъ дворянства и горожанъ, но все-таки между ними были и такія лица, которыя требовали участія въ самоуправленіи и для представителей сельскаго населенія. Къ этимъ немногимъ принадлежитъ названный уже Беркгольцъ, который въ статьѣ: „Къ національному вопросу" (Baltische Monatsschrift, т. 9, 1864, стр. 574) высказывается слѣдующимъ образомъ: „образованію чувства единства между различными классами населенія" мѣшаетъ „нѣчто, что обусловлено не національными, а соціальными факторами". „Чувство единства" можетъ быть создано, съ одной стороны, „поднятіемъ уровня сословія крестьянъ и дальнѣйшимъ развитіемъ его, а съ другой — отмѣной тѣхъ странныхъ привилегій, которыя отдѣляютъ другъ отъ друга даже говорящіе по-нѣмецки классы населенія". Слѣдовало бы поэтому попытаться осуществить „соотвѣтствующее потребностямъ времени уравненіе въ правахъ и объединеніе интересовъ всѣхъ группъ населенія". Опасенія реакціонеровъ, будто „такая реформа погубила бы . . . нѣмечество" отвергаются, какъ „безпричинныя". Но

взгляды либераловъ 60-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія не проникли въ болѣе широкіе круги; напротивъ, чѣмъ дальше время шло, тѣмъ болѣе и среди самихъ либераловъ распространялось убѣжденіе въ томъ, что сохраненіе за дворянствомъ его привилегій является необходимымъ условіемъ для дальнѣйшаго существованія всего прибалтійскаго нѣмечества.

Это началось подъ вліяніемъ требованій о распространеніи проводимыхъ въ Имперіи въ 60-ыхъ годахъ реформъ также и на Прибалтійскій край и стало особенно замѣтнымъ тогда, когда послѣ польскаго возстанія 1863 г. въ Россіи образовалось очень сильное славянофильское, націоналистическое и даже „руссификаторское" теченіе, направленное между прочимъ и противъ преобладанія нѣмцевъ на Прибалтійской окраинѣ.

Какъ примѣръ такого измѣненія во взглядахъ можно привести Юліуса Эккардта, одного изъ либераловъ того времени, который въ своихъ изслѣдованіяхъ всегда относится съ критикой къ исторіи края. Въ уже упомянутой статьѣ „Страна и люди Прибалтійскаго побережья" (1868 г.) Эккардтъ говоритъ: „. . . заблуждаются тѣ, которые думаютъ, что прибалтійцы могутъ обезоружить своихъ враговъ энергично проведенными реформами . . ." Но все-таки порядки, существующіе въ Прибалтійскомъ краѣ, „допустимы только въ видѣ аномаліи и притомъ лишь до тѣхъ поръ, пока, какъ въ данномъ моментѣ, возможно только одно изъ двухъ: sint ut sunt, aut non sint", т. е. — пусть они останутся таковыми, какими есть, или пусть ихъ совершенно отмѣнятъ.

А въ 1880 году Брашенъ, одинъ изъ представителей реакціоннаго большинства, въ брошюрѣ „Мысли объ упроченіи самоуправленія въ Лифляндіи" (Gedanken zur Konsolidierung des Livländischen Landesstaates) уже безо всякихъ оговорокъ заявляетъ: „Въ первую очередь нашей задачей является тѣснѣйшее сплоченіе всѣхъ нѣмецкихъ элементовъ населенія нашего края и объединеніе ихъ между собою. . . Прежде всего дѣло идетъ о томъ, чтобы сохранить единообразіе и нѣмецкій характеръ нашей автономной области".

VIII глава.

Отношеніе прибалтійскихъ нѣмцевъ къ культурно-національному возрожденію кореннаго населенія края.

Для того, чтобы ознакомиться ближе съ отношеніемъ прибалтійскаго нѣмечества къ латышамъ и эстамъ, начиная съ 40-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія, нельзя, конечно, исходить изъ образа дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, даже и отдѣльныхъ либеральныхъ группъ, а надо, напротивъ, руководиться взглядами того большинства, которое въ 1856 г. высказалось противъ аграрной реформы Фелькерзама, проведенной въ концѣ концовъ только благодаря правительству. Какъ мы выше видѣли, воззрѣнія этого большинства вскорѣ сдѣлались господствующими также и въ либеральныхъ кругахъ и съ тѣхъ поръ уже опредѣляютъ отношеніе руководителей всего прибалтійскаго нѣмечества ко всѣмъ политическимъ вопросамъ. Основное положеніе этихъ воззрѣній заключалось въ томъ, что не слѣдуетъ поступаться ни одною изъ привилегій дворянства, потому что только такимъ образомъ прибалтійскимъ нѣмцамъ возможно сохранить свою національную и культурную самобытность.

Стремясь провести это въ жизнь, прибалтійское нѣмечество вскорѣ стало въ враждебныя отношенія къ зародившемуся около половины прошлаго столѣтія національному движенію сначала среди латышей, а потомъ и эстовъ. Цѣль движенія можетъ быть опредѣлена въ нѣсколькихъ словахъ: это — созданіе такихъ условій, при которыхъ латышъ и эстъ могли бы себѣ усвоить блага западно-европейской культуры, не теряя своей національной самобытности. Нельзя отрицать, что это движеніе иногда принимало рѣзкія и даже

смѣшныя формы, и что часто къ нему примыкали представители очень радикальныхъ политическихъ стремленій, но все это является для него не существеннымъ: руководящей всегда оставалась идея національно-культурнаго развитія народа.

О цѣляхъ первыхъ эстскихъ общественныхъ дѣятелей одинъ изъ нихъ, Гейнрихъ Розенталь, въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ слѣдующее: . . . Многіе тогда „. . . находили, что при существующихъ порядкахъ развитіе (эстскаго народа) невозможно безъ потери имъ національности. Поэтому надо было обсудить мѣры, съ помощью которыхъ можно было бы устранить эту опасность. Потеря своей національности всѣми образованными эстами . . . должно было бы имѣть необходимымъ послѣдствіемъ гибель всего (эстскаго) народа, такъ какъ толпа необразованныхъ батраковъ и поденщиковъ не представляетъ народъ. Но эстскій народъ, у котораго имѣется масса достопримѣчательныхъ преданій, который въ древнее время находился на сравнительно высокой ступени культурнаго развитія и теперь еще обнаруживаетъ способности, заслуживающія вниманія, ни при какихъ условіяхъ не долженъ слиться съ другимъ, хоть и болѣе культурнымъ народомъ. Сохранить за нимъ его самобытность, проложить дорогу для усвоенія имъ общихъ благъ культуры и создать для него возможность достиженія болѣе высокой ступени образованія — все это являлось неотложной обязанностью образованныхъ сыновъ его". (Культурныя стремленія эстскаго народа въ теченіе одного поколѣнія, 1869—1900 — Kulturbestrebungen des estnischen Volkes, 1912).

Совершенно такъ же характеризуетъ національное движеніе среди коренного населенія баронъ Ф. Врангель въ статьѣ „Русско-балтійскій вопросъ" (журналъ „Nord und Süd", 1906). Онъ пишетъ: „Такъ называемые младо-эсты и младо-латыши начали съ середины вѣка ставить себѣ задачею культурную эмансипацію своихъ соплеменниковъ".

Прибалтійскіе нѣмцы въ трехъ отношеніяхъ заняли враждебную позицію къ только что охарактеризо-

ванному движенію: въ соціальномъ, политическомъ и національно-культурномъ.

Въ соціальномъ отношеніи это совпало съ противоположностью интересовъ между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ. Какъ помѣстное дворянство относилось къ аграрнымъ реформамъ, мы видѣли въ нашемъ краткомъ обзорѣ развитія аграрныхъ отношеній въ Прибалтійскомъ краѣ. Оно рѣшалось на нихъ только тогда, когда положеніе уже дѣлалось „нетерпимымъ", и когда вслѣдствіе этого угрожало вмѣшательство со стороны правительства. Хотя давленіе, оказываемое правительствомъ на дворянство, находило поддержку въ одной части его, но все-таки благожелатели крестьянъ всегда были въ меньшинствѣ, и большинство имъ уступало только тогда, когда иначе нельзя было поступить. Въ виду этого понятно, что послѣ реформъ 60-хъ годовъ, проведенныхъ въ жизнь исключительно благодаря правительству, дворянство въ аграрномъ вопросѣ ничего существеннаго не предпринимало, несмотря на то, что аграрныя отношенія къ концу XIX столѣтія опять сдѣлались весьма ненормальными, о чемъ подробнѣе будетъ итти рѣчь ниже. Дворянство уже въ 50-ыхъ годахъ не хотѣло допустить большаго развитія мелкаго землевладѣнія, такъ какъ въ этомъ видѣло угрозу своему преобладанію въ мѣстной общественной жизни; еще менѣе оно этого хотѣло послѣ. Оно только старалось создать группу сравнительно обезпеченныхъ крестьянъ-усадьбовладѣльцевъ, такъ какъ ожидало, что послѣдніе вслѣдствіе общности интересовъ будутъ стоять на сторонѣ крупнаго землевладѣнія противъ притязаній безземельнаго большинства сельскаго населенія.

Сторонники же національнаго движенія среди латышей и эстовъ въ силу необходимости должны были стремиться къ обезпеченію матеріальнаго благополучія всего крестьянскаго класса, который, какъ извѣстно, состоитъ изъ однихъ латышей и эстовъ и притомъ составляетъ ту основу, на которой покоится существованіе этихъ народовъ.

Далѣе, дворянство было противъ предоставленія крестьянскому сословію участія въ самоуправленіи

края. Отдѣльные голоса, высказавшіеся за это, оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и всѣ пожеланія правительства о введеніи въ краѣ земства не привели ни къ чему. Какъ мы уже раньше видѣли, нѣкоторые изъ либераловъ 60-ыхъ годовъ стояли за дарованіе крестьянамъ права на участіе въ самоуправленіи края; равнымъ образомъ въ правительственныхъ кругахъ тогда обсуждался вопросъ о введеніи земства, но печальнымъ результатомъ всего этого явилось допущеніе, и притомъ только лифляндскимъ ландтагомъ, въ 1870 году, представителей крестьянъ къ приходскимъ конвентамъ или собраніямъ, которые должны были явиться чѣмъ-то въ родѣ мелкой земской единицы. Въ приходскихъ конвентахъ въ качествѣ членовъ засѣдаютъ мѣстные помѣщики и волостные старшины принадлежащихъ къ приходу волостей. Приходскіе конвенты вѣдаютъ земскими дѣлами прихода, а именно: содержаніемъ приходской школы, оказаніемъ населенію врачебной помощи (врачъ, аптека, больница) устройствомъ новыхъ дорогъ и т. п. Расходы равномѣрно распредѣляются между имѣніями и крестьянскими волостями. Но такъ какъ приходскіе конвенты изолированы отъ остальныхъ земскихъ учрежденій, то они не могли пріобрѣсти большого значенія. На пышномъ языкѣ ландтаговъ учрежденіе приходскихъ конвентовъ называлось „привлеченіемъ крестьянскаго сословія къ рѣшенію общественныхъ задачъ". Приходскіе конвенты въ качествѣ органовъ земскаго самоуправленія существуютъ только въ Лифляндіи. Эстляндскій ландтагъ въ 1886 г. отказался отъ ихъ введенія.

Въ концѣ 70-ыхъ и въ началѣ 80-ыхъ годовъ снова былъ поднятъ вопросъ о представленіи крестьянамъ участія въ самоуправленіи края. Анонимный авторъ брошюры „Взглядъ на прошлое Лифляндіи" (Livländische Rückblicke, 1878), Г. фонъ Самсонъ, высказывается по поводу этого слѣдующимъ образомъ: „Пусть будетъ нашъ латышскій землякъ въ болѣе широкомъ размѣрѣ привлеченъ къ совмѣстной политической работѣ. Это единственный способъ слиться съ нимъ въ политическомъ отношеніи (стр. 75). Нѣтъ никакой надежды на то, что этотъ антагонизмъ (между крупнымъ и

мелкимъ землевладѣніемъ) исчезнетъ, что водворятся настоящее согласіе и настоящій миръ, пока не будетъ уничтожена послѣдняя сословная политическая преграда между „господиномъ“ и „крестьяниномъ“ (стр. 58).

Но въ томъ же 1878 г. курляндскій ландтагъ высказался противъ введенія земства, а лифляндскій отклонилъ проектъ учрежденія уѣздныхъ земствъ съ участіемъ въ нихъ представителей крестьянъ. Въ 1881 г. министръ внутреннихъ дѣлъ передалъ на обсужденіе ландтаговъ прибалтійскихъ губерній вопросъ о способахъ примѣненія въ этихъ губерніяхъ „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ“. Эстляндскій ландтагъ проситъ правительство отказаться отъ введенія земства въ Эстляндской губерніи, а остальные ландтаги вырабатываютъ проектъ введенія уѣздныхъ земствъ, отвергнутыхъ въ 1878 году. Но такъ какъ губернское земское самоуправленіе должно было по прежнему остаться въ рукахъ однихъ дворянъ, и дворяне, кромѣ того, имѣли бы перевѣсъ въ новыхъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, то не мудрено, что правительство эти карикатуры на всесословное земство нашло несогласованными съ „Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ“ и ихъ оставило безъ дальнѣйшаго движенія. Въ 1896 г. курляндскій ландтагъ еще разъ отклонилъ предложеніе ввести земство „въ полномъ объемѣ, или съ ограниченіями“. Такимъ образомъ, стремленія латышей и эстовъ къ политическому равноправію съ помѣстнымъ дворянствомъ нашли со стороны послѣдняго вплоть до 1905 г. только явное противодѣйствіе. И это не мудрено, разъ на дворянскія привилегіи смотрѣли, какъ на одинъ изъ самыхъ надежныхъ оплотовъ всего прибалтійскаго нѣмечества.

Какъ, наконецъ, сложились отношенія между нѣмцами и кореннымъ населеніемъ края въ національно-культурномъ отношеніи? Прежде всего надо указать на тотъ неоспоримый фактъ, что нѣмецъ на латыша и эста смотрѣлъ съ презрѣніемъ, какъ на представителя низшей расы. Латыши и эсты обыкновенно назывались просто „Undeutsche“, т. е. ненѣмцами. Еще въ 1908 г. въ заграничномъ журналѣ „Deutsche Erde“ появилась статья подъ заглавіемъ: „Die Deutschen und Undeutschen

in den Ostseeprovinzen". Въ XVIII вѣкѣ коренные жители въ глазахъ нѣмцевъ принадлежали, по словамъ Транзээ (см. выше стр. 31), къ „чужой, приниженной и презрѣнной націи". Въ силу такого взгляда, по словомъ того же Транзээ, въ тѣ времена лакей-нѣмецъ ни за что не сѣлъ бы за одинъ столъ съ латышской прислугой. Такое же отношеніе къ латышамъ и эстамъ, только въ болѣе сдержанныхъ формахъ, въ общемъ имѣло мѣсто и въ продолженіи XIX столѣтія. Авторъ брошюры „Балтійская проблема и способы ея разрѣшенія" (Das baltische Problem und die Vorschläge zu seiner Lösung) Ревель, 1906 г., говоритъ о „глубоко внѣдрившемся презрѣніи нѣмцевъ" къ коренному населенію и о соотвѣтствующемъ ему столь же „глубоко внѣдрившемся недовѣріи" послѣдняго къ первымъ. Баронъ Врангель въ брошюрѣ „Балтійскій вопросъ въ личномъ освѣщеніи", Ревель, 1907 г., по данному вопросу высказывается слѣдующимъ образомъ: „Очень вѣроятно, что эта ненависть кореннаго населенія къ нѣмцамъ въ сильной степени вызвана тою жестокостью и тѣмъ высокомѣріемъ, съ которыми наши предки обращались съ кореннымъ населеніемъ; гуманныя отношенія, которыя въ двухъ, трехъ послѣднихъ поколѣніяхъ вошли въ правило, не могли уничтожить традицій старыхъ временъ; даже въ самое послѣднее время еще не исчезло совершенно различіе между высшей и низшей расами; оно часто проявлялось въ формахъ, которыя сохранились изъ временъ патріархальныхъ отношеній и поэтому оскорбляли болѣе развитое чувство собственнаго достоинства новаго поколѣнія . . . Чѣмъ болѣе росло матеріальное благосостояніе сельскаго населенія и распространялось среди него образованіе, тѣмъ чаще лица крестьянскаго происхожденія достигали уровня образованія своихъ прежнихъ господъ, тѣмъ чувствительнѣе становился всякій признакъ прежняго національнаго неравенства." Понятно, что на основаніи этого въ коренномъ населеніи края должна была возникнуть довольно сильная непріязнь къ нѣмцамъ на чисто національной почвѣ.

Для культурнаго развитія народа, состоящаго, какъ латыши и эсты еще до половины XIX столѣтія,

исключительно из крестьянъ, имѣетъ первостепенное значеніе народная школа. Какъ дѣло обстояло въ этомъ отношеніи до начала XIX столѣтія, мы уже видѣли выше (стр. 32 и сл.). Тобинъ говоритъ по поводу этого слѣдующее: „. . . къ концу XVIII столѣтія существовали приходскія и мызныя школы, . . . но онѣ удовлетворяли лишь минимальнымъ требованіямъ . . . Не хватало подходящихъ преподавателей и . . . учебныхъ пособій, нерѣдко даже не имѣлось пригодныхъ помѣщеній“ (I, стр. 379). Дѣти обучались чтенію (не письму!) и заучивали катехизисъ и нѣсколько церковныхъ гимновъ. Читались отрывки изъ библіи и тѣ же церковные гимны. Таковъ былъ учебный планъ волостныхъ школъ до 30-ыхъ годовъ XIX столѣтія. Что касается числа учащихся, то въ 1820 г. въ латышской части Лифляндіи по офиціальнымъ отчетамъ пасторовъ школьнымъ обученіемъ пользовалось 2245 дѣтей, а 39,000 только домашнимъ, которое, конечно, зависѣло отъ доброй воли и умѣнья родителей, и при которомъ въ лучшемъ случаѣ можно было кое-какъ научиться читать. Въ эстляндской части губерніи въ школахъ обучалось 9700 дѣтей, дома — 28,000 (Тобинъ, I, стр. 395). При „освобожденіи“ крестьянъ въ отношеніи народныхъ школъ было постановлено, что на 500 душъ крестьянскаго населенія въ Лифляндіи и на 1000 въ Эстляндіи и Курляндіи должно приходиться по одной волостной школѣ. Къ сожалѣнію, это предписаніе не приводилось въ исполненіе. Въ Лифляндіи по офиціальному отчету духовенства въ 1834 г. въ латышской части въ школахъ обучалось 850 (!) дѣтей, а въ эстляндской 13,350 (Тобинъ, I, 400). Въ Курляндской губерніи, по статьѣ пастора Браше „Къ исторіи нашего народа въ Курляндіи“ (Zur Geschichte unseres Volkes in Kurland), хотя въ 1859 г. на находившихся тогда въ школьномъ возрастѣ 25,000 дѣтей по закону 1818 г. должно было бы имѣться 500 школъ, однако же на самомъ дѣлѣ ихъ имѣлось только 279, въ которыхъ обучалось 11,456 учениковъ и учеництъ.

Дворянство, и прежде всего лифляндское, дѣятельнѣе стало заботиться о правильной постановкѣ школьнаго дѣла, хотя и подъ вліяніемъ настойчивыхъ

требованій духовенства, только съ конца 30-ыхъ и начала 40-ыхъ годовъ, когда крестьяне начали переходить въ православіе, вслѣдствіе чего среди дворянства и духовенства стали бояться того, какъ бы крестьяне не ускользнули изъ-подъ нѣмецкой опеки. Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе понимали также и то, что для улучшенія тогдашняго печальнаго матеріальнаго положенія крестьянъ мало однихъ только аграрныхъ реформъ, а что надо, кромѣ того, поднять и умственный уровень населенія. Что на этотъ разъ дворянство серьезно взялось за дѣло народнаго обученія, видно изъ того, что оно только теперь задалось вопросомъ о правильной подготовкѣ народныхъ учителей и для этой цѣли стало учреждать учительскія семинаріи. До этого существовала одна такая семинарія, устроенная еще шведскимъ правительствомъ въ 1684 г. (близъ Юрьева), а другая, устроенная геррнгутами въ 1737 г. (въ Вольмарѣ); къ тому же времени ихъ обѣихъ уже давно не существовало. Дворянствомъ учительскія семинаріи были открыты въ 1840 году въ Лифляндіи и въ Курляндіи, а нѣсколько позже и въ Эстляндіи. Въ 1839 г. въ Лифляндіи, кромѣ того, былъ введенъ новый школьный уставъ. Правда, дворянство и духовенство непремѣнно хотѣли удержать въ своихъ рукахъ дѣло народнаго просвѣщенія. Когда въ 1805 г. школьная комиссія Дерптскаго университета, выработала „Планъ устройства приходскихъ училищъ", по которому руководство школьнымъ дѣломъ должно было сосредоточиться въ университетской школьной комиссіи, то представители не только дворянства, но и духовенства рѣзко высказались противъ такого плана (Тобинъ, I, 384, 388). Въ 1818 и позднѣе въ 1835 г. дворянство относилось опять-таки весьма подозрительно къ предположеніямъ духовенства объ устройствѣ школьнаго дѣла, такъ какъ духовенство въ нихъ или проявляло лишнее усердіе, или собиралось расширить сферу своего вліянія. Далѣе духовенство придавало обученію характеръ односторонній — религіозно-нравственный, и ни оно, ни дворянство не хотѣли, чтобъ крестьянинъ себѣ усвоилъ слишкомъ много познаній — крестьянинъ всегда долженъ былъ оставаться крестьяниномъ и притомъ послушнымъ, вслѣдствіе чего до половины XIX столѣтія

крестьянскія дѣти не считались, напримѣръ, достойными изученія нѣмецкаго языка. Наконецъ, не только содержаніе волостныхъ школъ лежало всецѣло на крестьянскихъ общинахъ, но также и при устройствѣ ихъ, даже по словамъ Виллебуа, крестьяне несли большую часть расходовъ. Но несмотря на все, за прибалтійскимъ нѣмечествомъ, особенно за духовенствомъ, нельзя отрицать крупной заслуги въ дѣлѣ хорошей организаціи во второй половинѣ XIX столѣтія начальнаго народнаго обученія.

Латыши и эсты, которымъ удавалось добиться образованія выше начальнаго, совершенно онѣмечивались. Они не только употребляли въ семьѣ нѣмецкій языкъ, но и тщательно скрывали свое происхожденіе отъ „чужой, приниженной и презрѣнной націи". Для этого главнымъ образомъ надо было стать на сторону прибалтійскаго нѣмечества въ вопросахъ общественной жизни края. Это встрѣчается даже и теперь. Пока я самъ, напримѣръ, еще находился подъ вліяніемъ политическаго міровоззрѣнія нѣмцевъ, въ которомъ я выросъ, то мнѣ даже на открытое заявленіе, что я латышскаго происхожденія, отвѣчали: „Что Вы за латышъ? Вы такой же нѣмецъ, какъ и мы всѣ". А лишь только мои взгляды измѣнились, отъ тѣхъ же лицъ сейчасъ же мнѣ приходилось слышать: „Какой Вы нѣмецъ? Вы вѣдь латышъ". Уже было указано на то, что, начиная съ половины XIX столѣтія, стали появляться отдѣльныя личности, раньше среди латышей, нѣсколько позже и среди эстовъ, которыя, усвоивъ себѣ среднее или высшее образованіе, тѣмъ не менѣе продолжали смотрѣть на себя, какъ на латышей и эстовъ. Они не порывали связи съ тѣмъ народомъ, изъ котораго произошли, вслѣдствіе этого стали заниматься вопросомъ о его матеріальномъ и общественномъ положеніи и хотѣли также и малообразованному латышу или эсту-крестьянину, знавшему только свой родной языкъ, дать возможность дальнѣйшаго умственнаго развитія. А образованнымъ латышамъ и эстамъ предъявлялось ими требованіе не онѣмечиваться, а содѣйствовать культурно-національному прогрессу своего народа. Понятно, что все это было очень не по душѣ прибалтійскому нѣмечеству, разъ оно

сохраненіе стараго господства въ мѣстной жизни считало необходимымъ условіемъ своего дальнѣйшаго существованія въ краѣ и въ этомъ духѣ даже вело воспитаніе подростающаго поколѣнія (см. выше, стр. 72). Въ 1880 г. Г. Брашенъ, одинъ изъ представителей консервативнаго большинства прибалтійскаго нѣмечества, въ брошюрѣ „Мысли объ укрѣпленіи самоуправленія въ краѣ“ (Gedanken zur Konsolidierung des Livländischen Landesstaates) откровенно говоритъ слѣдующее: „То, что наряду съ нашимъ нѣмецкимъ городскимъ сословіемъ образуется особое латышское и эстское, . . . это намъ кажется не только излишнимъ, но даже вызываетъ у насъ и серьезныя опасенія насчетъ будущаго“.

Первыя латышскія газеты подвергались строгой цензурѣ, дѣятели новаго направленія преслѣдовались и высылались — но это были, конечно, только временныя мѣры, и трудно было отрубить гидрѣ всѣ головы сразу. Самымъ надежнымъ средствомъ противъ новаго движенія казалось онѣмеченіе не всѣхъ поголовно латышей и эстовъ, а какъ и раньше практиковалось, только высшихъ ихъ слоевъ. Дѣйствительно, одной некультурной массы сельскихъ рабочихъ, предоставленныхъ своимъ бѣднымъ силамъ, нечего было опасаться прибалтійскому нѣмечеству, все равно, на какомъ языкѣ она говорила, лишь бы она по старому находилась подъ его руководствомъ. Для облегченія перехода латышской и эстской интеллигенціи въ нѣмечество прежде всего надо было способствовать распространенію знанія нѣмецкаго языка. Какъ уже было указано, раньше ознакомленіе съ нимъ латыша и эста считали излишнимъ: по словамъ анонимнаго автора біографіи пастора Ф. Вальтера (1801—1869), если я не ошибаюсь, пастора Дэбнера, „къ экзотическимъ плодамъ воспитанія (Südfrüchte der Bildung), на которые наложилъ анаѳему ландтагъ (въ 1844 г.), принадлежало также и распространеніе знанія нѣмецкаго языка среди сельскаго населенія, которое потребовали Вальтеръ вмѣстѣ съ Бруйнингомъ и другими дальновидными лицами“ (стр. 149). Тамъ же говорится о „нерадѣніи и предразсудкахъ, которые все еще существовали среди лифляндскихъ помѣщиковъ, противъ сближенія съ латышскимъ

населеніемъ въ области языка", и о „недоступной національной изоляціи" болѣе образованныхъ нѣмцевъ отъ латышскаго народа (стр. 361, 369). Все это относится къ серединѣ XIX вѣка. Въ Курляндской учительской семинаріи одно время не хотѣли преподавать нѣмецкій языкъ, такъ какъ знаніе его будто бы дѣлало сельскихъ учителей чванными и самоувѣренными, такъ что они уже не годились въ наставники смиренныхъ крестьянскихъ дѣтей. Наконецъ, долго еше латышъ-управляющій, напримѣръ, не смѣлъ обращаться къ своему господину на барскомъ нѣмецкомъ языкѣ, а долженъ былъ говорить съ нимъ по-латышски. Послѣ, напротивъ, нѣмцы вездѣ, гдѣ только было возможно, въ сношеніяхъ съ латышами и эстами, стали употреблять нѣмецкій языкъ.

Вплоть до 80-ыхъ годовъ процессъ онѣмеченія латышей и эстовъ считали обезпеченнымъ естественнымъ ходомъ событій. Въ доказательство этого я приведу слѣдующее. Упомянутый уже пасторъ Вальтеръ въ 1830 г. высказывается такъ: „То, что нація, отсталая въ культурномъ отношеніи отъ своей сосѣдки, поглощается послѣдней, является вполнѣ естественнымъ, особенно, если она принадлежитъ къ народу, который вслѣдствіе малочисленности не имѣетъ никакой надежды на самостоятельное культурное развитіе своихъ интеллигентныхъ слоевъ" (стр. 150). Латышей отъ нѣмцевъ, по мнѣнію Вальтера, отличаетъ только языкъ; „при своемъ стремленіи онѣмечиться они скоро усвоили бы себѣ нѣмецкій языкъ, если бы въ школахъ, устроенныхъ для нихъ нѣмцами, наряду съ латышскимъ и эстскимъ, также заботились о преподаваніи и нѣмецкаго языка для желающихъ" (стр. 365). Вальтеръ находитъ у латышей стремленіе „совершенно перейти въ культуру и національность нѣмцевъ" (стр. 369). Въ брошюрѣ „Балтійскія провинціи на Рубиконѣ" (Die baltischen Provinzen am Rubikon), Берлинъ, 1869 г., авторъ, очевидно германскій подданный, утверждаетъ, что у „латышей и эстовъ нѣмецкіе нравы настолько перешли въ плоть и кровь, что они отъ нѣмцевъ отличаются только по языку, который притомъ у латышей съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе исчезаетъ . . .

Латыши и эсты не культурные народы; по законамъ историческаго развитія ихъ судьба — слиться съ другими, а именно культурными народами" (стр. 37). Лифляндецъ Егоръ фонъ Сиверсъ въ тѣ же 60-ые годы пишетъ, что „перевѣсу умственнаго и нравственнаго развитія не можетъ противостоять ни одинъ народъ, способный къ культурной жизни". Еще въ 1883 году прибалтійскій уроженецъ А. Бухгольцъ, анонимный авторъ книги „50 лѣтъ русскаго управленія въ Остзейскихъ губерніяхъ", Лейпцигъ (50 Jahre russischer Verwaltung in den Ostseeprovinzen), утверждаетъ слѣдующее: „Цѣль, преслѣдуемая національнымъ движеніемъ среди латышей и эстовъ, непрактична: невозможно, отказываясь отъ чужихъ культурныхъ пріобрѣтеній, въ настоящее время довести до самостоятельнаго національнаго значенія небольшое племя, которое долго находилось подъ вліяніемъ чужой культуры. Это настолько нелѣпо, что склоняешься къ сомнѣнію относительно искренности стремленія, тѣмъ болѣе, что латышскіе и эстскіе дѣятели въ этомъ отношеніи ходомъ своего умственнаго развитія и обиходнымъ языкомъ свидѣтельствуютъ о невозможности самостоятельнаго національнаго развитія" (стр. 255). Какъ бы боевой кличъ всего этого направленія, мы находимъ въ статьѣ газеты „Zeitung für Stadt und Land" (№ 246 отъ 23 окт. 1871 г.) слѣдующія коротко и ясно сказанныя слова: „образованный латышъ" — это „нелѣпость" и „нѣчто невозможное".

Но тѣмъ не менѣе встрѣчаются также и открытые призывы къ сознательному онѣмеченію латышей и эстовъ, главнымъ образомъ ихъ интеллигенціи. Самымъ яркимъ представителемъ этихъ требованій является названный уже пасторъ Ф. Вальтеръ. Какъ мы видѣли, уже въ 1844 г. онъ и нѣсколько его единомышленниковъ обратились къ ландтагу съ предложеніемъ въ цѣляхъ слиянія латышей съ нѣмцами ввести въ школы необязательное обученіе нѣмецкому языку. Но наиболѣе извѣстно то обращеніе Вальтера ко всему лифляндскому дворянству, которое имѣло мѣсто въ проповѣди, произнесенной имъ при открытіи ландтага 1864 г. Вальтеръ въ ней говоритъ: „Помѣстные дворяне и горожане Лифляндіи — нѣмецкаго происхожденія. А что мы сегодня не мо-

жемъ сказать: „вся Лифляндія нѣмецкая страна“, въ томъ главнымъ образомъ виноваты мы сами: изъ неяснаго уваженія къ обломкамъ исчезающихъ изъ исторіи народностей мы старались охранять ихъ національность, несмотря на ихъ стремленіе онѣмечиться и этимъ слиться съ своими господами также и по отношенію къ національности, какъ уже случилось по отношенію къ вѣроисповѣданію. Если еще возможно, пусть поможетъ намъ Богъ наверстать упущенное, главнымъ образомъ черезъ школы, во благо которыхъ мы уже честно трудились и намъ еще придется трудиться . . .“ За эту проповѣдь Вальтеръ долженъ былъ подать въ отставку. Въ 1880 г. упомянутый уже Брашенъ требуетъ отъ нѣмецкаго общества выработать у себя „болѣе сильную способность поглощать латышскій и эстскій городскіе классы“: это, по его мнѣнію, „требованіе политической необходимости“. Что всѣ эти стремленія и предпринятыя мѣры — введеніе обязательнаго изученія нѣмецкаго языка въ приходскихъ, а необязательнаго въ волостныхъ школахъ, ни къ чему не привели, объясняется не только убѣжденіемъ нѣмцевъ въ томъ, что онѣмеченіе латышской и эстской интеллигенцій совершится въ силу исторической необходимости, но столько же тѣмъ, что во вторую половину XIX столѣтія правительство, или вѣрнѣе русское общественное мнѣніе не допустило бы замѣтнаго усиленія нѣмецкаго элемента на окраинѣ. Не надо забывать того, какой отзвукъ вызвала одна только проповѣдь Вальтера.

Прибалтійскіе нѣмцы рѣшительно отрицаютъ то, что они когда-либо думали объ онѣмеченіи латышей и эстовъ. Обыкновенный нѣмецкій обыватель это дѣлаетъ по искреннему убѣжденію, такъ какъ онъ не можетъ допустить мысли, чтобы нѣмцы когда-либо были замѣчены въ чемъ-нибудь предосудительномъ; а прибалтійскіе нѣмецкіе историки болѣе или менѣе сознательно слегка ретушируютъ непривлекательныя черты историческаго развитія. Изъ того, что не удалось онѣмечить латышскую и эстскую интеллигенціи, конечно, еще не слѣдуетъ, что этой попытки никогда не было сдѣлано; напротивъ, такъ какъ главный поборникъ идеи германизаціи, пасторъ Вальтеръ, для достиженія на-

мѣченной цѣли считалъ достаточнымъ введеніе необязательнаго обученія нѣмецкому языку въ народныхъ школахъ, и такъ какъ это дѣйствительно было сдѣлано, то мы въ полномъ правѣ утверждать, что попытка онѣмечить образованныхъ латышей и эстовъ была предпринята. Но историческое развитіе пошло по другой дорогѣ, чѣмъ ожидали нѣмцы. Когда національное движеніе среди коренного населенія встрѣтило отпоръ со стороны нѣмечества, то оно, конечно, заняло враждебное къ послѣднему отношеніе. Что такой отпоръ былъ данъ, понятно изъ всего вышеизложеннаго и, кромѣ того, подтверждается упомянутой уже статьей газеты „Zeitung für Stadt und Land", которая признаетъ, что „въ настоящее время употребленіе нѣмецкаго языка въ школѣ и обыденной жизни мѣшаетъ развитію чисто-національной латышской культуры и отклоняетъ ее въ сторону". Если латыши дѣйствительно стремятся къ созданію самобытной культурной жизни, то газета понимаетъ, почему имъ „вся дѣятельность нѣмцевъ и все нѣмецкое должны казаться враждебными". При своемъ возникновеніи національное движеніе среди латышей и эстовъ не было принципіально враждебно настроено противъ нѣмцевъ. Это подтверждается также и тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе нѣмцы въ первое время сочувственно относились къ нему, пока не поняли яснѣе его характера.

Такимъ образомъ, для культурно-національнаго развитія латышскій и эстскій народы нуждались въ улучшеніи соціальнаго положенія сельскаго населенія и въ участіи его представителей въ земскомъ самоуправленіи края — а прибалтійскіе нѣмцы уже въ 40-ыхъ и 50-ыхъ годахъ, когда еще не было помину о національномъ движеніи, принципіально высказались въ томъ смыслѣ, что сохраненіе за дворянствомъ его преимуществъ въ экономической и политической жизни края является условіемъ дальнѣйшаго существованія всего нѣмечества. Поэтому понятно, что нѣмцы вскорѣ вступили въ рѣшительную борьбу съ латышами и эстами, причемъ соціальная, политическая и національно-культурная стороны этой борьбы слились въ одно цѣлое, въ которомъ трудно разобрать его отдѣльные

моменты. Но основа всему — стремленіе латышей и эстовъ къ культурному самоопредѣленію.

Съ вышеизложенной точки зрѣнія не трудно ограничить повторяемое нѣмцами утвержденіе, что латыши и эсты всею своею культурою обязаны исключительно имъ. Съ одной стороны, надо вспомнить, что до начала XIX вѣка никакого замѣтнаго культурнаго воздѣйствія нѣмцевъ, пришельцевъ, на „ненѣмецкихъ“ (undeutsche) рабовъ-крѣпостныхъ не имѣло мѣста. Можно даже сказать, что въ общемъ такъ шло дѣло до 30-ыхъ годовъ XIX столѣтія. Съ другой стороны, надо имѣть въ виду, что въ теченіе послѣднихъ 20—30 лѣтъ почти всѣ безъ исключенія культурныя потребности кореннаго населенія удовлетворялись имъ же, кореннымъ населеніемъ, а не нѣмцами. Нѣмцы національному возрожденію латышей и эстовъ оказали большую услугу тѣмъ, что положили начало изслѣдованію ихъ языка и древностей; затѣмъ они хорошо обставили школьное дѣло, но только низшія школы, и притомъ лишь въ деревнѣ — въ городахъ не существовало латышскихъ и эстскихъ школъ; наконецъ, начиная съ половины XIX вѣка вплоть до конца его они содѣйствовали развитію техники крестьянскаго земледѣлія — но все съ двумя условіями: чтобы, во-первыхъ, образованные слои латышей и эстовъ онѣмечивались, а во-вторыхъ, народная масса оставалась бы „толпой послушныхъ батраковъ и поденщиковъ“. Лишь только оказалось, что новое движеніе не намѣрено соблюдать эти условія, какъ сейчасъ же нѣмечество открыто вступило съ нимъ въ борьбу. Но латышамъ и эстамъ удалось одолѣть это противодѣйствіе и достичь того высокаго уровня культурнаго развитія на національной почвѣ, на которомъ они сейчасъ стоятъ. Всѣмъ этимъ они обязаны исключительно той силѣ, которая проявляется въ народностяхъ, пробуждающихся къ сознанію своей національности. Ту громадную работу, которая потребовалась, чтобы изъ почти безземельнаго класса сельскихъ рабочихъ середины прошлаго столѣтія въ какихъ-нибудь полвѣка сдѣлать высоко-культурный народъ, латыши и эсты исполнили одни, безо всякой чужой помощи, и на результатахъ этой работы покоится ихъ

нынѣшняя культура. „Заслуга“ нѣмцевъ состоитъ въ томъ, что латыши и эсты на нихъ, хотя и противъ ихъ воли, могли ознакомиться съ западно-европейскимъ культурнымъ міромъ. Назвать себя учителями латышей и эстовъ нѣмцы едва ли имѣютъ право, такъ какъ только тотъ дѣйствительно заслуживаетъ этого названія, кто готовъ добровольно подѣлитьтя со своимъ ученикомъ всѣмъ, что самъ знаетъ и имѣетъ.

Въ заключеніе я опять-таки, во избѣжаніе недоразумѣній, повторяю, что говорю объ отношеніяхъ къ латышамъ и эстамъ прибалтійскаго нѣмечества, какъ соціальнаго и политическаго фактора въ жизни края. Никто не станетъ отрицать, что встрѣчались отдѣльные представители его, которые и въ теоріи и на практикѣ придерживались иныхъ взглядовъ, но не это характеризуетъ отношенія нѣмцевъ къ коренному населенію, а принципіальныя воззрѣнія и политика всей группы.

IX глава.

Отношеніе прибалтійскихъ нѣмцевъ къ Россіи и русскимъ до конца XIX столѣтія.

До 60-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія прибалтійскимъ нѣмцамъ въ Россіи жилось, какъ нельзя лучше. Въ качествѣ помѣстныхъ дворянъ и зажиточныхъ горожанъ, они пользовались такимъ могуществомъ, о которомъ имъ до присоединенія къ Россіи и не снилось. Они жили отдѣльною отъ другихъ частей Имперіи жизнью и были въ краѣ полновластными хозяевами. Русскій народъ былъ имъ совершенно чуждъ: они на него смотрѣли какъ на сѣрую массу полуварваровъ, вовсемъ нуждающихся въ неотступномъ руководствѣ со стороны власть имущихъ. Дерптскій профессоръ Ширренъ, напримѣръ, въ своемъ „Лифляндскомъ отвѣтѣ" Юрію Самарину, еще въ 1869 г., дѣлаетъ постоянно разницу между правительствомъ и „господствующей расой", т. е. русскимъ народомъ. Такъ какъ правительство въ тѣ времена на своихъ подданныхъ смотрѣло такъ же, какъ и прибалтійскіе нѣмцы, и послѣдніе вслѣдствіе этого часто играли видную роль въ бюрократіи, то они чувствовали себя на мѣстѣ и проявляли искреннюю привязанность даже къ Имперіи, насколько она являлась представительницей сверхъ-національнаго абсолютизма. Нѣмцы всегда готовы были служить слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, такъ что одна изъ славянофильскихъ газетъ 60-ыхъ годовъ ихъ называетъ „mamelouks de l'empire".

Только въ 40-ыхъ годахъ бюрократія сдѣлала попытку ассимилировать Прибалтійскій край Имперіи, такъ чтобы былъ: одинъ царь, одна вѣра, одинъ языкъ. Сюда относятся поощреніе перехода латышей и эстовъ

въ православіе и оставшіяся безъ результата мѣропріятія для введенія русскаго языка въ управленіи и въ школахъ края Эта слабая попытка ни къ чему не повела.

Серьезно возникъ вопросъ объ отношеніяхъ края къ Имперіи только послѣ вступленія на престолъ Императора Александра II. Когда въ Россіи разрабатывались реформы, ознаменовавшія это царствованіе, и затѣмъ проводились въ жизнь, то нельзя было оставить безъ вниманія также и положеніе дѣлъ въ Прибалтійскомъ краѣ. И тутъ оказалось, что основы, на которыхъ покоилось самоуправленіе края, далеко отстояли отъ реформъ, проводимыхъ въ остальной Россіи.

Бросимъ короткій взглядъ на политическое устройство въ тѣ времена Прибалтійскаго края. Принимать участіе въ земскомъ самоуправленіи имѣли право исключительно мѣстные дворяне, изъ которыхъ и состоялъ ландтагъ. Роды, принадлежащіе къ мѣстному дворянству, были внесены въ особый списокъ, такъ называемую матрикулу, и новые могли быть принимаемы только съ согласія самихъ же матрикулованныхъ дворянъ. Мѣстная администрація находилась въ рукахъ ландтага; ландтагъ взималъ и расходовалъ налоги; имъ же выбирались судьи и полицейскіе чины и притомъ, по закону, только изъ среды дворянъ. Отъ ландтага, наконецъ, зависѣли церковь и народная школа. Крестьянскія общины, по законамъ 1816—1819 гг., находились въ полной зависимости отъ мызной полиціи, т. е. отъ помѣщика. Если къ этому присовокупить, что ландтагъ имѣлъ право законодательной иниціативы, и что всѣ законопроекты, касающіеся края, всегда передавались на предварительное обсужденіе его, то получается яркая картина той „полноты власти“, которую законъ предоставлялъ прибалтійскому дворянству. Въ городахъ, находившихся внѣ всякой связи съ земскимъ самоуправленіемъ, совершенно аналогичнымъ образомъ господствовали старые роды богатыхъ и знатныхъ горожанъ. Безземельный классъ крестьянъ въ общественной жизни края не принималъ никакого участія.

Но это еще не все: нѣмецкіе слои населенія, кромѣ того, пользовались цѣлымъ рядомъ преиму-

ществъ экономическаго характера. Одни матрикулованные мѣстные дворяне могли владѣть вотчинами (до 1866 г.) и только владѣлецъ вотчины имѣлъ слѣдующія права: право винокуренія и пивоваренія и продажи хлѣбнаго вина и съѣстныхъ припасовъ; право содержать корчмы и шинки, учреждать мѣстечки и открывать рынки и ярмарки, наконецъ, право охоты и рыбной ловли. Въ городахъ еще процвѣтали цехи, въ которые принимались только лица, объявившія себя нѣмцами. Неудивительно, что нѣмцы время отъ 1820—40 г. называютъ „идилліей" (Stilleben).

Реформы, проводившіяся тогда въ Имперіи Александромъ II, а именно: отмѣна крѣпостной зависимости, надѣленіе крестьянъ землей, преобразованіе суда, введеніе всесословнаго земскаго самоуправленія (земства) и новаго городового положенія, провозгласили принципы, которыхъ въ самоуправленіи Прибалтійскаго края не было и помину, и поэтому естественно вызвали у правительства желаніе преобразовать на новыхъ основахъ общественную жизнь также и Прибалтійскаго края. При этомъ правительство никогда не требовало механическаго примѣненія къ Прибалтійскому краю законовъ, выработанныхъ для другихъ частей Имперіи. Какъ еще въ 1881 г., оно только предлагаетъ вопросъ „о способахъ примѣненія" въ краѣ той или другой мѣры „безъ нарушенія ея основныхъ началъ". Многіе изъ болѣе разсудительныхъ нѣмцевъ того времени ясно понимали, что требованія правительства въ этомъ отношеніи справедливы, и что противодѣйствіе имъ могло повлечь за собой проведеніе предполагаемыхъ мѣръ помимо дворянства и безъ согласованія ихъ съ особенностями мѣстной жизни.

Прежде всего я напомню о пожеланіяхъ либераловъ того времени, со словъ Беркгольца, редактора журнала „Baltische Monatsschrift" (ср. выше стр. 73). Затѣмъ можно привести Юліуса Эккардта, который въ упомянутой уже статьѣ „Страна и люди Прибалтійскаго побережья" высказывается такъ: „То, что въ цивилизованной странѣ существуетъ три рода судовъ: дворянскіе, городскіе и крестьянскіе; что важнѣйшія судебныя должности предоставляются исключительно пред-

ставителямъ одного сословія; что виднѣйшіе факторы общественной жизни остаются безъ представительства на ландтагахъ; что принадлежность къ дворянской матрикулѣ является условіемъ всякой политической дѣятельности, . . . это возможно только какъ аномалія . . . Оставить такое положеніе вещей долгое время безъ измѣненій, значило бы задушить самихъ себя".

Объ отношеніи ландтаговъ къ предполагаемой въ Прибалтійскомъ краѣ судебной реформѣ извѣстный намъ уже либералъ Г. Беркгольцъ пишетъ г-жѣ фонъ Раденъ, что ландтаги оказались „такими реакціонными и несостоятельными, что не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, если правительство увидитъ себя принужденнымъ къ одностороннему проведенію реформы".

Когда около середины 70-ыхъ и въ началѣ 80-ыхъ годовъ снова становится острѣе вопросъ о реформахъ въ краѣ, опять выступаетъ нѣсколько трезвыхъ лицъ. Г. фонъ Самсонъ, анонимный авторъ брошюры „Зарница" (Wetterleuchten, 1878), рѣзко подчеркиваетъ, „что всѣ зачатки реформъ (въ краѣ) должны были остаться безплодными, потому что при нихъ не принималось въ соображеніе справедливаго требованія государства провести однородныя преобразованія; что сохраненія . . . дорогихъ (краю) особенностей можно ожидать только въ томъ случаѣ, если названное требованіе правительства должнымъ образомъ будетъ принято въ соображеніе, и если къ реформѣ самоуправленія приступятъ по собственной инціативѣ, примыкая къ устройству Имперіи; что въ противномъ случаѣ слѣдуетъ ожидать безпощадной ассимиляціи" . . . „Раньше выставлялся лозунгъ: — какъ можно болѣе сохранять обособленность . . ., и это было правильно, пока Имперія еще не вступила на путь современныхъ реформъ . . . Но съ того момента, какъ въ ней началась планомѣрная преобразовательная . . . дѣятельность, слѣдовало бы выставить новый лозунгъ . . . Вполнѣ признавая преобразовательное движеніе и справедливое съ государственной точки зрѣнія стремленіе къ одинаковому устройству учрежденій всей Имперіи, намъ не только слѣдовало бы принимать дѣятельное участіе въ реформѣ, но и постараться занять при этомъ первое мѣсто . . .

Новый лозунгъ долженъ былъ бы быть: какъ можно болѣе тѣсное примыканіе къ ходу развитія въ Имперіи при сохраненіи только того, чего нельзя уступить". Въ 1880 г. Е. фонъ Мензенкампфъ, въ брошюрѣ „Автономія и самоуправленіе" (Autonomie und Selbstverwaltung) объясняетъ, почему либералы рѣшились на реформы: „Не матеріальные интересы края . . . привели насъ къ мысли о преобразованіи самоуправленія, но прежде всего то обстоятельство, что, по нашему мнѣнію, положеніе общественнаго строя края въ его отношеніи къ Имперіи сдѣлалось ненормальнымъ . . . . появилась опасность, что учрежденія современнаго государственнаго права, такъ щедро дарованныя Имперіи, опередятъ наше самоуправленіе".

Но эти немногіе голоса прозвучали, не оставивъ никакаго слѣда. Почти все прибалтійское нѣмечество стремилось не къ сближенію съ обновляющейся Россіей, а къ обособленію отъ нея и къ созданію особаго „Landesstaat", т. е. автономной области. Самымъ яркимъ и вдохновеннымъ, чуть не истерическимъ, представителемъ этого направленія мыслей является тогдашній дерптскій профессоръ Ширренъ въ своемъ извѣстномъ „Лифляндскомъ отвѣтѣ", выпущенномъ въ 1869 г., противъ „Балтійскаго поморья" Юрія Самарина. Насколько вѣрно Ширренъ выражаетъ взгляды всего прибалтійскаго нѣмечества, даже и группы либераловъ среди него, видно, хотя бы изъ письма Беркгольца къ г-жѣ фонъ Раденъ, въ которомъ мы читаемъ: „Вотъ это книга! Я еще никогда не видалъ такого непосредственнаго и всеобщаго впечатлѣнія, произведеннаго какой-либо другой книгой. Всѣ отдѣльные оттѣнки нашихъ мнѣній по вопросамъ мѣстной политики сразу растворились въ образѣ мыслей, развитомъ Ширреномъ".

Знакомый намъ уже Г. фонъ Самсонъ въ брошюрѣ „Для соглашенія" (Zur Verständigung, 1879), высказывается слѣдующимъ образомъ о вліяніи, оказанномъ книгой Ширрена: задачей ея явилось „возстановленіе глубоко потрясеннаго самоуваженія Прибалтійскихъ губерній". — „Но „Отвѣтъ" имѣлъ не только вышеуказанный желанный результатъ; такъ какъ всякое средство можно употребить во зло и малодушіе часто по зако-

намъ психологіи переходитъ въ кичливость, то съ тѣхъ поръ у прибалтійскихъ нѣмцевъ явились общими недостатками: надменность и самодовольство, слишкомъ низкое мнѣніе о чужихъ и презрительное отношеніе къ нимъ, и сантиментально-мистическій взглядъ на нашу мѣстную политику".

Отношеніе Прибалтійскихъ губерній къ Россіи Ширрену представляется слѣдующимъ образомъ. По Ништадтскому мирному договору край является „областью (Provinz), а не губерніей" (Gouvernement). „Онъ не былъ присоединенъ (einverleibt) къ Россіи, а соединенъ съ нею (verbunden) на основаніи . . . договоровъ". — „Край представляетъ область съ политической автономіей" (eine Provinz mit eigenem Landesstaat). „Ему до извѣстной степени гарантированъ нейтралитетъ: не политическая самостоятельность, не обособленность отъ политическаго господства Имперіи, но самымъ недвусмысленнымъ образомъ обособленность отъ господствующей расы (т. е. русскаго народа) и отъ ея національной культуры". — „Ставшее офиціальнымъ воззрѣніе, что край состоитъ изъ губерній съ нѣкоторыми особенностями, не согласуется съ договорами". — Столь же откровенно высказываются лифляндскій выходецъ В. фонъ Боккъ и его сотрудники въ своихъ объемистыхъ „Лифляндскихъ Вкладахъ" (Livländische Beiträge, 1868—1871). „Край сейчасъ вѣренъ государю, . . . и если онъ вѣренъ ему, то потому, что въ лицѣ русскаго Императора до договору почитаетъ хранителя такъ называемыхъ „привилегій". — Къ этой завѣтной цѣли, т. е. къ пересозданію края въ область съ политической автономіей, съ особыми государственными учрежденіями, внѣ связи съ таковыми всей Имперіи, тогда дѣйствительно стремились прибалтійскіе политики. Уже въ 1845 г. вышли два первыхъ тома „Свода мѣстныхъ узаконеній Остзейскихъ губерній", изъ которыхъ первый озаглавленъ „Учрежденія", а второй „Законы о состояніяхъ", и которые содержатъ всѣ „привилегіи" по самоуправленію края. На ландтагѣ 1862 г. обсуждались 4 предложенія названнаго уже Бокка, изъ которыхъ первое требуетъ особаго балтійскаго верховнаго судебнаго „трибунала", независимаго отъ сената, а чет-

вертое высказываетъ пожеланіе созданія объединеннаго ландтага балтійскихъ губерній для обсужденія болѣе общихъ отечественныхъ интересовъ. Этому соотвѣтствуетъ отношеніе къ намѣченному правительствомъ, согласно общей судебной реформѣ, измѣненію судопроизводства въ краѣ: дворянскія общества высказались противъ такого измѣненія, такъ какъ не хотѣли согласиться на то, чтобы судьи выбирались всѣмъ населеніемъ, а не отдѣльными сословіями, какъ это было до тѣхъ поръ. Между тѣмъ даже Э. Серафимъ называетъ тогдашніе судебные порядки въ Прибалтійскомъ краѣ „отсталыми" и „нуждающимися въ реформѣ". А еще въ 1878 г. анонимному автору „Откровенныхъ словъ о мѣстной политикѣ въ Лифляндіи", помимо того же верховнаго судилища въ Ригѣ, мерещится даже вполнѣ самостоятельный „балтійскій сенатъ" въ Петроградѣ въ качествѣ высшей законодательной и ревизіонной инстанціи.

Значитъ, все время, на словахъ и на дѣлѣ, открыто высказывается стремленіе къ возможно большей политической обособленности края отъ всей Россіи. Судьбы русскаго народа и Имперіи, если онѣ не затрагивали самого края, прибалтійскаго нѣмца того времени не интересуютъ, и принимать участіе въ ихъ жизни онъ не хочетъ. Ширренъ говоритъ: „Кромѣ принадлежности къ одному и тому же государству (Reichsgemeinschaft) мы не имѣемъ ничего общаго" съ русскимъ народомъ. „Въ немъ и въ насъ все различно: способности тѣла и души; темпераментъ; ... ритмъ индивидуальнаго развитія; семейная жизнь; имущественныя отношенія; право; языкъ; . . . политическія традиціи; прошедшее и настоящее". Въ „Лифляндскихъ вкладахъ" мы читаемъ: „Край вѣренъ Государю (gut kaiserlich), но только съ оговоркой вѣренъ Россіи" (gut russisch). „Ожидать отъ насъ, чтобы мы, оставаясь нѣмцами, въ то же время были душою и сердцемъ русскими (russes de coeur et d'âme, какъ выражался покойный Государь) все равно, что требовать, чтобы квадратъ, не измѣняясь въ своей формѣ, сдѣлался треугольникомъ". Въ 1878 г. либералъ Г. фонъ Самсонъ отмѣчаетъ, что прибалтійскіе нѣмцы чувствуютъ себя „связанными съ Имперіей

только Царствующимъ Домомъ“ и упрекаетъ ихъ въ томъ, что они не хотятъ „быть ассимилированы Имперіи“, а желаютъ „оставаться чѣмъ-то отдѣльнымъ и особеннымъ“. И одинъ изъ представителей консерваторовъ, Брашенъ, въ 1880 г. вполнѣ съ этимъ соглашается: „Мы дѣйствительно не хотимъ быть ассимилированы Россіи“; кромѣ того, онъ не менѣе откровенно сознается: „Да, мы не принимаемъ участія въ духовной жизни русскаго народа . . . .“

Все это подмѣчалось уже своевременно. Вполнѣ безпристрастный анонимный авторъ (русскій) брошюры „Политическое призваніе Остзейскаго края“ отмѣчаетъ, что одна часть прибалтійскаго нѣмечества „поворачивается къ ней (Россіи) спиной“ и „страшится полнаго съ ней сліянія“. Г. фонъ Самсонъ въ уже неоднократно приведенномъ „Взглядѣ на прошлое Лифляндіи“ высказывается еще рѣшительнѣе; онъ говоритъ: „Представленіе, что съ распаденія лифляндскаго союза край составляетъ часть болѣе обширнаго цѣлаго, это представленіе, кажется, никогда ясно не проникало въ политическое сознаніе, не говоря о томъ, чтобы оно сдѣлалась господствующимъ. Какихъ бы годныхъ, вѣрныхъ и преданныхъ слугъ и защитниковъ Лифляндія ни давала своимъ Государямъ — всегда существовали одни только личныя отношенія между подданнымъ и монархомъ . . . Если мы не хотимъ скрыть правду, мы должны сознаться, что понятіе вѣрности Имперіи (Reichstreue) вѣроятно для многихъ незнакомо и никогда еще не существовало“.

Такимъ образомъ, Прибалтійскій край въ глазахъ нѣмцевъ имѣлъ право претендовать на положеніе автономной области, связанной съ Россіей чѣмъ-то въ родѣ личной уніи и не былъ обязанъ принимать участіе въ жизни Имперіи. По Ширрену край предоставленъ „нѣмецкому народу и его потомкамъ,“ и поэтому въ немъ долженъ жить и господствовать „нѣмецкій народъ и его потомки“. Русскіе, напротивъ, въ краѣ „всегда оставались тѣмъ, чѣмъ были по закону: „гостями съ правомъ жительства, но безъ гражданскаго полноправія мѣстнаго уроженца“ (такъ я передаю смыслъ словъ: mit dem Recht zu wohnen, ohne zu bauen).

Свои взгляды Ширренъ основываетъ на „капитуляціяхъ“ и „договорахъ“; онъ говоритъ: „наше право родилось вмѣстѣ съ краемъ: въ 1561 г. его утвердили, а въ 1710 г. на немъ принесли клятву (!)“. На самомъ же дѣлѣ Курляндія покорилась Екатеринѣ безо всякихъ условій; а что касается Лифляндіи и Эстляндіи, то Петръ Великій лишь подтвердилъ привилегіи, и притомъ по отношенію къ Лифляндіи съ двумя оговорками: 1) „Елико оны (т. е. привилегіи) при нынѣшнемъ правительствѣ и временахъ возможно употребити“; 2) „Однакожъ удерживаемъ мы присемъ намъ и государствъ нашихъ высочеству и право безъ преосужденія и вреду“. А въ IX пунктѣ Ништадскаго мирнаго договора говорится: „Его Императорское Величество обѣщаетъ, кромѣ того, что за всѣми жителями провинцій Лифляндіи и Эстляндіи, какъ и о. Эзеля, дворянскаго происхожденія и недворянскаго, а также и за всѣми находящимися въ названныхъ провинціяхъ городами. должны быть постоянно и неизмѣнно сохранены . . . привилегіи, обычаи, права и преимущества, которыми они пользовались подъ шведскимъ правительствомъ“ И это все. Трудно понять, гдѣ тутъ найти политическую автономію края и установленныя на вѣчныя времен нормы, которыхъ правительство не можетъ измѣнять. Напротивъ, не имѣется ни того, ни другого. Къ тому же самъ Ширренъ нечаянно разрушаетъ свой карточный домикъ; онъ пишетъ: „Если бы при сохраненіи существующихъ правовыхъ отношеній не было возможно нормальнаго развитія въ интересахъ края и Имперіи, то принужденіе, правонарушеніе, переворотъ имѣли бы тогда по крайней мѣрѣ какой-нибудь осязательный смыслъ“. Но сущность дѣла заключается какъ разъ въ томъ, что „интересы края и Имперіи“ уже давно требовали преобразованія общественной жизни края.

Нежеланіе Прибалтійскаго нѣмечества принимать участіе въ жизни Имперіи психологически объясняется тѣмъ, что нѣмцы русскихъ считали низшей расой, неспособной къ самостоятельной культурной и государственной жизни. Поэтому для Ширрена всѣ чаянія русскаго народа лишь „инстинкты господствующей

расы", которымъ правительство не должно поддаваться, и поэтому на новое государственное строительство 60-ыхъ гг., съ привлеченіемъ къ общественной жизни самого населенія, часть нѣмцевъ могла сначала смотрѣть съ той снисходительной улыбкой, съ которой нянька слѣдитъ за своимъ любимцемъ, когда онъ въ своихъ играхъ себя уже мнитъ взрослымъ. Но какъ только оказалось, что малышъ дѣйствительно выросъ и не желаетъ уже, чтобы его няньчили, то нянька сейчасъ же обидѣлась, такъ какъ ей ни за что не хотѣлось лишиться своего прежняго значенія. Ширренъ, ничего не скрывая, заявляетъ: „Нѣтъ, вашъ народъ еще не созрѣлъ и не достоинъ властвовать надъ нами. . ."

Но ярче всего тѣ взгляды на русскихъ и Россію, которые среди русскихъ нѣмцевъ, во всякомъ случаѣ, были сильно распространены, выступаютъ въ замѣткахъ прибалтійскаго нѣмца Виктора Гена, дѣйствительнаго статскаго совѣтника русской службы. Замѣтки Гена въ 1892 г., уже послѣ его смерти, были изданы Берлинскимъ профессоромъ Т. Шиманомъ, тоже балтійскимъ уроженцемъ, подъ заглавіемъ: „De moribus Ruthenorum" (О характерѣ русскаго народа). Къ сожалѣнію, я лишенъ возможности ознакомить русскихъ читателей съ тѣмъ надменно-насмѣшливымъ и холоднымъ презрѣніемъ, съ которымъ одинъ изъ представителей прибалтійскихъ нѣмцевъ высказывался о русскомъ народѣ. О книгѣ Гена въ прошломъ году проф. Е. В. Тарле напечаталъ статью въ ноябрьской книжкѣ журнала „Русская Мысль". Возражая на нее въ газетѣ „Nordische Zeitung" (№ 1, 1 янв. 1915 г.), Юрьевскій проф. А. баронъ Фрейтагъ фонъ Лорингхофенъ, несмотря на всю осторожность, съ которой всегда оперируютъ прибалтійскіе нѣмцы, долженъ былъ признать, что нѣмцы дѣйствительно питаютъ „нѣкоторое пренебреженіе къ Россіи и русскимъ". Настолько сужденія, высказанныя Геномъ, вытекаютъ изъ общаго настроенія прибалтійскихъ нѣмцевъ по отношенію къ русскимъ.

X глава.

Прибалтійскій край и Германія по взглядамъ прибалтійскихъ нѣмцевъ съ 60-ыхъ годовъ до конца XIX столѣтія.

По словомъ Бокка Прибалтійскій край — „сѣверо-восточная колонія“ Германіи; вмѣстѣ съ „Гельвеціей, Лотарингіей и Эльзасомъ“ онъ принадлежитъ къ „старымъ имперскимъ землямъ“; онъ „передовой постъ (Vorposten) нѣмечества и протестантизма“; Германія его „метрополія“. Въ томъ же духѣ выражается одинъ изъ анонимныхъ прибалтійскихъ корреспондентовъ Бокка. По словамъ Ширрена, край, какъ мы уже видѣли, предназначенъ „для нѣмецкаго народа и его потомковъ“; сверхъ того Ширренъ заявляетъ: „Мы теперь еще стоимъ такъ же, какъ въ тѣ времена, когда присоединялись къ Имперіи, а именно: лицомъ на востокъ“. Наконецъ, Бинеманъ въ своей книгѣ: „Изъ прошлаго Прибалтійскаго края“ (Aus baltischer Vorzeit), Лейпцигъ, 1870, совершенно такъ же называетъ край „нѣмецкой колоніей“, которая, несмотря на „три столѣтія иноземнаго владычества (Fremdherrschaft)“ еще существуетъ, „вѣрная государствамъ, съ которыми была соединена и вѣрная народу, отъ котораго происходитъ“. Прибалтійскій край въ его глазахъ „нѣмецкая область“ (Landschaft), „національной задачей“ которой явилось сохранить „Балтійское море для нѣмецкихъ интересовъ“ и служить „передовымъ постомъ нѣмецкаго могущества (!) и мѣстомъ распространенія (Missionsplatz) европейскаго образованія на востокѣ“. По мнѣнію Бинемана, „твердыня выдержала испытаніе, но выполнила ли она уже всю свою задачу, кто это можетъ рѣшить? —

Гарнизонъ во всякомъ случаѣ долженъ терпѣливо ждать до конца и беречь ввѣренный ему постъ".

Если колонія подвергается, хотя и мнимымъ, насиліямъ, то естественно, что она обращается за помощью къ метрополіи. Такъ поступили и прибалтійскіе нѣмцы. Въ 60-ыхъ и затѣмъ 80-ыхъ годахъ въ лицѣ нѣсколькихъ выходцевъ, а также и непосредственно черезъ анонимныя брошюры и газетныя корреспонденціи они въ Германіи вели дѣятельную агитацію въ свою пользу. Я далекъ отъ мысли утверждать, что все высказываемое въ этой литературѣ отражало бы взгляды всего прибалтійскаго нѣмечества; но во всякомъ случаѣ можно утверждать то, что изъ нея ясно видно, до чего могли довести людей рьяныхъ, а можетъ быть попросту болѣе откровенныхъ, господствующіе въ краѣ взгляды на отношенія къ Россіи, и какъ къ этому относилась Германія. В. фонъ Боккъ съ 1868—1871 г. издаетъ упомянутые уже „Лифляндскіе вклады". Своею задачею онъ ставитъ „описаніе положенія, дѣятелей и судебъ нѣмецкихъ остзейскихъ провинцій Россіи, возбужденіе въ нихъ безстрашной стойкости въ . . . борьбѣ . . . съ москалемъ, а во всемъ нѣмецкомъ народѣ толковаго и цѣлесообразнаго сочувствія". — „Слѣдуетъ распространить въ Германіи убѣжденіе въ томъ, . . . что въ балтійскихъ провинціяхъ дѣло идетъ не объ узкихъ интересахъ меньшинства, достойнаго сожалѣнія, но ни о чемъ меньшемъ, какъ о чести и поэтому также о безопасности всѣхъ протестантовъ, а главнымъ образомъ нѣмецкихъ, или всѣхъ нѣмцевъ, а главнымъ образомъ нѣмцевъ-протестантовъ". Боккъ серьезно упрекаетъ писателей „метрополіи" въ томъ, что они „ограничиваются простыми тяжкими вздохами по поводу отчужденія старыхъ имперскихъ земель, какъ Гельвеція, Лотарингія, Эльзасъ, Остзейскій край и т. п. . ." Боккъ не единственный въ этомъ отношеніи агитаторъ; къ нимъ принадлежитъ также Юліусъ Эккардтъ, а во „Вкладахъ" Бокка принимаютъ участіе еще и другія лица; но Боккъ самый типичный изъ нихъ, настоящій „enfant terrible", какъ его прозвали.

Важно еще отмѣтить также и тотъ отзвукъ, который названная агитація вызвала въ Германіи. Правда,

прибалтійскіе нѣмцы часто жалуются, что въ Германіи ихъ судьбѣ удѣляютъ слишкомъ мало вниманія и интереса; и дѣйствительно, германское правительство во времена Бисмарка не хотѣло вызвать конфликта съ Россіей изъ-за Прибалтійскаго края, а широкая нѣмецкая публика мало что знала о немъ, но за то тѣ голоса, которые высказываются въ его защиту, не оставляютъ желать ничего лучшаго, и чѣмъ болѣе приближается конецъ XIX вѣка и крѣпнутъ пангерманистическія настроенія, тѣмъ болѣе сочувствія прибалтійскіе нѣмцы вызываютъ за границею, и тѣмъ внимательнѣе Германская Имперія всматривается въ свои якобы отторженныя старыя земли. Въ 1870 г. нѣкій Верренъ въ Гамбургѣ напечаталъ „Балтійскія письма“ (Baltische Briefe), которыя Боккъ называетъ „замѣчательной книгой“. Прежде всего Верренъ прибалтійскихъ нѣмцевъ по предписанію Бокка объявляетъ настоящими нѣмцами. Онъ пишетъ: всѣ, которые „говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ, принадлежатъ другъ къ другу, и поэтому балты принадлежатъ къ нѣмцамъ, и никакъ не къ русскимъ“. — „Нѣмецкая кровь течетъ въ ихъ жилахъ . . . Ихъ отечество не Россія, и не только Курляндія, Лифляндія и Эстляндія — нѣтъ, оно должно быть обширнѣе. Ихъ отечествомъ должна быть вся Германія.“ Назначеніемъ края было служить „германской пограничной стражей евангелической вѣры противъ азіатскаго варварства и византійской поповщины“; онъ — „оплотъ противъ грубаго варварства и ненасытнаго властолюбія, крайній передовой постъ нѣмецкаго духа, нѣмецкаго языка, нѣмецкой вѣры, и нѣмецкой культуры“.

Разъ это такъ, какъ же тогда нѣмецкому народу относиться къ притѣсненіямъ своей „колоніи“ со стороны „азіатскаго варварства“? А. Бухгольцъ, анонимный авторъ книги „Нѣмецко-протестантская борьба въ балтійскихъ провинціяхъ Россіи“, отмѣчаетъ, что уже „въ бурные дни марта 1848 г. вспомнили въ Германіи о старой . . . колоніи на Остзейскомъ побережьѣ, и въ нѣкоторыхъ кругахъ раздавались голоса, приглашавшіе нѣмецкій народъ вступить въ бой съ „драконовою кровью русской тиранніи“ и заставить русскихъ выдать „похищенное добро“. Въ 60-ыхъ годахъ Франтцъ

и Каттнеръ требуютъ завоеванія балтійской окраины; Франтцъ въ брошюрѣ „Возстановленіе Германіи“ (Die Wiederherstellung Deutschlands), а Каттнеръ въ журнальныхъ статьяхъ и въ посвященной арміи Сѣверо-германскаго Союза книгѣ „Призваніе Пруссіи на востокѣ“ (Preussens Beruf im Osten). Авторъ брошюры „Балтійскія провинціи на Рубиконѣ“ (Die baltischen Provinzen am Rubikon), Берлинъ, 1869, не отрицая, что „государство не можетъ существовать, если всѣхъ его гражданъ не проникнетъ однородное чувство единства“, тѣмъ не менѣе обращается къ прибалтійскимъ нѣмцамъ съ торжественныхъ заявленіемъ: „Ваша великая нація послала васъ однажды въ качествѣ передового поста къ этимъ берегамъ и потребуетъ отъ васъ отчета . . . Думаете ли вы, что ваши братья на Рейнѣ, на Эльбѣ и Одерѣ о васъ забыли и беззащитно васъ отдадутъ вашему врагу?“ По отношенію къ русскому правительству онъ рекомендуетъ прибалтійскимъ нѣмцамъ „пассивное сопротивленіе“. Гораздо далѣе заходитъ знакомый намъ уже Верренъ. По его мнѣнію „балты освобождены отъ обязанностей подданнаго“ передъ Императоромъ, разъ онъ передъ ними не сдерживаетъ своего слова; они тогда имѣютъ „право сопротивленія“ и могутъ призвать „чужую помощь противъ своихъ поработителей“. А что касается Германіи, то нѣмецкій народъ „пойметъ, что не только его соплеменникамъ въ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи грозитъ опасность, но и ему самому, если исчезнетъ пограничная полоса, которая его до сихъ поръ отдѣляла отъ Россіи. . . Отъ Альпъ до морей сѣвера, отъ Рейна до Чудского озера раздается нѣмецкая рѣчь. . . Можетъ ли быть она подавлена, на Рейнѣ или на Остзейскомъ побережьѣ, безъ того, чтобы она громко и грозно не встала? . . . Собираются лишить родственный намъ народъ родного языка; собираются опозорить честь нѣмецкой націи. Потерпитъ ли это народъ нѣмцевъ?... Не заставитъ ли нѣмецкій народъ . . . кабинеты своихъ государей спасти свою честь тѣмъ, что взять подъ свою защиту братьевъ въ нѣмецко-русскихъ провинціяхъ. . .? . . . Въ Шлезвигъ-Гольштиніи главнымъ образомъ принудительное введеніе датскаго языка повело

къ отпаденію этихъ областей отъ Даніи; въ Остзейскомъ краѣ та же самая мѣра рано или поздно, а можетъ быть и очень скоро, будетъ имѣть послѣдствіемъ отдѣленіе его отъ Россіи. . ."

Кажется, самъ Боккъ испугался духовъ, которыхъ вызвалъ. По крайней мѣрѣ онъ въ 1870 г. высказывается противъ завоевательныхъ плановъ Каттнера и т. п. и считаетъ ихъ даже противными интересамъ самой Германіи. Но тѣмъ не менѣе для него „изъ этого не слѣдуетъ, чтобы сохраненіе навсегда внѣшне-политическаго status quo (даннаго положенія) въ Прибалтійскомъ краѣ должно было бы служить теперь и въ будущемъ незыблемой основой блага Пруссіи или Германіи".

Высказанныя въ вышеприведенныхъ произведеніяхъ заграничныхъ нѣмецкихъ публицистовъ мысли я отнюдь не разсматриваю какъ пожеланія прибалтійскаго нѣмечества; я хочу указать только на то, какія нежелательныя для Росссіи послѣдствія вызвало то отношеніе къ ней, которое господствовало въ Прибалтійскомъ краѣ.

Въ 80-ыхъ годахъ въ Германіи возобновилась агитація прибалтійскихъ нѣмцевъ противъ Россіи. Я думаю, что она на этотъ разъ оставила болѣе глубокіе слѣды. Германія въ то время находилась на несравненно высшей ступени могущества, а главнымъ образомъ самомнѣнія, чѣмъ Имперія непосредственно послѣ войны съ Франціей, или чѣмъ Сѣверо-германскій Союзъ до этой войны. Къ тому же она тогда въ помощи Россіи уже не нуждалась. Напротивъ, Россія и славянство ей начинали казаться преградой къ ея дальнѣйшимъ политическимъ замысламъ. Поэтому въ царствованіе Александра III отношенія между Германіей и Россіей очень ухудшились. Было бы весьма интересно прослѣдить, насколько этому способствовали именно событія въ Прибалтійскомъ краѣ.

Изъ литературы, появившейся въ эту эпоху за границей и посвященной прибалтійскому вопросу, я отмѣчу только нѣсколько особеннаго характерныхъ и яркихъ мѣстъ. Авторъ брошюры „Притѣсненіе нѣмцевъ и лишеніе правъ протестантской церкви въ Остзейскихъ

губерніяхъ“ (Die Bedrückung der Deutschen und Entrechtung der protestantischen Kirche in den Ostseeprovinzen), 1886, говоритъ: „. . . едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что могущественная и дружественная сосѣдняя держава недолго будетъ видѣть знакъ . . . дружбы въ томъ, что нѣмцы должны претерпѣвать преслѣдованія и притѣсненія только изъ-за національности, а протестанты изъ-за вѣры“. Въ вышедшей въ 1888 г. книгѣ „Россія на перепутьи“ (Russland am Scheidewege) мы читаемъ: „Было бы нарочнымъ самообманомъ, если бы въ западной Европѣ, вопреки краснорѣчивымъ фактамъ, все еще хотѣли держаться того мнѣнія, что въ балтійскомъ вопросѣ дѣло идетъ лишь о стремленіи русской государственной власти сплотить тѣснѣе со всей Имперіей, въ отношеніи языка, вѣроисповѣданія и управленія, присоединенныя къ ней области . . . Напротивъ: дѣло идетъ о началѣ культурной борьбы, которую открываетъ противъ запада усиливающійся византинизмъ, ожившій въ русско-славянскомъ новообразованіи. . . Кто потрудится проникнуть въ подробности московсконаціональныхъ стремленій, . . . тотъ найдетъ достаточно признаковъ, которые неоспоримо указываютъ на близость столкновенія германской и славянской культуръ. Съ этой точки зрѣнія долженъ разсматриваться и прибалтійскій вопросъ, если постараться освѣтить его правильно . . . Травля балтовъ лишь служитъ генеральной репетиціей для травли нѣмцевъ вообще, предстоящей въ будущемъ. У современныхъ Аттилъ чешутся кулаки, и они собираются съ мужествомъ къ большой войнѣ противъ запада тѣмъ, что стремятся уничтожить ту небольшую кучку нѣмцевъ, которая имъ отдана судьбой . . . Если имперскій канцлеръ рѣшится видѣть въ Россіи то, что она есть на самомъ дѣлѣ, а именно: единственнаго могущественнаго, ожесточеннаго и вѣчно непримиримаго врага Германской Имперіи и ея культуры, то въ такомъ случаѣ, можетъ быть, придетъ время, когда къ задачамъ нѣмецкой политики уже не будетъ принадлежать обязанность не обращать вниманія на балтійскій вопросъ“. Въ небольшой брошюрѣ, появившейся въ 1899 г., авторъ, германскій подданный, изливаетъ въ

весьма печальныхъ тонахъ жалобу на то, что „нѣмецкій народъ забылъ свою сѣверо-восточную пограничную область (Nordostmark) . . . Объединенный въ Имперіи, онъ болѣе не думаетъ о своей нѣмецкой Лифляндіи и о родственномъ племени, которое тамъ трудится, полное тревоги и покинутое могущественною помощью“.

Не трудно себѣ представить, какъ на основаніи вышеизложенныхъ взглядовъ части прибалтійскаго нѣмечества и ихъ откликовъ за границей должны были сложиться отношенія между краемъ и Имперіей. Распространенію на край реформъ, проведенныхъ въ Имперіи, прибалтійское нѣмечество оказывало систематическое противодѣйствіе, хотя въ сравненіи съ тѣми принципами, на которыхъ переустраивалась Имперія, самоуправленіе края являлось отсталымъ и не удовлетворяющимъ насущныхъ нуждъ большинства населенія, что и тогда уже, какъ мы видѣли, признавалось многими изъ самихъ нѣмцевъ. Вслѣдствіе такого отношенія русское правительство оказалось вынужденнымъ къ одностороннему проведенію намѣченныхъ мѣропріятій, что также предвидѣлось многими нѣмцами. Но на этомъ дѣло не остановилось. Подъ вліяніемъ польскаго возстанія 1863 г., а также агитаціи прибалтійскихъ нѣмцевъ за границей, русское общественное мнѣніе стало опасаться за судьбу своего „Балтійскаго поморья“, въ особенности, если въ немъ будутъ занимать господствующее положеніе люди, столь отрицательно относящіеся къ общегосударственнымъ интересамъ и нуждамъ, и неудивительно поэтому, что крайніе представители этого настроенія начинали все настойчивѣе требовать обрусенія, „руссификаціи“ края, т. е. подавленія мѣстныхъ языковъ и евангелическо-лютеранской вѣры и постепеннаго превращенія нерусскихъ уроженцевъ края въ русскихъ по языку и православныхъ по вѣрѣ. Опредѣленно дѣйствовать въ смыслѣ этихъ пожеланій правительство стало лишь въ 80-ыхъ годахъ. Сейчасъ едва ли найдется много такихъ политическихъ дѣятелей, которые стали бы защищать нѣкоторыя мѣропріятія того времени, направленныя къ ограниченію употребленія мѣстныхъ языковъ и свободы вѣроисповѣданія; даже само правительство десять лѣтъ тому

назадъ, въ 1905 г., признало ихъ нецѣлесообразными. Но никоимъ образомъ нельзя отрицать и того, что сами нѣмцы своимъ упорствомъ противъ всѣхъ предположеній правительства подготовили почву самой широкой „руссификаціи". Все это отдѣльными лицами хорошо понималось уже въ 60-ыхъ и 70-ыхъ годахъ. Я укажу на приведенные выше на стр. 94 голоса нѣкоторыхъ изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, высказывавшихся въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ дальнѣйшаго упорства непремѣнно наступитъ „безпощадная ассимиляція" съ цѣлью созданія чисто внѣшняго „единообразія" съ Имперіей, а не внутренняго „единства". Русскій авторъ уже приведенной брошюры „Политическое призваніе Остзейскаго края," вышедшей въ 1870 г., пишетъ: „Мы вовсе не утверждаемъ, чтобы желанія крайней русской партіи, въ дѣлѣ обрусенія Остзейскаго края, были вполнѣ безупречны. Но съ другой стороны, вполнѣ ли неповинны и сами Остзейцы? Если бы они во всѣхъ отношеніяхъ отдавали Кесарю Кесарево, и приносили бы Россіи въ дань не только свою пресловутую вѣрность, но и искреннюю преданность, на которую Россія имѣетъ полное право, то не устранился ли бы самъ собою всякій поводъ навязывать русскому народу мысль о необходимости, вслѣдствіе фантастической опасности со стороны запада, прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ обрусенія эсто-латышей? . . . Пусть Остзейскій край рѣшится, — вполнѣ чисто-сердечно, — отдавать во всѣхъ отношеніяхъ Кесарю Кесарево, и никогда Россія ему не будетъ препятствовать отдавать Божіе Богу".

Въ 1878 г. Г. фонъ Самсонъ въ своемъ „Взглядѣ на прошлое Лифляндіи" высказывается слѣдующимъ образомъ: „Въ самой глубинѣ нашего политическаго сознанія, куда рѣдко кто спускается, всегда сознавалось, что мы съ Имперіей связаны только Царствующимъ Домомъ. Лишь въ эпоху великихъ реформъ у нѣсколькихъ выдающихся умовъ появилось, какъ нѣчто новое, сознаніе принадлежности къ Имперіи . . . Но вскорѣ эта истина была затемнена и подавлена отчасти несправедливыми нападками со стороны нѣкоторыхъ органовъ русской прессы. Въ пылу борьбы и при раз-

личныхъ тяжелыхъ переживаніяхъ, которыя съ нею находились въ несомнѣнной связи, показалось бы измѣной родинѣ подчеркивать принадлежность къ Имперіи и признаться въ томъ, что названныя нападки, какъ несправедливы и преувеличены они бы ни были, все-таки не были лишены реальныхъ основаній. Но сейчасъ пора, и крайняя пора, уяснить себѣ то, что такія реальныя основанія существовали и теперь еще существуютъ, и что до извѣстной степени мы сами вызвали тѣ нападки, которыя намъ безъ исключенія казались несправедливыми, но которыя все-таки отчасти хорошо мотивированы".

Но несмотря на все это, всякій просвѣщенный человѣкъ только можетъ сочувствовать прибалтійскимъ нѣмцамъ въ ихъ стойкой борьбѣ за родной языкъ и свободу вѣры. Однако, къ сожалѣнію, даже и эта борьба у прибалтійскихъ нѣмцевъ отдаетъ чѣмъ-то особеннымъ. Прежде всего, подъ ограниченіемъ употребленія родного языка понималось даже примѣненіе русскаго языка въ сношеніяхъ представителей правительственной власти съ мѣстными учрежденіями, не говоря, конечно, о требованіи пользованія русскимъ языкомъ въ сношеніяхъ мѣстныхъ учрежденій съ правительственными, или болѣе усиленнаго изученія его въ школѣ и т. п. Затѣмъ, является какъ то страннымъ, что люди, въ общемъ ничуть не стоявшіе за свободныя формы государственной и общественной жизни, вдругъ выступаютъ ярыми сторонниками принципа свободы совѣсти. И дѣйствительно, борьба прибалтійскихъ нѣмцевъ за свободу совѣсти въ сильной степени принимаетъ характеръ борьбы за одну изъ пресловутыхъ привилегій края. Невольно возникаетъ вопросъ, какъ поступили бы нѣмцы, если бы они не принадлежали къ неправославному меньшинству населенія Россіи. И на самомъ дѣлѣ, они часто довольствуются тѣмъ, что добились въ желательномъ для себя отношеніи исключеній для края, мало заботясь о судьбѣ другихъ подданныхъ Имперіи, находящихся въ такомъ же положеніи. Но, какъ бы то ни было, и они также являются жертвами политики „руссификаціи" и поэтому заслуживаютъ того же сочувствія, какъ и остальныя жертвы этой политики.

Съ цѣлью реформы самоуправленія края проводились слѣдующія мѣропріятія: въ 1875 г. было упразднено прибалтійское генералъ-губернаторство и въ 1877 г. устарѣлыя аристократическія городскія управленія замѣнены обще русскими по положенію 1870 г. Въ началѣ 80-ыхъ годовъ сенаторъ Манассеинъ произвелъ ревизію всего края и затѣмъ въ 1888/89 гг. послѣдовали реформы полиціи и судопроизводства: были введены общеимперскія учрежденія съ назначаемыми правительствомъ чиновниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ надзоръ надъ крестьянскими дѣлами перешелъ къ правительственнымъ учрежденіямъ, и вообще всѣ мѣста чиновниковъ стали замѣщаться русскими. Само собою понятно, что коренное населеніе края относилось весьма сочувственно ко всѣмъ этимъ мѣрамъ. При этомъ не надо забывать, что уже въ 60-ыхъ годахъ либералы, напримѣръ, Эккардтъ и Беркгольцъ, находятъ самоуправленіе края нуждающимся въ переустройствѣ, а Серафимъ даже теперь еще говоритъ тоже самое о старомъ судопроизводствѣ въ краѣ (ср. выше стр. 97). Къ сожалѣнію, правительство на пути реформъ не дошло до конца. Аграрныя отношенія остались безъ измѣненія, а равнымъ образомъ и земское самоуправленіе, т. е. ландтаги. Это объясняется тѣмъ, что правительство считало необходимымъ въ противовѣсъ демократическимъ стремленіямъ представителей коренного населенія опираться на консервативное нѣмецкое дворянство. Послѣднее не преминуло воспользоваться своими связями въ высшихъ петроградскихъ кругахъ и къ концу XIX столѣтія нѣмечество по старому занимало въ краѣ сильную позицію и пользовалось большимъ вліяніемъ на мѣстную администрацію. Другая сторона дѣятельности правительства въ эту эпоху — „руссификаторская" — состоитъ во введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство всѣхъ правительственныхъ учрежденій и отчасти также органовъ мѣстнаго самоуправленія и въ школьное преподаваніе во всѣхъ безъ исключенія заведеніяхъ; кромѣ того, оказывалось содѣйствіе распространенію православія. Всѣ эти мѣры легли тяжелѣе на нѣмцевъ, чѣмъ на коренное населеніе, потому что послѣднее и до того часто вынуждалось пользоваться

чужимъ языкомъ, а именно нѣмецкимъ. Но тѣмъ не менѣе, и оно вскорѣ почувствовало въ народной школѣ всю тяжесть чисто внѣшней „руссификаціи". Такимъ образомъ, мѣропріятія правительства въ концѣ прошлаго столѣтія не смогли разрѣшить „балтійскій вопросъ" и оставили его такимъ же запутаннымъ, какимъ онъ былъ раньше.

Если искать короткой формулы, которою можно было бы охарактеризовать отношеніе прибалтійскихъ нѣмцевъ къ Имперіи за время съ 60-ыхъ годовъ, то они сами ее нашли: а именно: мы преданы Государю, но не преданы Имперіи (kaisertreu, aber nicht reichstreu).

XI глава.

Основная цѣль политическихъ стремленій прибалтійскихъ нѣмцевъ съ 1905 г.

Оставивъ пока въ сторонѣ событія 1905 г., обратимся къ разсмотрѣнію политическихъ цѣлей прибалтійскихъ нѣмцевъ въ послѣдніе годы до войны.

28-ого мая 1914 года баронъ Фелькерзамъ, депутатъ отъ Курляндской губерніи, произнесъ въ Государственной Думѣ рѣчь, которую самъ называетъ „чѣмъ-то въ родѣ политической исповѣди балтійскаго нѣмца передъ Россіей". Рѣчь эта живо обсуждалась въ нѣмецкой печати Прибалтійскаго края, и, вмѣстѣ съ газетными статьями, появившимися по ея поводу, даетъ намъ весьма цѣнный матеріалъ по занимающему насъ вопросу. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы разсмотримъ и то, какъ на прибалтійскихъ нѣмцевъ повліяли событія 1905 и слѣдующихъ за нимъ годовъ.

По словамъ барона Фелькерзама главною задачею прибалтійскихъ нѣмцевъ является забота о сохраненіи своей національной и культурной самобытности. „Господь Богъ создалъ насъ нѣмцами, и мы нѣмцами, конечно, и останемся . . . Мы дорожимъ только достояніемъ нашей національности, достояніемъ нашей культуры . . . Отказаться отъ національности своей мы не можемъ."

Прибалтійскимъ нѣмцамъ приходится защищаться противъ двухъ „волнъ": „при прежнемъ режимѣ . . . сверху шла волна насильственной руссификаціи . . . снизу идетъ другая волна, еще болѣе враждебная намъ, это латышская волна, которая стремится и стремилась къ тому, чтобы смыть все нѣмецкое въ Прибалтійскомъ

краѣ, вытѣснить насъ со всѣхъ позицій, уничтожить вообще всякія нѣмецкія культурныя начинанія и олатышить край . . . Въ тѣ года, когда печать высказывалась вполнѣ откровенно, мы читали . . . въ латышскихъ газетахъ: . . . убирайтесь вонъ отсюда, вамъ здѣсь не мѣсто, вы пришельцы изъ Германіи, идите туда, въ вашъ фатерландъ, . . . этотъ край латышскій". (Все по словамъ барона Фелькерзама).

Какъ же прибалтійскимъ нѣмцамъ защищаться противъ обѣихъ этихъ „волнъ"? Разсмотримъ сперва, къ какимъ средствамъ они въ настоящее время прибѣгаютъ въ борьбѣ съ „латышской волной", т. е. съ національно-культурными и политическими стремленіями латышей и эстовъ. Оказывается, что для успѣшнаго веденія этой борьбы нѣмцы по старому считаютъ необходимымъ сохранить за собой то господствующее положеніе въ общественной жизни края, которымъ раньше пользовались и которое съ извѣстными ограниченіями еще занимали они вплоть до событій послѣдняго времени. Это преобладаніе носитъ прежде всего политическій характеръ и выражается въ абсолютномъ большинствѣ голосовъ въ органахъ городского самоуправленія и въ полномъ господствѣ дворянства въ земскомъ самоуправленіи.

Какъ мы видѣли, въ 1877 г. въ городахъ Прибалтійскаго края было введено общеимперское городское положеніе, по которому правомъ голоса при выборахъ въ городскія думы пользуются только домовладѣльцы съ опредѣленнымъ цензомъ. Такъ какъ сила нѣмцевъ-горожанъ, какъ было указано въ первой главѣ, покоится только на зажиточныхъ кругахъ городского населенія, то допущеніе болѣе широкихъ массъ его къ выборамъ явилось бы большою опасностью для преобладанія нѣмцевъ. Пока этой опасности еще не грозитъ . . . Поэтому главная забота нѣмцевъ-горожанъ состоитъ въ томъ, чтобы съ одной стороны не допускать перехода домовъ изъ нѣмецкихъ рукъ въ руки латышей и эстовъ, а съ другой — выставлять при выборахъ какъ можно больше нѣмецкихъ голосовъ. Для послѣдней цѣли прибѣгаютъ къ слѣдующимъ пріемамъ. Извѣстно, что владѣніе нѣсколькими домами

даетъ владѣльцу тоже только одинъ голосъ, и поэтому, если у нѣмца въ городѣ болѣе одного дома, то онъ фиктивно передаетъ лишніе другимъ лицамъ, которыя этимъ пріобрѣтаютъ право голоса при выборахъ. А если стоимость недвижимаго имущества значительно превышаетъ требуемый цензъ, то смотря по числу заключающихся въ немъ цензовъ, владѣлецъ его подыскиваетъ себѣ совладѣльцевъ, которые по прибалтійскимъ гражданскимъ узаконеніямъ пользуются тѣми же правами, какъ единоличный владѣлецъ. Такими способами искусственно увеличивается число нѣмецкихъ выборщиковъ. Когда же и это не помогаетъ, нѣмцы вступаютъ въ соглашенія съ другими группами выборщиковъ, особенно съ зажиточными русскими, а иногда даже и съ латышами и эстами, но только съ условіемъ, чтобы они, нѣмцы, во всякомъ случаѣ, не очутились въ городскихъ управленіяхъ въ меньшинствѣ. Если же это не достижимо, то, какимъ бы то ни было, соглашеніямъ предпочитается борьба на жизнь и смерть. Управленія въ большихъ городахъ края, кромѣ Ревеля, еще находятся въ рукахъ нѣмцевъ, между тѣмъ какъ въ маленькихъ почти всѣ уже перешли въ руки латышей и эстовъ.

Дворянскихъ обществъ въ Прибалтійскомъ краѣ четыре, такъ какъ островъ Эзель имѣетъ свой особый ландтагъ. Устройство ихъ различно, но существенно отъ остальныхъ отличается только курляндское. Въ собраніяхъ дворянства теперь принимаютъ участіе уже всѣ владѣльцы дворянскихъ вотчинъ, а отчасти также и всѣ матрикулованные мѣстные дворяне. Право рѣшающаго голоса во всѣхъ вопросахъ, подлежащихъ вѣдѣнію ландтага, имѣютъ только матрикулованные владѣльцы дворянскихъ вотчинъ; помѣщики, которые не принадлежатъ къ дворянскому сословію или, принадлежа къ нему, не внесены въ матрикулу, пользуются лишь ограниченнымъ правомъ голоса; эти ограниченія различны въ различныхъ губерніяхъ. Но названная группа помѣщиковъ настолько незначительна, что она не оказываетъ никакого вліянія на дѣла ландтага.

Кромѣ названныхъ четырехъ дворянскихъ обществъ, которыя соотвѣтствуютъ русскимъ губернскимъ земствамъ, внѣ всякой связи съ ними существуютъ еще извѣстныя намъ уже независимыя крестьянскія волостныя общества (съ 1866 г.). Общество или волость обнимаетъ опредѣленную небольшую территорію и въ немъ числятся всѣ приписанныя къ нему лица крестьянскаго сословія; помѣщичьи земли въ волостную территорію не входятъ. Общій волостной сходъ собирается разъ въ годъ и выбираетъ сходъ выборныхъ, волостного старшину съ помощниками и волостной судъ. Вѣдѣнію схода выборныхъ подлежатъ „постановленія о всѣхъ вообще предметахъ, относящихся до хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлъ цѣлаго общества"; какъ то: взиманіе съ членовъ общества податей; содержаніе волостной школы; раскладка повинностей, наложенныхъ и налагаемыхъ на общество, какъ таковое; призрѣніе бѣдныхъ и неспособныхъ къ труду членовъ волости и т. п. Кромѣ того, волостной старшина исполняетъ нѣкоторыя обязанности низшихъ полицейскихъ чиновъ.

Несмотря на то, что права ландтаговъ въ 80-ыхъ годахъ сильно были урѣзаны, обсужденію ихъ и теперь еще подлежитъ „все, что касается правъ, пользъ и учрежденій дворянства или блага всего края". Очень важно для ландтаговъ, что они могутъ „безъ особаго утвержденія правительства дѣлать сборы не только для кассы дворянства, но и для исполненія общественныхъ повинностей, на поставки и на другіе общественные предметы... по правиламъ, отъ самаго дворянства постановляемымъ". Дворянство, такимъ образомъ, взимаетъ земскіе сборы на имъ же опредѣляемыя мѣстныя нужды не только съ помѣщичьихъ земель, но также и съ крестьянскихъ и, хотя латышскіе и эстскіе крестьяне платятъ большую часть этихъ сборовъ, но тѣмъ не менѣе распредѣленіе и расходованіе ихъ зависитъ исключительно отъ нѣмецкаго дворянства. Дворянство еще оказываетъ очень большое вліяніе на весь укладъ мѣстной жизни, въ особенности на аграрныя отношенія, такъ какъ оно все еще вправѣ „о своихъ нуждахъ и пользахъ предоставлять... министру внутрен-

нихъ дѣлъ, а въ случаяхъ важныхъ и приносить прошенія Его Императорскому Величеству“. Въ Лифляндіи кромѣ ландтага имѣется еще и болѣе мелкая земская единица, а именно, приходскіе конвенты, о которыхъ шла рѣчь выше (ср. стр. 78).

Чтобы сохранить за собой господствующее положеніе въ учрежденіяхъ мѣстнаго земскаго самоуправленія, нѣмцы, дрожа и трепеща, должны слѣдить за тѣмъ, чтобы самоуправленіе Прибалтійскаго края не было измѣнено въ ущербъ имъ. Эта опасность очень велика, такъ какъ общеимперское земство существенно отличается отъ прибалтійскихъ ландтаговъ, и какъ мы уже видѣли, съ самаго введенія земства въ 1864 г. неоднократно заходила рѣчь о распространеніи его съ тѣми или другими видоизмѣненіями и на Прибалтійскій край. Кромѣ того, со стороны дворянства принимаются систематическія мѣры противъ перехода имѣній въ другія, ненѣмецкія руки.

Господствующее положеніе нѣмцевъ въ краѣ зиждется, главнымъ образомъ, на роли дворянства въ земскомъ самоуправленіи, и поэтому понятно, что всѣ прибалтійскіе нѣмцы являются сторонниками сохраненія за представителями крупнаго землевладѣнія старинныхъ привилегій, хотя многимъ изъ нихъ и кажется, что эти привилегіи уже не соотвѣтствуютъ измѣнившемуся политическому и экономическому состоянію края. Мы видѣли въ VII главѣ, что уже въ 50-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія возникло убѣжденіе, что привилегіи дворянства въ самоуправленіи края для нѣмцевъ необходимы для того, чтобы отстоять свои національность и культуру. Мы далѣе видѣли, какъ съ теченіемъ времени, это убѣжденіе распространялось все больше и больше, и сейчасъ его можно считать господствующимъ. Даже газета „Ригаше Рундшау“ („Rigasche Rundschau“— Рижское Обозрѣніе), которая принадлежитъ къ тремъ болѣе либеральнымъ нѣмецкимъ газетамъ края, говоритъ: „... латышская пресса мѣшаетъ намъ вести политику внѣ національныхъ рамокъ и заставляетъ насъ соображаться съ нѣмецкими кругами, которые... настроены менѣе прогрессивно, чѣмъ мы“. И это несмотря на то, что и „Ригаше Рундшау“ должна сознаться:

„Мы отнюдь не отрицаемъ, что считаемъ вреднымъ такое самоуправленіе, которое одну часть населенія совершенно исключаетъ отъ участія въ немъ“. (Передовая статья отъ 28 мая 1914 г.)

Но что же заставляетъ нѣмцевъ настаивать на удержаніи своего преобладанія въ земскомъ и въ городскомъ самоуправленіяхъ? Баронъ Фелькерзамъ уже отвѣтилъ на такой вопросъ: это опасеніе, что въ противномъ случаѣ они совершенно будутъ уничтожены латышами и эстами (ср. стр. 113). Такого же мнѣнія, впрочемъ, и „Ригаше Рундшау“; она говоритъ: „... большинство населенія, латыши и эсты, несмотря на всѣ претензіи, вообще еще не преслѣдуютъ политическихъ цѣлей; они просто націоналисты, которые стремятся къ господству въ краѣ“. (Передовая статья отъ 17 мая 1914 г.). А „господство (Alleinherrschaft) латышей... мы считали бы несчастьемъ“. (Передовая статья отъ 28 мая 1914 г.).

Тутъ поневолѣ возникаетъ недоумѣвающій вопросъ: къ какимъ же мѣрамъ нѣмцы прибѣгаютъ, чтобы при помощи политическаго преобладанія отстаивать свои національные и культурные интересы? Чтобы найти справедливый отвѣтъ на этотъ вопросъ, не надо забывать, что въ Прибалтійскомъ краѣ нѣмцы принадлежатъ къ зажиточнымъ слоямъ населенія и притомъ въ нихъ составляютъ большинство. Раньше, какъ мы видѣли, среди нѣмцевъ существовали двѣ враждебно настроенныхъ другъ противъ друга соціальныхъ группы: на одной сторонѣ стояло дворянство, а на другой интеллигенція, такъ называемые литераты, и богатые горожане. Въ связи съ реформами, проводимыми въ Имперіи въ 60-хъ годахъ, между ними шла борьба, но когда реформы стали касаться и Прибалтійскаго края, то и консерваторы и либералы постепенно слились въ одну группу, поставившую себѣ цѣлью отстоять свою національную и культурную самобытность. Событія 80-ыхъ годовъ окончательно сплотили всѣхъ прибалтійскихъ нѣмцевъ въ одно цѣлое съ одними и тѣми же политическими стремленіями, причемъ руководство почти всецѣло находилось въ рукахъ дворянства.

Латыши и эсты напротивъ принадлежатъ къ низшимъ и среднимъ классамъ населенія, между тѣмъ какъ представителей высшаго среди нихъ пока очень мало. Къ тому же послѣдніе еще не потеряли связи съ народомъ, изъ котораго они вышли, съ живымъ интересомъ слѣдятъ за его прогрессомъ и поэтому понятно, что почти всѣ латышскіе и эстскіе политическіе дѣятели настроены либерально и демократически и требуютъ для коренного населенія участія въ мѣстной общественной жизни.

Если нѣмцы въ какихъ-нибудь органахъ самоуправленія имѣютъ большинство, то послѣ вышеизложеннаго ясно, что они, даже безо всякихъ побочныхъ цѣлей, должны вести дѣла мѣстнаго хозяйства въ консервативномъ духѣ, и что такая политика прежде всего въ интересахъ представителей ихъ національности. Въ самомъ дѣлѣ, всякая консервативная политика всегда будетъ стараться, чтобы экономическое и вмѣстѣ съ тѣмъ культурное развитіе низшихъ слоевъ населенія, въ данномъ случаѣ латышей и эстовъ, и ихъ проникновеніе въ высшіе, въ данномъ случаѣ къ нѣмцамъ, было бы по возможности затруднено, или совершалось бы, по крайней мѣрѣ, безъ особаго нарушенія существующихъ условій жизни. Быстрое развитіе низшихъ классовъ населенія угрожаетъ его высшимъ слоямъ, ихъ обезпеченному матеріальному положенію, которое имъ и даетъ возможность пользоваться всѣми благами культуры и по старому держать въ своихъ рукахъ бразды политической власти. Такимъ образомъ, прибалтійскіе нѣмцы, даже сознательно не пренебрегая интересами всего края, могутъ использовать свои политическія права въ своихъ же интересахъ: достаточно, чтобы они просто давали волю своимъ консервативнымъ инстинктамъ, которые въ нихъ сильны, какъ въ представителяхъ обезпеченныхъ классовъ населенія. Но уже въ 50-ыхъ годахъ (ср.стр. 71 и сл.), консерваторы среди прибалтійскихъ нѣмцевъ выступили противъ аграрной реформы Фелькерзама, не потому, чтобы они ее считали вредной для края, а просто потому, что она имъ казалась опасной для преобладанія дворянства и даже для дальнѣйшаго существованія въ краѣ всего нѣмече-

ства. А въ настоящее время нѣмцы уже во всемъ руководятся исключительно чувствомъ самосохраненія: что они считаютъ полезнымъ для нихъ самихъ, то должно быть, по ихъ мнѣнію, полезно и для всего края. Извѣстно, что своимъ преобладаніемъ въ городскихъ управленіяхъ прибалтійскіе нѣмцы сплошь и рядомъ пользуются въ націоналистическомъ духѣ. При замѣщеніи свободныхъ мѣстъ предпочтеніе оказывается своимъ людямъ; такъ, всякій, напримѣръ, знаетъ, что трудно даже нѣмцу, но не рижанину, получить въ Ригѣ мѣсто, назначеніе на которое зависитъ отъ городского управленія — для латыша это почти что невозможно; между тѣмъ для своего брата-рижанина, если бы ему до сихъ поръ въ жизни и не очень посчастливилось, уже гораздо менѣе трудно найти теплое мѣстечко, на которомъ онъ былъ бы хорошо обезпеченъ. Кромѣ того, городскія имущества, имѣнія, лѣса и т. п. часто эксплуатируются, не такъ, какъ это могло бы быть болѣе выгодно для города, а съ меньшей прибылью, чтобы только не обременить лишними расходами кого-нибудь изъ своихъ людей. Все это, конечно, дѣлается не въ такихъ размѣрахъ, чтобы могъ получиться какой-нибудь непріятный скандалъ. Для этого прибалтійскіе нѣмцы слишкомъ благовоспитаны.

Такимъ образомъ, прибалтійскіе нѣмцы по прежнему не хотятъ предоставить коренному населенію участія въ самоуправленіи края. Непосредственно послѣ волненій 1905 г, дѣло обстояло нѣсколько иначе. Тогда образовалась даже среди дворянства сильная партія, которая считала необходимымъ преобразованіе земскаго самоуправленія. Въ 1907 г. при временномъ Прибалтійскомъ генералъ-губернаторѣ собралось особое совѣщаніе изъ представителей всего населенія края и выработало „Проектъ введенія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ земскаго самоуправленія". Проектъ былъ переданъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ и находится до сихъ поръ. Но какъ только революціонное движеніе было подавлено, и жизнь вошла въ старую колею, изъ представителей прибалтійскихъ нѣмцевъ никто уже не вспомнилъ объ этомъ проектѣ, и имъ даже отмѣна права патроната въ Курляндіи, т. е.

права владѣльцевъ дворянскихъ вотчинъ назначать пасторовъ, показалось слишкомъ радикальной. Въ Лифляндіи и Эстляндіи, однако, они на это согласились. Тѣмъ не менѣе либеральная „Ригаше Рундшау“ осмѣливается утверждать, что въ непроведеніи въ жизнь реформы земскаго самоуправленія въ краѣ виноваты — представители латышей и эстовъ (ср. передовую статью въ № 137 отъ 18 іюня 1914 г.). Спрашивается, что же сдѣлали депутаты прибалтійскихъ нѣмцевъ по данному вопросу? Оказывается, ровно ничего, кромѣ сдачи въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ выработаннаго въ 1907 г. проекта. А что касается латышскихъ и эстскихъ депутатовъ, то они въ III и IV Думы внесли слѣдующіе законопроекты: „Объ отмѣнѣ привилегій дворянскихъ вотчинъ въ Прибалтійскомъ краѣ“; „О введеніи въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края, по вѣдомству Министерства Финансовъ и Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія, преподаванія на мѣстныхъ языкахъ“; — „Объ обращеніи квотныхъ и шестидольныхъ земель Лифляндской и Эстляндской губерній къ законному ихъ назначенію“; — „Объ измѣненіи и дополненіи узаконеній по дорожной повинности въ Курляндской и Лифляндской губерніяхъ“. Правительство съ своей стороны внесло проектъ „Объ упорядоченіи способовъ отбыванія повинностей въ пользу духовенства евангелическо - лютеранской церкви, о преобразованіи церковно-приходскихъ учрежденій и объ измѣненіи порядка избранія пасторовъ въ Эстляндской и Лифляндской губерніяхъ“. Ни подъ однимъ изъ перечисленныхъ выше внесенныхъ членами думы законопроектовъ не имѣется подписи ни одного депутата-нѣмца. Обвинять, какъ это дѣлаетъ „Ригаше Рундшау“, латышскихъ и эстскихъ депутатовъ въ томъ, что по ихъ винѣ дѣло преобразованія самоуправленія Прибалтійскаго края не подвинулось впередъ, по крайней мѣрѣ, нелѣпо, если принять въ соображеніе, что они принадлежатъ къ думскому меньшинству, а нѣмцы къ его большинству. Что латыши и эсты недовольны проектомъ, выработаннымъ особымъ совѣщаніемъ, немудрено, такъ какъ онъ составленъ съ тѣмъ, чтобы дворянскіе голоса имѣли перевѣсъ надъ остальными.

Несмотря на то, несомнѣнно, что проведеніе въ жизнь даже и этого проекта было бы большимъ шагомъ впередъ. Къ сожалѣнію, сами прибалтійскіе нѣмцы ничего не сдѣлали для этого, въ Думу съ своей стороны проектовъ не вносили и внесенныхъ представителями меньшинства не поддерживали, хотя они ничуть не являются черезчуръ радикальными, а предлагаютъ мѣры, которыя также и либеральные нѣмцы признавали необходимыми подъ непосредственнымъ вліяніемъ событій 1905 г.

Кромѣ того, нѣмцы послѣ 1905 г. совершенно обособились отъ латышей. До того времени они считали какъ бы своею обязанностью заботиться о латышахъ и все еще до извѣстной степени надѣялись, что въ концѣ концовъ имъ удастся привлечь на свою сторону, если не всѣхъ латышей, то хоть бы часть ихъ. Но въ 1905 г. латыши и эсты, по мнѣнію прибалтійскихъ нѣмцевъ, показали, что они ихъ уже знать не хотятъ, и поэтому нѣмцы и стали объединяться въ національныя группы, а латышей и эстовъ рѣшили предоставить своей судьбѣ: пусть они дѣлаютъ, что имъ угодно, разъ они несогласны подчиняться руководству нѣмцевъ. Авторъ брошюры „На перепутьи“ (Am Scheidewege, 1906), напримѣръ, говоритъ: „Латышско-эстской революціей мы разъ навсегда освобождены отъ нашихъ историческихъ обязанностей по отношенію къ латышамъ и эстамъ... Ихъ народныя школы,... вѣра, церковная жизнь, сельско-хозяйственныя общества, театры; ...ихъ матеріальное благополучіе или экономическое разореніе — все это насъ уже нисколько не касается“.

И дѣйствительно, нѣмцы совершенно не знаютъ культурной и политической жизни латышей и эстовъ. Свѣдѣнія объ этомъ прибалтійскій нѣмецъ черпаетъ только изъ полемическихъ статей своихъ газетъ. Литературныхъ произведеній латышей и эстовъ онъ не читаетъ; ихъ театры, концерты, выставки и т. п. онъ не посѣщаетъ; въ обществѣ съ ними онъ не встрѣчается. А нѣмецкая пресса столь же упорно игнорируетъ латышей и эстовъ, исключая названныя выше полемическія статьи. Въ ней можно скорѣе встрѣтить статьи объ японскихъ или китайскихъ искусствѣ и литературѣ, чѣмъ о латышскихъ и эстскихъ. Въ 1908 году,

напримѣръ, въ Ригѣ вышелъ первый томъ разсчитаннаго на два тома нѣмецкаго изданія „Deutsche Bürgerkunde“. О латышахъ и эстахъ въ первомъ томѣ его не говорится; такъ же о нихъ не упоминается и въ намѣченномъ планѣ второго. Въ результатѣ получается удивительное незнаніе всей жизни и всѣхъ стремленій латышей и эстовъ. Мнѣ, напримѣръ, пришлось слышать, что всѣ эсты будто бы соціалисты, и авторъ названной брошюры „На перепутьи“ вполнѣ серьезно утверждаетъ: „Мы знаемъ это точно и передъ революціей всегда высказывали, что все младолатышское и младоэстское движенія въ послѣднія 30 лѣтъ прежде всего было направлено на революцію противъ собственности нѣмцевъ“.

XII глава.

Прибалтійскіе нѣмцы и русская государственность съ 1905 г.

Манифестъ 17 октября 1905 г. снялъ также и съ прибалтійскикъ нѣмцевъ тѣ оковы, въ которыхъ они жили, начиная съ 80-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія. И что же оказалось? Изъ пепла выпорхнулъ старый намъ уже хорошо знакомый фениксъ временъ Ширрена и Бокка, хотя и въ довольно общипанномъ видѣ.

17-ое октября просто „подданныхъ“ сдѣлало „гражданами“, пользующимися гражданскими свободами и имѣющими право принимать участіе въ законодательной дѣятельности. Безъ согласія обѣихъ палатъ, Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, впредь не могъ быть издаваемъ ни одинъ законъ. Какъ во всей Имперіи, такъ въ частности и въ Прибалтійскомъ краѣ среди нѣмцевъ образовались политическія партіи, высказывались относительно политическихъ вопросовъ момента и готовились къ предстоящимъ выборамъ. Гражданамъ Россійской Имперіи нерусскаго происхожденія была дана возможность сохранять свою національную и культурную самобытность. Поэтому и прибалтійскіе нѣмцы съ радостью привѣтствовали манифестъ. Какъ мы уже видѣли выше, они были даже готовы дать коренному населенію края участіе въ мѣстномъ самоуправленіи, но эти благія намѣренія, къ сожалѣнію, вскорѣ испарились.

Важнѣе то, что прибалтійскимъ нѣмцамъ теперь пришлось оріентироваться въ политической жизни всей Имперіи, которая имъ до тѣхъ поръ была совершенно незнакома; отнынѣ ихъ положеніе въ краѣ уже не зависѣло исключительно отъ настроеній правительства,

но также и отъ народнаго представительства и его партійнаго состава. Прибалтійскіе нѣмцы присоединились къ такъ называемымъ октябристамъ, которые съ третьей Думы (осенью 1907 г.) играли руководящую роль. Эта партія на первый взглядъ, казалось, заслуживала полнаго довѣрія: съ одной стороны она стояла за принципы манифеста 17 октября, значитъ, была и противъ притѣсненій нерусскихъ народностей, входящихъ въ составъ Имперіи, а съ другой, она требовала энергичнаго подавленія революціоннаго движенія. Но постепенно эта картина измѣнилась. Въ связи съ успокоеніемъ страны появилось сильное націоналистическое теченіе, направленное противъ „инородцевъ", и охватило большую часть, если не русскаго народа, то всетаки думскихъ депутатовъ, а главнымъ образомъ октябристовъ, когда-то ратовавшихъ за манифестъ 17 октября. Вмѣстѣ съ тѣмъ общій политическій курсъ сталъ все реакціоннѣе, и о проведеніи въ жизнь началъ октябрскаго манифеста никто уже не думалъ.

Какъ относились ко всему этому прибалтійскіе нѣмцы?

Собственно говоря, дѣло было довольно просто: какъ представители одной изъ многихъ принадлежащихъ къ Россіи нерусскихъ народностей, они должны были поддерживать тѣ партіи, которыя отстаивали свободное національно-культурное развитіе этихъ народностей. Но это оказалось невозмомнымъ по той причинѣ, что всѣ такія партіи настроены либерально и поэтому никогда не могутъ согласиться съ такимъ господствомъ одной группы населенія надъ другими, какимъ пользуются нѣмцы въ Прибалтійскомъ краѣ. А такъ какъ, съ другой стороны, нѣмцы необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго своего существованія въ краѣ считаютъ сохраненіе за собой стараго политическаго преобладанія въ мѣстной жизни, то понятно, что съ ихъ точки зрѣнія присоединеніе къ одной изъ либеральныхъ партій было бы равносильно самоубійству. Ближе всего по своимъ политическимъ взглядамъ нѣмцы стоятъ къ правымъ, но тѣ опять-таки слишкомъ безцеремонно высказываются противъ „инородцевъ". Оставалось примкнуть къ тѣмъ же октябристамъ, хотя оказа-

лось, что и на нихъ совершенно нельзя было полагаться, такъ какъ они мало по малу превратились въ партію „потеряннаго документа“ и „послѣдняго правительственнаго распоряженія“. Въ вакаціонное время они „перековывали плуги въ мечи“, но въ думскія сессіи охотно поддавались всякому давленію въ націоналистическомъ и реакціонномъ духѣ, пока, наконецъ, не распались на три самостоятельныхъ группы.

Ко всему этому не надо забывать, что нѣмцы настолько „лойяльны“, что всякая оппозиція видамъ правительства въ ихъ глазахъ является чуть ли не актомъ революціоннымъ.

Изъ всего сказаннаго понятно, въ какомъ затруднительномъ положеніи находится прибалтійское нѣмечество, разъ оно должно занять опредѣленную позицію въ политической жизни Имперіи. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи можно различить среди нихъ два направленія: одно — націоналистически - реакціонное, второе — умѣренно-консервативное. Кромѣ того имѣются также и настоящіе либеральные элементы, которые нѣкогда группировались около газеты „Rigasche Neueste Nachrichten“ (Рижскія Новѣйшія Извѣстія), но число ихъ столь незначительно, что упомянутая газета изъ-за недостатка читателей должна была прекратить свое существованіе.

Представителемъ перваго, націоналистически-консервативнаго направленія, можетъ служить баронъ Фелькерзамъ.

Въ своей думской рѣчи онъ прежде всего считаетъ необходимымъ указать на то, что прибалтійскіе нѣмцы „убѣжденные монархисты“ и твердо стоятъ за „нераздѣльность и единство Россіи“. Этимъ онъ не только отмежевывается отъ сторонниковъ освободительнаго движенія начала нашего столѣтія, въ особенности среди латышей и эстовъ, но и защищается противъ обвиненія въ „сепаратизмѣ“ и въ стремленіи къ „политической автономіи“. Но такъ какъ монархія можетъ быть и конституціонной и парламентарной, и политическая автономія также не противорѣчитъ монархизму, то въ словахъ Фелькерзама кроется еще другой смыслъ. Очевидно, Фелькерзамъ слово „монархистъ“ понимаетъ

въ самомъ узкомъ смыслѣ приверженца неограниченной монархіи. Этому соовѣтствуетъ то, что для него первая волна, волна насильственной руссификаціи, менѣе опасна, чѣмъ вторая, или латышская.

Барону Фелькерзаму для прибалтійскаго нѣмечества представляется правильной, очевидно, слѣдующая политика: присоединеніе къ какъ можно болѣе правымъ партіямъ, потому что иначе можетъ появиться опасность потери привилегій; для обезпеченія со стороны націоналистическихъ поползновеній правыхъ постоянное указаніе на лойяльность въ противоположность къ политической неблагонадежности латышей и эстовъ; стремленіе выхлопотать для себя, но только для себя, привилегіи и преимущества. Для достиженія своихъ цѣлей это направленіе среди прибалтійскаго нѣмечества прибѣгаетъ къ старому испытанному средству — къ связямъ съ вліятельными петроградскими кругами: какъ только грозитъ какая-нибудь опасность, сейчасъ же отправляется въ Петроградъ депутація изъ представителей дворянства.

Интересы всей Имперіи для этой группы довольно безразличны: представители ея ограничиваются заявленіемъ, что прибалтійскіе нѣмцы „убѣжденные монархисты", — „въ качествѣ вѣрныхъ подданныхъ" заступаются „за идею русской государственности" и оказываютъ „правительственной власти" — „не только моральную, но и дѣятельную поддержку". На самомъ дѣлѣ, ихъ единственная забота состоитъ въ сохраненіи за нѣмцами стараго преобладанія въ краѣ, и не потому, чтобы они были убѣждены, что это необходимо для Россіи, а попросту потому, что это выгоднѣе и пріятнѣе для нихъ самихъ. Только о томъ они хлопочутъ, чтобы въ политической жизни Имперіи не создалась такая комбинація, при которой они могли бы лишиться своихъ привилегій, о томъ же, соотвѣтствуетъ ли это потребностямъ всѣхъ частей Имперіи, они мало заботятся. Намъ уже извѣстенъ принципъ прибалтійскаго нѣмечества: мы преданы Государю, но не преданы Имперіи (kaisertreu, nicht reichstreu). Что въ два послѣднихъ десятилѣтія прошлаго вѣка нѣмцы не могли проникнуться чувствомъ единства со всей Имперіи,

психологически понятно, но можно только удивляться, что и послѣ 1905 г. въ кругахъ, руководящихъ политической жизнью ихъ, въ общемъ все осталось по прежнему. Правильность нашего утвержденія доказывается нижеслѣдующимъ.

Въ 1913 г. въ газетѣ „Ригаше Рундшау“ появилось нѣсколько статей (24 и 25 апрѣля и 29 іюня) по поводу отношенія прибалтійскихъ нѣмцевъ къ политической жизни Имперія. Къ сожалѣнію, я сейчасъ не имѣю возможности достать ихъ и поэтому долженъ довольствоваться выдержками изъ нихъ, которыя нашелъ въ газетѣ „Nordlivländische Zeitung“ (Сѣверо-лифляндская Газета). Въ этихъ статьяхъ говорится, что консерваторы среди нѣмцевъ „не имѣютъ яснаго представленія о сущности политики, имѣющей въ виду интересы всей Имперіи (Reichspolitik) и не понимаютъ того громаднаго вреда, который заключается въ открытомъ признаніи: намъ нѣмцамъ судьбы великаго русскаго государства совершенно безразличны, и мы заботимся о нихъ лишь настолько, насколько этого требуютъ наши собственные узкіе интересы“. . . Политическая точка зрѣнія прибалтійскихъ нѣмецкихъ консерваторовъ „клонится къ тому, чтобы по возможности подавить интересъ къ вопросамъ, касающимся жизни всей Имперіи; этимъ они развиваютъ въ балтійскомъ нѣмечествѣ сепаратистическіе интересы, которыхъ въ дѣйствительности не имѣется“. Консерваторы не понимаютъ „вѣяній новаго времени“ и не могутъ „душу подданнаго пересоздать въ душу гражданина“. Пора понять, что прибалтійскіе нѣмцы „русскіе граждане нѣмецкаго происхожденія“, для которыхъ „возобновленіе существенныхъ основъ культурно-національныхъ потребностей“ возможно только „подъ солнцемъ политической свободы“, и поэтому они не должны „нарочно проспать ходъ исторіи и мечтать о политическомъ наслѣдсгвѣ былыхъ временъ. . .“ „Тяжесть политическаго наслѣдства Сигисмунда Августа“ (т. е. привилегіи нѣмцевъ) ихъ дѣлаетъ „врагами всѣхъ“. Авторъ этихъ статей, редакторъ П. Шиманъ, считаетъ себя даже въ правѣ утверждать, что „въ многочисленныхъ частныхъ разговорахъ, которые онъ имѣлъ съ предста-

вителями консерваторовъ, никогда не было оспариванія того, что его упреки дѣйствительно содержатъ правильную оцѣнку настроенія среди опредѣленной группы консерваторовъ". Статьи Шимана вызвали невѣроятное негодованіе среди остальной нѣмецкой прессы. Чтобы вѣрно понять значеніе этой бури, надо имѣть въ виду, что прибалтійскіе нѣмцы никогда не сознаются въ своихъ ошибкахъ и не допускаютъ критики порядковъ края: они боятся дать этимъ матеріалъ для нападокъ своимъ недоброжелателямъ. Это не скрывается даже и болѣе откровенными изъ самихъ нѣмцевъ; напримѣръ, извѣстный намъ уже авторъ брошюры „Балтійская проблема и т. д.", говоритъ, что въ нѣмцахъ великъ „страхъ передъ гласностью, который въ недалекомъ еще прошломъ въ случаѣ критическаго отношенія къ балтійскимъ порядкамъ увеличивался опасеніемъ, что русская пресса въ обоихъ столицахъ это используетъ въ нежелательномъ направленіи". Поэтому по силѣ негодованія, съ которымъ отвергается направленный по адресу прибалтійскаго нѣмечества упрекъ, можно смѣло судить о его правильности. Пользуясь этой мѣрой, надо сказать, что Шиманъ попалъ не въ бровь, а въ глазъ.

Но кромѣ Шимана имѣются и другіе свидѣтели. Только что упомянутый авторъ брошюры „Балтійская проблема и т. д." со всей осторожностью, присущей людямъ, еще недавно боявшимся гласности, отмѣчаетъ, что „прибалтійское дворянство слишкомъ продолжительное время было чуждо принциповъ современной государственности, такъ что вслѣдствіе этого оно должно было проявлять недостатокъ пониманія своихъ отношеній къ Россіи".

А одинъ изъ представителей „молодого нѣмецко-балтійскаго поколѣнія" въ 1906 г. за границей смѣло пишетъ: „Улучшенія нашего положенія намъ нечего ждать ни отъ теперешнихъ властителей на Невѣ, ни отъ новой . . . Россіи" (Мы Балты! — Wir Balten! — сборникъ статей).

Викторъ Генъ въ 1862 г. о русскихъ нѣмцахъ, за исключеніемъ прибалтійскихъ, высказывается слѣдующимъ образомъ: „Положеніе нѣмцевъ въ Россіи ста-

нетъ яснымъ, если имѣть въ виду подобное ему положеніе швейцарцевъ въ Италіи въ концѣ среднихъ вѣковъ . . . Они (т. е. швейцарцы) стояли на сторонѣ кровожадныхъ, подозрительныхъ правителей, которые опирались на все низкое въ человѣкѣ, на сторонѣ развратныхъ дворовъ и мрачныхъ клерикаловъ; они не сочувствовали страданіямъ народа и стремленіямъ лучшихъ изъ гражданъ. Швейцарскіе фабриканты и торговые дома успѣшно занимались своими дѣлами и не желали ничего другого, кромѣ спокойствія. Они желали защиты, и та политическая власть, которая имъ ее предоставляла, находила въ нихъ теплыхъ защитниковъ. Какъ правительство относилось къ чувствамъ народа и къ задачамъ страны, было для нихъ безразлично. . .

Такъ же и нѣмцы въ Петербургѣ совершенно лишены политическаго интереса и являются консерваторами, защитниками существующаго порядка. . . Что для нихъ политическія задачи, стремленія и ходъ развитія народа, языкъ котораго они не знаютъ, газетъ не читаютъ, который они съ полнымъ основаніемъ втихомолку презираютъ, какъ грубую, стоящую ниже ихъ, мало одаренную . . . расу? . . . Все это дѣлаетъ изъ русскихъ нѣмцевъ весьма печальную, скучную, пустую часть человѣческаго общества. Мы не говоримъ о нѣмцахъ въ Балтійскихъ провинціяхъ, которые ведутъ обособленную жизнь, составляющую нѣчто цѣльное, но о нѣмецкихъ купцахъ, ремесленникахъ, чиновникахъ и т. д. въ обѣихъ столицахъ и въ собственной Россіи“.

Для своего времени Генъ относительно прибалтійскихъ нѣмцевъ, можетъ быть, былъ правъ; но какъ только ходъ историческаго развитія сталъ сближать Прибалтійскій край со всей Имперіей, то и они по отношенію къ Имперіи должны были очутиться въ такомъ же положеніи, въ какомъ Генъ раньше нашелъ остальныхъ русскихъ нѣмцевъ.

Мои личныя наблюденія, въ концѣ концовъ, вполнѣ подтверждаютъ сказанное Шиманомъ. Мнѣ приходилось слышать, какъ въ бесѣдѣ о важныхъ для всей Имперіи законодательныхъ предположеніяхъ спраши-

вали: „Ну, хорошо, но какая же намъ отъ этого выгода?“ Великодушно также заявляли, что нѣмцы готовы отказаться отъ участія въ обсужденіи вопросовъ, касающихся какой-нибудь Астраханской губерніи, такъ какъ они въ этомъ ничего не смыслятъ, лишь бы только русскіе предоставили Прибалтійскій край нѣмцамъ, такъ какъ и русскіе будто бы не въ состояніи судить о его нуждахъ.

Подобныя мысли высказывались даже публично. Авторъ уже знакомой намъ брошюры „На перепутьи“, А. Штелльмахеръ, одинъ изъ редакторовъ реакціонной газеты „Дюна-Цейтунгъ“, въ самомъ началѣ 1906 г. разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ о тѣхъ правахъ, которыя въ Думѣ, по его мнѣнію, могли бы быть предоставлены депутатамъ отъ Прибалтійскаго края: „Было бы вполнѣ возможнымъ и притомъ справедливымъ, если бы насъ, напримѣръ, допускали только къ обсужденію обще-государственныхъ вопросовъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, и не допустили бы къ обсужденію вопросовъ, касающихся лишь интересовъ внутреннихъ губерній и т. п. . . .“ Штелльмахеръ желалъ бы, чтобы въ основные законы были включены слѣдующія постановленія: „Остзейскія губерніи принадлежатъ къ Русской Имперіи, платятъ подати, отбываютъ воинскую повинность и т. д. и т. д., но на основаніи международныхъ договоровъ онѣ занимаютъ обособленное положеніе и сами, подъ надзоромъ правительства, вѣдаютъ своими внутренними дѣлами“.

Если коротко формулировать отношеніе къ политическимъ запросамъ Имперіи той реакціонной группы среди прибалтійскаго нѣмечества, въ качествѣ представителей которой выступаютъ баронъ Фелькерзамъ и „Дюна-Цейтунгъ“, то согласно съ Шиманомъ можно сказать, что въ нее еще не проникло сознаніе того, что прибалтійскіе нѣмцы послѣ 17 октября 1905 г. являются „гражданами Русской Имперіи“ со всѣми правами, но и обязанностями таковыхъ.

Рядомъ съ этой группой стоитъ другая, которая главнымъ образомъ представлена газетой „Ригаше Рундшау“, съ особымъ наслажденіемъ именующей своихъ приверженцевъ „либеральнымъ большинствомъ“.

Прежде всего надо указать на то, что „Ригаше Рундшау“, какъ мы уже видѣли выше, отъ прибалтійскихъ нѣмцевъ требуетъ, чтобы они наконецъ поняли, что они въ первую очередь русскіе граждане, и что ихъ судьба находится въ тѣсной зависимости отъ благосостоянія всей Имперіи. „Ригаше Рундшау“ видитъ опасность, которая грозитъ не только прибалтійскому нѣмечеству, но и всей Имперіи отъ усиленія націоналистической реакціи, открыто заявляетъ, что во всякомъ случаѣ считаетъ „реакцію величайшей и сильнѣйшей опасностью, которая когда-либо угрожала нашему государству въ его цѣломъ и нашей народности, какъ его части“. — „Кокетничанье нѣмецкихъ депутатовъ съ реакціей при всякихъ обстоятельствахъ“ является „опаснымъ для всего нѣмечества“, и противъ него надо „энергично выступать“ (передовая статья отъ 17 мая 1914 г.).

Въ передовой статьѣ отъ 31 мая того же года подъ заглавіемъ „Обѣ волны“, въ ея концѣ, послѣ той части, въ которой шла рѣчь о „латышской волнѣ“, говорится: „Гораздо сильнѣе другая опасность, волна сверху, которая угрожаетъ нашей національной самобытности, и которая самую острую форму приняла въ тотъ періодъ, который описалъ баронъ Фелькерзамъ. Нельзя забывать, что эту эпоху стремятся воскресить наши реакціонеры, и поэтому на всякую поддержку такъ называемаго консерватизма надо смотрѣть, какъ на укрѣпленіе этой волны . . . Она угрожаетъ не только матеріальнымъ благамъ, она угрожаетъ лучшему и драгоцѣннѣйшему, что мы имѣемъ, а именно всему нашему духовному существованію. Поэтому мы въ противоположность барону Фелькерзаму эту опасность считаемъ самой сильной и большой и думаемъ, что ее можно предотвратить только тѣмъ, что энергично и рѣшительно повернуть фронтъ противъ нападеній справа“.

„Ригаше Рундшау“ — „по возможности старается дѣйствовать просвѣщающе въ этомъ направленіи, . . . недвусмысленно и открыто“ отстаивать свою „точку зрѣнія“, но — все-таки остерегается „излишнихъ придирокъ“ и думаетъ, что можно утверждать „что и въ нашихъ провинціяхъ это убѣжденіе (т. е. убѣжденіе въ

опасности реакцiи) изъ года въ годъ замѣтно распространяется" (передовая статья отъ 17 мая 1914 г.).

Но что, если кому-нибудь вздумается не послѣдовать добрымъ совѣтамъ „Ригаше Рундшау"? Тутъ уважаемая газета сама честно признается, что если кому-нибудь показалось бы, что прибалтiйскiе нѣмцы „во многихъ отношенiяхъ принуждены, соображаться съ правыми элементами среди нихъ", то онъ этимъ затрагиваетъ обстоятельство, „которое въ мѣстной политикѣ играетъ немаловажную роль". И въ концѣ названной передовой статьи она уже пишетъ безо всякихъ обиняковъ: „Нельзя отрицать, что въ послѣднее время учащаются признаки нѣкотораго сближенiя опредѣленныхъ нѣмецкихъ круговъ съ реакцiей". Вотъ каковы результаты „энергичной просвѣтительной дѣятельности" газеты.

Гдѣ имѣлась возможность отъ словъ перейти къ дѣлу, тамъ, по словамъ „Ригаше Рундшау", всегда оказывалось необходимымъ „принимать во вниманiе" политическiе взгляды нѣмцевъ-реакцiонеровъ и пойти на „компромисы", особенно, конечно, въ вопросахъ мѣстной жизни, касающихся отношенiй къ латышамъ и эстамъ (ср. передовую статью отъ 17 мая 1914 г.). А еще въ 1913 г. Шиманъ безстрашно грозилъ, что „либеральное большинство нѣмцевъ, которое группируется около „Ригаше Рундшау", будетъ предписывать" консерваторамъ „свои условiя, такъ какъ оно можетъ найти союзниковъ и внѣ нѣмецкаго лагеря".

Изъ всего сказаннаго понятно, что, несмотря на яко-бы „либеральное большинство" среди нѣмцевъ, политическiе представители прибалтiйскаго нѣмечества, за небольшими исключенiями, стоятъ на точкѣ зрѣнiя Фелькерзама и его друзей, между тѣмъ какъ „Ригаше Рундшау" и ея приверженцы въ моменты своего просвѣтленiя иногда обмолвятся разумнымъ словечкомъ, но какъ только нужно перейти отъ словъ къ дѣлу, сейчасъ же подчиняются требованiямъ реакцiонеровъ и послѣ того уже хранятъ разумное молчанiе. Разъ это такъ, то пусть „Ригаше Рундшау" не пеняетъ, если мы отказываемся называть ее „либеральной", и если о всѣхъ нѣмцахъ судятъ по взглядамъ Фелькерзама и

его братіи. Говоритъ же самъ Фелькерзамъ, что его слова „исповѣдь балтійскаго нѣмца“.

До 1905 г. я исключительно вращался среди нѣмцевъ и не только имѣлъ возможность ознакомиться съ ихъ настроеніями, но и самъ вполнѣ имъ сочувствовалъ. Въ печати всѣ эти взгляды, конечно, не высказывались, но въ частной жизни они всегда проявлялись, даже и непосредственно по отношенію къ самымъ русскимъ.

Такіе взгляды психологически могли быть понятны въ эпоху руссификаціи конца прошлаго столѣтія, но они, какъ это ни странно, въ общемъ сохранились въ руководящихъ нѣмецкихъ кругахъ, даже до нынѣшняго времени, хотя нѣмцы уже давно встрѣчаются и съ другими русскими, кромѣ обрусителей 80-ыхъ и 90-ыхъ годовъ, и имѣютъ полную возможность гораздо лучше чѣмъ раньше, ознакомиться съ русской жизнью. Но тѣмъ не менѣе, даже молодое поколѣніе ничего не ожидаетъ ни отъ „старой“, ни отъ „новой“ Россіи.

XIII глава.

Прибалтійскіе нѣмцы — „передовой постъ нѣмецкой культуры“.

Но если прибалтійскіе нѣмцы не хотятъ понять того, что они русскіе граждане, такъ что же они изъ себя представляютъ въ своихъ собственныхъ глазахъ?

Ища отвѣта на такой вопросъ, мы нечаянно наталкиваемся на тѣни Ширрена, Бокка, Бинемана и пр. Оказывается, что край все еще остается „передовымъ постомъ нѣмецкой культуры“, и притомъ какъ для „правыхъ“, такъ и для „лѣвыхъ“ прибалтійскаго нѣмечества. Консерваторъ Штелльмахеръ въ брошюрѣ „На перепутьи“ въ 1906 г. пишетъ слѣдующее: „На вопросъ: уйти ли или оставаться (т. е. нѣмцамъ въ Прибалтійскомъ краѣ)? — слѣдуетъ отвѣтить такъ: мы должны оставаться, пока насъ не отзоветъ съ этой культурной позиціи или высшая сила, или нѣмецкій народъ. Какъ 700 лѣтъ тому назадъ нѣмецкій народъ былъ властенъ послать къ этимъ берегамъ своихъ рыцарей и ученыхъ, купцовъ и ремесленниковъ, такъ онъ и теперь еще властенъ отозвать домой всѣхъ своихъ сыновъ, не обращая вниманія на ихъ подданство, чтобы указать имъ новыя культурныя задачи и новую родину, лишь только онъ этого захочетъ. Нѣмецкое правительство, конечно, намъ ничего не можетъ предписывать, но мы принадлежимъ нѣмецкому народу, пока на землѣ раздается нѣмецкая рѣчь“... Либеральные авторы сборника „Мы Балты“ не довольствуются сохраненіемъ только за одними нѣмцами Прибалтійскаго края ихъ культурной самобытности, нѣтъ, они хотятъ „спасти отъ уничтоженія нѣмецкую культуру балтійской родины“, т. е. всего края, и стремятся къ „ассимиляціи съ современнымъ

заграничнымъ нѣмечествомъ" (modernes Deutschtum). Въ вышедшемъ за границей небольшомъ сборникѣ статей „Нѣмецкіе Балты", въ составленіи котораго принимали участіе почти исключительно уроженцы Прибалтійскаго края, и который нашелъ въ краѣ очень широкое распространеніе, въ концѣ статьи А. Серафима о „Руссификаціи Остзейскихъ губерній" высказывается пожеланіе, чтобы въ краѣ всегда находились лица, „которыя всю свою жизнь посвятили бы великой задачѣ сохраненія и укрѣпленія въ Лифляндіи древняго передового поста нѣмецкой культуры". Въ 1908 г. „Ригаше Рундшау" въ № 122 описываетъ съѣздъ въ Констанцѣ (Швейцарія) нѣмецкаго союза „Das Deutschtum im Auslande" (Нѣмечество за границей). Въ съѣздѣ принимали участіе прибалтійскіе нѣмцы и по поводу ихъ предложенія дать названному союзу новое наименованіе, „Ригаше Рундшау" замѣчаетъ слѣдующее: „Въ данномъ случаѣ ни одно общество не имѣетъ столько правъ на историческое названіе „Національнаго союза", какъ это. Старый національный союзъ прекратилъ свою дѣятельность, когда онъ почувствовалъ, что наладилось образованіе германскаго государства съ Пруссіей во главѣ. Намъ нужны новые идеалы. Новая высокая цѣль нѣмецкихъ національныхъ стремленій лежитъ въ упроченіи великой (новой) Германіи. Не въ смыслѣ политики крови и желѣза. Здѣсь можетъ итти рѣчь лишь о національнокультурной и экономическо-политической дѣятельности, которыя должны находиться въ тѣсной связи между собой и быть направлены къ наивящему усиленію государственной мощи Германіи". Такъ какъ я эту статью привожу по статьѣ изъ „Новаго Времени", перепечатанной въ книгѣ Тупина „Прибалтійскій край и война", то я не могу поручиться за точную передачу ея и за подлинность конца послѣдней фразы. Равнымъ образомъ я, напримѣръ, не нашелъ въ предисловіи своего экземпляра брошюры „Мы Балты" (I изданіе) слѣдующей фразы, которую Ренниковъ нашелъ въ своемъ; а именно: цѣлью авторовъ брошюры является: „использовавъ требованія времени, остаться на будущее время жизнедѣятельными и охранить себя въ качествѣ оплота

(als ein Bollwerk) противъ славянскаго востока („Въ странѣ чудесъ“, стр. 273 и 274).

Но какъ бы то ни было, вполнѣ достаточно и безспорныхъ свидѣтельствъ для того, чтобы получить ясную картину отношенія прибалтійскаго нѣмечества къ заграничному. Надо только имѣть въ виду то, что тѣ одинокіе голоса, которые высказывались иначе, чѣмъ какъ только что указано выше, не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія, и не слѣдуетъ забывать того, какъ на Германію прибалтійскіе нѣмцы смотрѣли въ 60-ыхъ годахъ, и что они также и послѣ 1905 г. не смогли понять новаго положенія вещей. И что же получается? Прибалтійскіе нѣмцы все еще видятъ въ себѣ „передовой постъ нѣмецкой культуры на востокѣ.“

На это мнѣ неоднократно возражали: „Ну, хорошо. Но какая въ этомъ бѣда? Нѣмцы, значитъ, содѣйствуютъ распространенію въ Россіи западно-европейской культуры, и больше ничего.“

Но дѣло не такъ просто. Если бы прибалтійскіе нѣмцы дѣйствительно не хотѣли ничего другого, какъ оказать русскому народу посильную помощь въ созданіи на основахъ общеевропейскаго просвѣщенія самостоятельной русской культуры, то русскіе это навѣрно привѣтствовали бы съ радостью. Но развѣ такой смыслъ заключается въ словахъ, что прибалтійскіе нѣмцы „передовой постъ“ (Vorposten) и „стража на востокѣ“, какъ гласитъ заглавіе напечатаннаго на открыткахъ стихотворенія курляндскаго графа Мантейфеля? Всякій передовой и сторожевой постъ дѣйствуетъ, конечно, въ интересахъ той арміи, которая стоитъ за нимъ. Въ данномъ случаѣ это значитъ, что прибалтійскіе нѣмцы, точнѣе ихъ руководящіе круги, поставили себѣ задачей способствовать порабощенію Россіи вліянію нѣмецкой культуры, т. е. не только распространенію нѣмецкой культуры въ духовной жизни Россіи, но также и усиленію вліянія нѣмецкихъ промышленности, торговли и капитала въ области экономической и вообще открытію русской земли дѣятельности предпріимчивыхъ нѣмцевъ. Все это хорошо видно изъ приведенной выше статьи газеты „Ригаше Рундшау“, даже если и не принять въ соображеніе конца послѣд-

ней фразы. Но то же самое подтверждается и А. Гейзеромъ, издателемъ сборника „Нѣмецкіе Балты“. Въ своей заключительной статьѣ „Нѣмцы-балты и заграничные нѣмцы“ онъ заявляетъ, что та „крайняя опасность“, въ которой находится „родственное племя“, затрагиваетъ „интересы всего нѣмецкаго народа“. Въ чемъ же состоятъ тѣ интересы заграничныхъ нѣмцевъ, которые ихъ заставляютъ „отъ полноты сердца и съ готовыми руками“ помогать своимъ „нѣмецкимъ собратьямъ“ въ Прибалтійскомъ краѣ? Это — „вѣрность нѣмецкой крови (Blutstreue), національная честь и интересы нѣмецкой культуры и нѣмецкой экономической жизни“.

Постоянно повторяя, что они нѣмецкій передовой постъ, прибалтійскіе нѣмцы вполнѣ согласились съ тѣми задачами, которые на нихъ возлагаетъ Гейзеръ; интеллигенція сознательно, а плетущаяся за ней простая публика безсознательно. Нѣмецкія общества стали все больше и больше стремиться къ установленію тѣсныхъ связей съ заграничнымъ нѣмечествомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ снова сближаться съ реакціонными русскими кругами, „внутренними нѣмцами“. Въ томъ же духѣ воспитывалось юношество въ школахъ обществъ.

Можно только удивляться тому, какъ странно прибалтійскіе нѣмцы использовали данную и имъ манифестомъ 17 октября возможность сохранять свои культуру и народность, оставаясь вѣрными гражданами Россіи. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать въ „интересахъ всего русскаго народа“, въ государствѣ котораго они проживаютъ, вмѣсто того, чтобы блюсти „интересы русской культуры и русской экономической жизни“, они стали вести себя такъ, что въ ихъ „гибели“ заграничный нѣмецъ могъ усмотрѣть опасность „интересамъ всего нѣмецкаго народа, нѣмецкой культуры и нѣмецкой экономической жизни“. И что еще удивительнѣе, прибалтійскіе нѣмцы нисколько не протестовали противъ того, что имъ приписывались такія задачи; напротивъ, они охотно взяли ихъ на себя, называя себя „передовымъ и сторожевымъ постомъ нѣмецкой культуры на востокѣ“.

XIV глава.

Прибалтійскіе нѣмцы и война 1914 г.

И вотъ въ іюлѣ 1914 г. разразилась война.

Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ ея начала стали сыпаться на прибалтійскихъ нѣмцевъ не только упреки въ небрежномъ и неохотномъ исполненіи ими въ тяжелое военное время своего долга по отношенію къ Россіи, но даже обвиненія въ государственной измѣнѣ. Эту кампанію, главнымъ образомъ, затѣяли „Новое" и „Вечернее Время". Сотрудникъ „Новаго Времени" Ренниковъ впослѣдствіи свои статьи по этому вопросу издалъ въ особой книгѣ подъ заглавіемъ „Въ странѣ чудесъ". Что касается всѣхъ тѣхъ обвиненій въ разныхъ актахъ государственной измѣны, направленныхъ Ренниковымъ и др., главнымъ образомъ противъ нѣмецкихъ помѣщиковъ, то подробное обсужденіе ихъ возможно будетъ только послѣ окончанія войны.

Но все это только одна сторона дѣла. Другая, по моему, еще болѣе важная, заключается въ томъ вопросѣ, на чьей сторонѣ въ нынѣшнюю войну находятся симпатіи прибалтійскихъ нѣмцевъ? Чтобы дать на него правильный отвѣтъ, надо прежде всего вспомнить соціальный составъ прибалтійскаго нѣмечества. Въ нашей первой главѣ мы видѣли, что прибалтійское нѣмечество состоитъ почти исключительно изъ представителей классовъ высшаго и болѣе зажиточнаго городского. Представителей высшаго класса въ немъ 26% или цѣлая четверть, а городского — 59% или $^3/_5$. Представители высшаго класса въ свою очередь распадаются на помѣстное дворянство и на такъ называемыхъ „литератовъ", которые соотвѣтствуютъ русской „интеллигенціи".

До начала прошлаго года я еще имѣлъ возможность встрѣчаться съ прибалтійскими нѣмцами, особенно съ литератами, и хотя я отъ нихъ нисколько не скрывалъ своихъ взглядовъ и плановъ, но даже противъ своей воли все-таки наслышался много такого, чего другимъ слышать, вѣроятно, не приходилось. Изъ этихъ наблюденій, вѣрность которыхъ мнѣ подтвердили проживающіе въ краѣ подданные дружественныхъ и нейтральныхъ державъ, я считаю себя въ правѣ сдѣлать слѣдующіе выводы. Вся группа „литератовъ" горячо желаетъ побѣды Германіи и присоединенія къ ней Прибалтійскаго края. Это объясняется тѣмъ, что „литераты" въ политическихъ вопросахъ плохо разбираются, являются ослѣпленными идеологами пангерманскихъ фантазій и только одно твердятъ: мы нѣмцы, нѣмцы и нѣмцы. Что среди дворянъ настроеніе столь же однородно, я не сказалъ бы. Я думаю, что политически болѣе зрѣлые изъ нихъ едва ли будутъ такъ же слѣпо, какъ и „литераты", предаваться расовымъ инстинктамъ. Къ тому же у нихъ на первомъ мѣстѣ стоятъ матеріальные расчеты. Но тѣмъ не менѣе, большинство и ихъ вполнѣ сочувствуетъ мечтамъ „литератовъ". Иную картину представляютъ почти всѣ остальные нѣмцы. Хотя и среди нихъ сильно распространено „нѣкоторое пренебреженіе къ Россіи и къ русскимъ", но тѣмъ не менѣе они не хотятъ присоединенія къ Германіи, потому что, какъ представители промышленности, торговли и ремеселъ, отлично понимаютъ, что тогда ихъ благосостояніе пропало бы, такъ какъ имъ не выдержать конкуренціи заграничныхъ нѣмцевъ. Исключеніе составляютъ только высшіе слои купечества, объединенные въ гильдіяхъ. Неожиданное подтвержденіе своихъ наблюденій я нашелъ въ передовой статьѣ заграничной „Königsberger Hartunger Zeitung" отъ 21 апрѣля 1915 г. Въ этой статьѣ, которую я привожу по выдержкамъ въ латышской и эстской печати, высказывается между прочимъ сожалѣніе о томъ, что не всѣ прибалтійскіе нѣмцы одинаково преданы Германіи. Сильнѣе всего распространенъ „нѣмецкій духъ" среди помѣщиковъ. Купеческій классъ, къ сожалѣнію, тяготѣетъ къ русскимъ, такъ какъ боится конкуренціи нѣмцевъ. Писатели,

врачи, адвокаты, пастора, инженеры и журналисты, ведя тихую семейную жизнь, крѣпко держатся нѣмецкаго языка и нѣмецкихъ обычаевъ, но у нихъ не достаетъ энергіи и практичности. Пока одни изъ нихъ служатъ въ русской арміи, другіе равнодушно смотрятъ на то, какъ подъ ихъ ногами исчезаетъ почва."

Въ пользу моихъ взглядовъ я, кромѣ того, приведу мнѣнія еще двухъ наблюдателей. Корреспонденту газеты „Русскія Вѣдомости" Н. Іорданскому одинъ либавецъ-русскій заявилъ слѣдующее: „У насъ здѣсь, въ нѣмецкомъ бюргерствѣ, нѣтъ никакихъ стремленій къ пангерманизму. Нѣмецкое баронство тяготѣетъ къ „Alldeutschland", но бюргерство — нѣтъ. Смѣшно сказать, что здѣсь не только не желаютъ присоединенія къ Германіи, но были бы противъ присоединенія Кенигсберга къ Россіи.... Насъ и теперь тѣснитъ конкурирующая съ нами Рига... Кенигсбергъ и Мемель, благодаря льготнымъ фрахтамъ, оттягали сельдяной экспортъ, а если эти послѣдніе порты станутъ съ нами на равное положеніе, то Либавѣ будетъ совсѣмъ худо. Нѣтъ, здѣсь на этихъ сосѣдей смотрятъ косо..."

Тому же Іорданскому одинъ изъ рижскихъ мѣстныхъ дѣятелей-нѣмцевъ говорилъ почти совершенно то же самое: „Въ нѣдрахъ нѣмецкаго дворянства, можетъ быть, найдутся и сепаратистскія тенденціи. Совсѣмъ иной общественный слой представляетъ нѣмецкое бюргерство. Оно не представляетъ продукта національизма, потому что есть созданіе внѣ-національнаго экономическаго развитія... Для нѣмецкаго бюргерства сепаратизмъ явился бы гибелью. Если бы Рига стала германскимъ городомъ, отдѣленнымъ отъ внутренняго рынка Россіи таможенной границей, это убило бы мѣстную промышленность и торговлю. Рига живетъ русскимъ рынкомъ, а тогда стала бы на положеніе Кенигсберга или Данцига."

Если вспомнить общую идеологію руководителей прибалтійскаго нѣмечества, которая ярко проявлялась каждый разъ, когда ставился вопросъ объ отношеніяхъ къ Имперіи, то вышеизложенное отношеніе ихъ къ войнѣ никого не можетъ удивить. На самомъ дѣлѣ, разъ они на себя смотрятъ, какъ на „передовой постъ

нѣмецкой культуры на востокѣ", то какъ же имъ оставаться равнодушными, когда въ Германіи настоящую міровую войну упорно называютъ „борьбой Западной Европы и ея культуры" противъ „сыпучаго песка азіатской некультурности Россіи и панславизма" и твердо увѣрены въ томъ, что въ случаѣ побѣды „русскихъ ордъ" будетъ уничтожена въ этой части свѣта „всякая высшая культура, хранителями которой были призваны нѣмцы" (по словамъ проф. А. Гарнака).

Мнѣ отъ прибалтійскихъ нѣмцевъ приходилось слышать, что отъ нихъ, какъ нѣмцевъ, нельзя требовать сочувственнаго отношенія къ борьбѣ противъ нѣмецкаго народа. Но такого требованія не предъявляется: борьба идетъ противъ Германской Имперіи и ея стремленій къ міровой гегемоніи. И развѣ въ 1866 г. не было примѣра, какъ воевали между собой даже чисто-нѣмецкія государства, а именно Пруссія съ Ганноверомъ, Гессеномъ, Нассау, Саксоніей и южно-германскими государствами, которыя всѣ находились на сторонѣ Австріи?

Далѣе, прибалтійскими нѣмцами утверждается, что они только съ тѣхъ поръ начали отрицательно относиться къ Россіи, когда противъ нихъ правительствомъ стали приниматься извѣстныя исключительныя мѣры. Но и это не совсѣмъ вѣрно. Правда, отрицательное отношеніе ихъ къ русскимъ тогда дѣйствительно стало ярче проявляться и даже открытѣе высказываться, но это объясняется тѣмъ, что они въ названныхъ мѣрахъ имѣли хорошій предлогъ, будто бы оправдывающій ихъ отношеніе къ войнѣ. Кромѣ того, это находилось въ зависимости отъ временныхъ успѣховъ Германіи. Въ дѣйствительности же нѣмцы уже съ самаго начала войны симпатизировали Германіи: на патріотическія манифестаціи они смотрѣли, снисходительно улыбаясь, въ успѣхъ Россіи не вѣрили и съ радостью передавали слухи о нѣмецкихъ побѣдахъ.

Но пусть все это и такъ, мнѣ говорили, но какое дѣло правительству до убѣжденій и мнѣній своихъ подданныхъ, и какія осложненія для Россіи могутъ возникнуть изъ того, что часть прибалтійскихъ нѣмцевъ со-

чувствуетъ Германіи, разъ они только безупречно исполняютъ свой долгъ по отношенію къ Россіи?

Этимъ мы вплотную подходимъ ко второй части вопроса объ отношеніи къ Россіи прибалтійскихъ нѣмцевъ въ настоящую войну. Если руководящіе круги прибалтійскаго нѣмечества, въ чемъ мы не сомнѣваемся, дѣйствительно мечтаютъ о побѣдѣ Германіи, то по нашему убѣжденію, Россія къ этому никоимъ образомъ не можетъ отнестись равнодушно, а напротивъ, имѣетъ полное право принимать необходимыя мѣры предосторожности: въ мирное время — обыкновенныя, а въ военное также и чрезвычайныя.

Баронъ Врангель въ 1908 г. начинаетъ свою брошюру „Балтійскій вопросъ въ личномъ освѣщеніи“ слѣдующими словами: „Среди русскихъ политиковъ существуетъ воззрѣніе, что чѣмъ сильнѣе и вліятельнѣе нѣмецкій элементъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, тѣмъ больше также и для Россіи опасность, что въ случаѣ тяжелыхъ внѣшнихъ или внутреннихъ осложненій Германія сдѣлаетъ нападеніе на Остзейскія губерніи“. Основная мысль этихъ опасеній вполнѣ оправдалась событіями 1914 и 1915 гг.

Въ нынѣшнюю войну тайное стало явнымъ, и мы уже теперь можемъ довольно ясно судить о намѣреніяхъ Германіи по отношенію къ Россіи и Прибалтійскому краю. Я привожу важнѣйшее изъ того, что проникло въ нашу печать. Въ опубликованной французскимъ правительствомъ „Желтой книгѣ“ имѣется нѣмецкій „офиціальный секретный рапортъ касательно усиленія германской арміи“, сообщенный изъ вѣрнаго источника французскому военному министру Этьенну. Въ самомъ концѣ этого рапорта говорится: „Мы вспомнимъ.., что тысячи нашихъ братьевъ-нѣмцевъ въ балтійскихъ провинціяхъ стонутъ подъ славянскимъ игомъ“. О Гарнакѣ, прибалтійскомъ уроженцѣ, усматривающемъ въ войнѣ борьбу западной Европы противъ азіатскаго варварства, было упомянуто выше; въ томъ же духѣ высказался В. Зомбартъ. 11 ноября 1914 г. въ Берлинѣ состоялось собраніе, на которомъ было прочитано шесть докладовъ о русскихъ окраинахъ. Профессоръ Галлеръ говорилъ о Прибалтійскомъ краѣ и выразилъ

пожеланіе отпаденія его отъ Россіи. Такъ же высказался и профессоръ Вагнеръ, а публицистъ Рипке и профессоръ Шиманъ, оба прибалтійскіе уроженцы, говорили о тяготѣніи балтовъ къ германизму (по газетѣ „Рѣчь“).

Въ другихъ публичныхъ лекціяхъ профессоръ Штейнъ требуетъ оттѣсненія Россіи въ „азіатскія степи изъ которыхъ она произошла“, а профессоръ Вейсе, говоря о Прибалтійскомъ краѣ, требуетъ присоединенія его къ Германіи по примѣру Эльзаса и Лотарингіи. Профессоръ Вундтъ выпустилъ брошюру, въ которой считаетъ нравственнымъ долгомъ Германіи „освобожденіе“ не только Прибалтійскаго края, но и Финляндіи. Упомянутая на стр. 139 статья газеты „Königsberger Hartunger Zeitung“ кончается слѣдующимъ заявленіемъ: „Пусть знаютъ балтійскіе нѣмцы, что мы, какъ только окажется возможнымъ, протянемъ имъ братскую руку, чтобы культура, созданная на востокѣ 700 лѣтъ тому назадъ, не погибла въ борьбѣ съ псевдо-культурой“. Наконецъ, приведу статью вождя нѣмецкихъ націоналъ-либераловъ Эрнста Вассермана изъ журнала „Der Ostasiatische Lloyd“: „Походъ нашего Гинденбурга вступилъ въ новый фазисъ. Наши войска находятся недалеко отъ Риги, а Либава уже въ нашихъ рукахъ. Рига, этотъ сильный оплотъ германства въ Россіи, долго и упорно боролась съ русскимъ вліяніемъ въ краѣ. Такимъ образомъ, наши братья по вѣрѣ, языку и духу могутъ надѣяться на сверженіе русскаго ига и наступленіе лучшихъ временъ. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка нѣмцы съ болью въ сердцѣ слѣдили за испытаніями, выпавшими на долю нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ, но были лишены возможности имъ помочь. Только Бисмаркъ научилъ насъ, какъ дѣйствовать. Находясь подъ властью русскихъ, прибалтійскіе нѣмцы, внѣшне выражая свою лойяльность правительству, тайно продолжали содѣйствовать обще-германскому дѣлу.

Въ послѣднее время мы часто думаемъ о нашихъ братьяхъ въ Прибалтійскомъ краѣ, которые долго томились подъ русскимъ игомъ. . . Мы радуемся, что

уже недалеко то время, когда наши дорогіе братья въ Прибалтійскомъ краѣ заживутъ лучшей жизнью. . ."

Вспомнимъ теперь ту агитацію, которую многіе изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ вели въ Германіи, начиная съ 60-ыхъ гг. прошлаго столѣтія и кончая Шиманомъ и др. въ 1914 и 1915 г., и зададимся вопросомъ, не оказала ли она какое-нибудь вліяніе на событія послѣдняго времени и на возникновеніе того настроенія умовъ, которое мы только что описали, и которое несомнѣнно является господствующимъ въ широкихъ кругахъ нѣмецкаго народа. Конечно, никто не скажетъ, что Германія изъ-за прибалтійскихъ нѣмцевъ начала войну, но тѣмъ не менѣе нельзя будетъ отрицать, что упомянутые выше представители прибалтійскаго нѣмечества все-таки старались натравливать ее на Россію. И какъ въ Германіи откликнулись не только теперь, но и раньше, мы также уже знаемъ. Постоянно твердя, что Россія азіатская страна, прибалтійскіе нѣмцы навѣрно внесли свою лепту въ тотъ взглядъ германцевъ на Россію, который они теперь высказываютъ безъ всякаго стѣсненія. А „нравственнаго долга" освободить своихъ „братьевъ, стонущихъ подъ славянскимъ игомъ", навѣрно не имѣлось бы у германцевъ, если бы прибалтійскіе нѣмцы неустанно не трубили о „нѣмецкой сѣверо-восточной колоніи Германіи", нѣмецкій характеръ которой надо сохранить, такъ какъ она „передовой постъ нѣмецкой культуры". Если бы „братья" не хотѣли быть „братьями", то, конечно, было бы трудно питать къ нимъ братскія чувства и выступить въ роли ихъ освободителей. Такимъ образомъ, прибалтійскіе нѣмцы указали Германской Имперіи на хорошій объектъ для ея завоевательныхъ стремленій и вмѣстѣ съ тѣмъ даже дали и благовидный предлогъ имъ, а именно, „освобожденіе угнетенныхъ братьевъ". Конечно, не все прибалтійское нѣмечество непосредственно повинно въ томъ, что писали и говорили почти всѣ представители его; но все-таки несомнѣнно то, что оно представляло ту плодородную почву, безъ которой не могли бы вырасти всѣ эти цвѣты, а также и то, что многимъ благоуханіе этихъ цвѣтовъ, какъ раньше, такъ и теперь, пріятно щекотало въ носу.

Если въ виду всего изложеннаго задать себѣ вопросъ, имѣетъ ли любое государство право принимать мѣры предосторожности противъ такой группы своихъ подданныхъ, которая своими настроеніями и идеалами въ сосѣднемъ государствѣ вызываетъ непріязненныя къ нему чувства, то мнѣ думается, что отвѣтъ можетъ быть только одинъ: конечно, оно имѣетъ на это полное право.

Послѣ 1905 г. прибалтійскіе помѣщики-дворяне изъ нѣмцевъ, особенно въ Курляндіи, въ большомъ числѣ стали приглашать на свою службу заграничныхъ нѣмцевъ, чтобы увеличеніемъ нѣмецкаго элемента противодѣйствовать усиленію латышей. Нѣмцы служили управляющими, лѣсничими, егерами, лакеями и т. п. Кто хоть мало-мальски знакомъ съ организаціей нѣмецкаго шпіонажа, нисколько не будетъ сомнѣваться въ томъ, что среди этихъ лицъ была масса шпіоновъ. Впрочемъ, это во время войны и подтвердилось. Конечно, помѣщики, приглашавшіе на службу всѣхъ этихъ лицъ, могли и не знать, что за типы были между ними, и кромѣ того, нѣмецкіе шпіоны и безъ того, хотя конечно и труднѣе, нашли бы доступъ, куда имъ надо, но тѣмъ не менѣе, нѣмецкіе помѣщики имъ открыли настежь всѣ двери и слишкомъ облегчили ихъ работу. Также и въ Ригѣ накопилась масса германскихъ подданныхъ. При такомъ положеніи вещей правительство, по моему, въ правѣ высказать просьбу, чтобы его подданные свои отношенія къ другимъ группамъ населенія урегулировали бы такъ, чтобы впредь не нуждались въ опасномъ колонизаціонномъ элементѣ. Приблизительно такъ же обстоитъ дѣло и съ водворенными въ Курляндію колонистами-нѣмцами, хотя и русскими подданными.

Что касается исключительныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ по отношенію къ нѣмцамъ, то прибалтійскіе нѣмцы ихъ находятъ несправедливыми и ненужными, даже несмотря на то, что они только временныя. Нѣмцы ссылаются на то, что нельзя такимъ образомъ относиться къ гражданамъ, которые внѣшне вѣрно исполняютъ свой долгъ. Но развѣ нѣмцы имѣли возможность и не исполнять его, напримѣръ, отказаться

отъ военной службы? Далѣе, за исполненія долга нигдѣ никакихъ особыхъ наградъ не полагается. Наконецъ, нѣмцы въ общемъ дѣлаютъ только то, что непосредственно предписано, и безъ чего обойтись нельзя. Готовности добровольно пожертвовать всѣмъ, чѣмъ только можно, у нихъ не замѣчалось. Чтожъ удивительнаго, что при такихъ обстоятельствахъ сердцу русскаго народа милѣе тѣ, у которыхъ такая готовность проявлялась? Говоритъ же и нѣмецкая пословица о „другѣ въ несчастьѣ".

Если я говорю о мѣрахъ противъ нѣмцевъ, то я имѣю въ виду не столько каждую отдѣльную мѣру, сколько то настроеніе въ правительственныхъ кругахъ и въ русскомъ народѣ, на основаніи которыхъ онѣ только и были возможны. Объ умѣстности той или другой мѣры можно спорить: равнымъ образомъ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что низшіе органы исполнительной власти иногда невѣрно истолковывали предначертанія правительства или слишкомъ рѣзко ихъ проводили; это было, напримѣръ, обнаружено въ думскихъ дебатахъ по отношенію къ выселенію жителей въ нѣкоторыхъ польскихъ и литовскихъ губерніяхъ. Но не это самое важное: сущность дѣла заключается въ вопросѣ, можетъ ли быть оправдано общее направленіе принятыхъ мѣропріятій. Прежде всего вполнѣ понятно, что правительство не можетъ оставаться безучастнымъ, если ему извѣстно, что на окраинѣ, въ которую вторгается непріятель, часть населенія стоитъ на сторонѣ этого непріятеля. Существованіе такой группы населенія во всякомъ случаѣ должно облегчить непріятелю пребываніе и дальнѣйшее продвиженіе въ занятой странѣ, даже и въ томъ случаѣ, если никто изъ его благожелателей ему не окажетъ ни малѣйшей открытой поддержки. Далѣе, симпатіи, направленныя въ извѣстную сторону, не могутъ оставаться для этой стороны неизвѣстными, и такимъ образомъ будутъ укрѣплять ее въ имѣющемся уже у нея намѣреніи прочнѣе устроиться въ краѣ. Въ чемъ же состоятъ мѣры предосторожности въ этомъ направленіи? Насколько мнѣ извѣстно, въ закрытіи нѣмецкихъ повременныхъ изданій и обществъ и въ высылкѣ на время военнаго по-

ложенія тѣхъ лицъ, о которыхъ предполагали, что въ нихъ описанныя выше симпатіи слишкомъ сильны, и которыя, кромѣ того, тѣмъ или инымъ путемъ ихъ проявляли и поддерживали у своихъ земляковъ. Значитъ, на время удаляются изъ мѣстъ, которымъ угрожаетъ непріятель, тѣ лица, пребываніе которыхъ по ихъ направленію мыслей при данныхъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ правительству кажется опаснымъ для государства. Я думаю, что нельзя отрицать за правительствомъ права такъ дѣйствовать. Одна изъ нѣмецкихъ газетъ, „Ригаэръ Тагеблатъ", состояла, напримѣръ, преимущественно изъ извѣстій о Германіи, которыя тщательно собирались изъ всѣхъ русскихъ и шведскихъ газетъ. Это едва ли было случайно; по крайней мѣрѣ, нѣкоторые читатели газеты на это смотрѣли совершенно иначе.

Кромѣ того, нѣмцамъ ли жаловаться на административныя мѣропріятія, такъ какъ они имъ всегда сочувствовали, даже въ мирное время, лишь только они были бы направлены противъ ихъ политическихъ противниковъ. Въ такомъ именно духѣ нѣмцы дѣйствовали не только послѣ 1905 г., но даже и въ серединѣ прошлаго столѣтія противъ зарождавшагося тогда латышскаго національнаго движенія. Но какъ только правительство на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и раньше противъ лицъ другихъ національностей, тѣ же самыя мѣры принимаетъ противъ нихъ, такъ поднимается крайнее негодованіе. Нѣмцы, напримѣръ, въ 1905 г. очень мало интересовались тѣмъ, какъ обходились съ арестованными, высылаемыми и т. п. Конечно, сейчасъ не одному изъ нѣмцевъ придется страдать невинно — но что же дѣлать: въ такія чрезвычайныя времена безъ этого нигдѣ дѣло не можетъ обойтись. А кто пострадалъ невинно, тому уже приходится терпѣть, какъ при любомъ несчастьѣ, обрушивающемся на него по невѣдомой волѣ. Но и здѣсь я предложилъ бы нѣмцамъ вопросъ, увѣрены ли не только всѣ тѣ многочисленные добровольные „почетные" полицейскіе чины, но и помѣщики и управляющіе изъ нѣмцевъ, которые въ 1905 и 1906 гг. принимали участіе въ подавленіи и ликвидаціи революціоннаго движенія въ

краѣ, увѣрены ли они въ томъ, что въ числѣ лицъ, разстрѣлянныхъ, арестованныхъ, приговоренныхъ и высланныхъ или ими, или по ихъ указаніямъ, не было невинныхъ?

Вторая группа мѣропріятій по отношенію къ нѣмцамъ направлена противъ употребленія въ общественныхъ мѣстахъ нѣмецкаго языка. Если имѣть въ виду, какъ пренебрежительно въ Германіи сейчасъ отзываются о русскихъ, и какъ на нихъ смотрятъ прибалтійскіе нѣмцы, то для меня психологически является вполнѣ понятнымъ, что для русскаго человѣка въ данное время непріятна нѣмецкая рѣчь. Нѣмцы такъ долго безнаказанно обижали національное чувство русскаго народа, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что послѣдній ему наконецъ за это отплачиваетъ. Хотя я не русскаго происхожденія, но только сознаю себя гражданиномъ Русской Имперіи, но и я въ концѣ концовъ не могъ вытерпѣть тѣхъ отзывовъ о русскихъ, которые мнѣ приходилось слышать среди прибалтійскихъ нѣмцевъ. А извѣстное „нѣкоторое пренебреженіе“ послѣднихъ къ Россіи и русскому народу отнюдь не оставалось незамѣченнымъ. Кстати будь сказано слѣдующее. Когда нынѣшній Юрьевскій университетъ былъ еще Дерптскимъ, приблизительно въ 70-ыхъ или 80-ыхъ годахъ, одинъ студентъ-эстъ въ одномъ изъ коридоровъ университета обратился къ знакомому на эстскомъ языкѣ. Объ этомъ преступленіи доложили ректору, тотъ вызвалъ виновнаго, обратился къ нему съ слѣдующими словами: „Хотите ли Вы университетъ превратить въ рынокъ?“ и пригрозилъ ему наказаніемъ въ случаѣ ослушанія. Самъ этотъ студентъ недавно разсказалъ объ этомъ одному изъ моихъ знакомыхъ. Такъ раньше прибалтійскій нѣмецъ могъ относиться къ употребленію чужого языка.

Значитъ, въ виду изложеннаго выше настроенія мыслей среди руководящей части прибалтійскихъ нѣмцевъ, правительство, по нашему, въ правѣ принимать мѣры предосторожности, кажущіяся ему необходимыми для обезпеченія безопасности государства. Мое мнѣніе сходится съ тѣмъ, что „Рижская Мысль“ писала по поводу этого въ декабрѣ 1914 года (я перевожу по вы-

держкѣ латышской газеты „Латвія“): „Мы съ нашей стороны тѣмъ не менѣе полагаемъ, что центра тяжести вопроса о прибалтійскихъ нѣмцахъ нельзя искать въ отдѣльныхъ поступкахъ, противорѣчащихъ вѣрности Имперіи и ея безопасности въ военное время Ессли бы такіе поступки и никогда не были установлены, то тѣмъ не менѣе положеніе дѣлъ въ связи сън еоспоримымъ существованіемъ пангерманскихъ тенденцій, хотя и въ внѣшне-легальной формѣ, нельзя признать соотвѣтствующимъ идеѣ русской государственности и интересамъ русскаго народа“.

XV глава.

Политическія цѣли латышей и эстовъ.

Послѣ 1905 г. всѣмъ русскимъ гражданамъ нерусскаго происхожденія снова была дана возможность сохраненія и развитія своей національной и культурной самобытности. Руководящіе круги прибалтійскаго нѣмечества при этомъ, къ сожалѣнію, подпали подъ вліяніе заграничныхъ пангерманскихъ дѣятелей, которые въ интересахъ Германской Имперіи поставили себѣ задачей поддерживать всѣхъ нѣмцевъ, живущихъ внѣ Германіи, даже если бы они и не принадлежали къ числу германскихъ подданныхъ. Это кончилось тѣмъ, что вожди прибалтійскаго нѣмечества стали заявлять, что „они передовой постъ нѣмецкой культуры на востокѣ“, а одинъ изъ заграничныхъ нѣмцевъ, Гейзеръ, какъ мы уже видѣли, въ прибалтійскихъ нѣмцахъ узрѣлъ представителей „интересовъ всего нѣмецкаго народа, его культуры и экономической жизни“. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Россія среди своихъ гражданъ не желаетъ имѣть представителей интересовъ чужого народа, и поэтому правительство, по нашему взгляду, въ правѣ и въ мирное время предпринимать мѣры къ тому, чтобы охарактеризованное выше настроеніе среди прибалтійскихъ нѣмцевъ исчезло, и чтобы послѣдніе, какъ въ 1913 г. этого требовала также и „Ригаше Рундшау“, смотрѣли на себя, какъ на гражданъ Россійской Имперіи. Но не правы ли тогда тѣ изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, которые въ 1906 г. заявили, что имъ „ни отъ старой, ни отъ новой Россіи“ не ждать ничего добраго? По поводу похода „Новаго“ и „Вечерняго Времени“ противъ русскихъ нѣмцевъ мнѣ поэтому неоднократно приходилось слышать: „Видите,

какъ русскіе относятся къ намъ? Что же намъ дѣлать?" Если бы прибалтійскіе нѣмцы на самомъ дѣлѣ жили интересами всей Россіи, и желали оріентироваться въ ея политической жизни, то они, можетъ быть, и поняли бы, что „Новое Время" не олицетворяетъ русскаго народа и увидѣли бы, что всѣ русскіе политическіе круги, начиная съ лѣвыхъ октябристовъ и въ теоріи и на практикѣ противъ притѣсненія „инородцевъ". Въ нынѣшней „травлѣ нѣмцевъ" изъ-за того только, что они нѣмцы, принимали участіе лишь органы печати правѣе „Новаго Времени". Всѣ остальные возставали противъ этого, но что касается прибалтійскихъ нѣмцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно высказывались противъ господства ихъ въ общественной жизни края. Я позволю себѣ привести слѣдующія выдержки.

Въ декабрской книжкѣ ежемѣсячника „Вѣстникъ Европы" К. К. Арсеньевъ по поводу положенія въ Прибалтійскомъ краѣ пишетъ: „Опасность, противъ которой слѣдуетъ реагировать..., заключается... въ томъ, что корпорація этихъ (т. е. прибалтійскихъ) дворянъ сохраняетъ въ своихъ рукахъ ничѣмъ не оправдываемое господствующее вліяніе на дѣла цѣлаго края. Здѣсь противъ нея долженъ быть направленъ настоящій крестовый походъ, но руководимый не національными антипатіями,... а справедливою заботою о правахъ и интересахъ народной массы. Чтобы сокрушить нѣмецкую твердыню въ Прибалтійскомъ краѣ, нѣтъ надобности въ подозрѣніяхъ и обвиненіяхъ, неразборчиво взводимыхъ противъ отдѣльныхъ лицъ; достаточно понять несостоятельность системы, давно потерявшей всѣ свои политическіе и нравственные устои".

Въ отзывѣ А. С. Изгоева о книгѣ Ренникова „Въ странѣ чудесъ" въ журналѣ „Русская Мысль" мы читаемъ между прочимъ слѣдующее: „Правда г. Ренникова не правдива. Это — худшій видъ лжи... Г.Ренниковъ щеголяетъ, главнымъ образомъ, анекдотами. О серьезной сторонѣ балтійскаго нѣмецкаго вопроса онъ говоритъ мало, повторяя лишь то, что до него писали другіе, честные, благородные люди... Казалось бы, если въ наши дни писать о прибалтійскихъ баронахъ, то надо не глумиться надъ ихъ личностью (дешево теперь

это!), а выяснить тѣ причины, почему незначительное нѣмецкое меньшинство такъ долго играло въ краѣ преобладающую роль. Книга г. Ренникова разсчитана на худшіе инстинкты толпы, съ особымъ восторгомъ набрасывающихся на тѣхъ, передъ которыми еще только вчера пресмыкались".

Газета „Русскія Вѣдомости" отправила въ Прибалтійскій край своего корреспондента Н. Іорданскаго, который опубликовалъ цѣлый рядъ статей по данному вопросу. Относительно похода „Новаго Времени" противъ прибалтійскихъ нѣмцевъ онъ говоритъ, что „такого рода тактика тѣмъ болѣе достойна сожалѣнія, что занимая вниманіе читателей сенсаціонными сообщеніями, которыя по существу дѣла подлежатъ провѣркѣ и разслѣдованію судебныхъ властей, націоналистическая печать тѣмъ самымъ заслоняетъ отъ общественнаго вниманія серьезныя проблемы, уже давно выдвинутыя печатью въ Прибалтійскихъ губерніяхъ... Современная антинѣмецкая агитація нововременскихъ и подобныхъ имъ круговъ можетъ, конечно, внести много злобы и раздраженія въ мѣстную жизнь, можетъ раздуть до крайнихъ предѣловъ національный антагонизмъ въ краѣ, но она не можетъ ни на шагъ подвинуть впередъ рѣшеніе прибалтійскаго вопроса. У „націоналистовъ" нѣтъ въ рукѣ ключа, которымъ отпирается этотъ вопросъ. Имъ доступна травля нѣмцевъ, но имъ не по плечу борьба съ искусственнымъ преобладаніемъ нѣмецкаго дворянства... Единственное вѣрное лекарство отъ всякаго рода „засилій" есть привлеченіе къ мѣстной самодѣятельности широкихъ слоевъ населенія".

Газета „Рѣчь" пишетъ: „Да, признаемся, мы никогда не были друзьями „остзейскихъ бароновъ"... Мы нападали на архаическіе соціальные, земскіе и административные порядки Остзейскаго края. Мы могли еще напасть на ту роль, которую представители Остзейскаго дворянства сыграли въ исторіи нашей бюрократіи... Но бываютъ случаи, когда и „остзейскій баронъ" получаетъ право разсчитывать на защиту „Рѣчи". Это бываетъ тогда, когда грубо затрагиваются или нарушаются тѣ его права, гражданскія или національныя, которыя общи ему со всѣми другими гражданами рос-

сійскаго государства... Мы не можемъ отрицать, конечно, возможности государственной измѣны со стороны „остзейскаго барона“..., вполнѣ признаемъ необходимость бдительнаго наблюденія мѣстной власти за всевозможными безпроволочными телеграфами и бетонными площадками для орудій. Но для предупрежденія этого у насъ существуетъ тщательно разработанный политическій сыскъ... Виновность отдѣльныхъ лицъ всегда можетъ быть установлена и безъ участія мѣстныхъ сплетенъ и добровольныхъ доносовъ. Держать же въ подозрѣніи цѣлую категорію лицъ, признаемся, претитъ нашему правовому сознанію“.

Въ „Современномъ Словѣ“ мы читаемъ слѣдующее: „Русская прогрессивная печать постоянно и неизмѣнно отстаивала тѣ демократическія реформы соціально-экономическаго и политическаго характера, которыя помогли бы латышамъ освободиться отъ феодальнаго ига нѣмецкихъ бароновъ. Но „русская печать“, на которую жалуется „Новое Время“, никогда не занималась націоналистической демагогіей и не смѣшивала сознательно національнаго вопроса въ Прибалтійскомъ краѣ съ соціальнымъ...“ Въ томъ же духѣ пишетъ и „День“. Изъ либеральныхъ газетъ только „Русское Слово“ иногда поддавалось націоналистическимъ вліяніямъ. Кромѣ названныхъ и „Биржевыя Вѣдомости“ сохраняютъ спокойствіе и объективность.

Хотя всѣ эти журналы и газеты высказываются противъ націоналистическихъ крайностей, однако все-таки понятно, почему прибалтійскіе нѣмцы эти газеты оставляютъ безъ особаго вниманія и предпочитаютъ выдавать „Новое Время“ за представительницу всего русскаго народа. Это потому, что всѣ либеральные органы печати крайне недвусмысленно высказываются противъ господства нѣмцевъ въ мѣстной жизни.

Всѣ вышеназванныя газеты въ общемъ вѣрнѣе изображаютъ положеніе въ краѣ, чѣмъ „Новое Время“ и его единомышленники. Но тѣмъ не менѣе и онѣ упускаютъ изъ виду одно важное обстоятельство, а именно то настроеніе, которое является характернымъ для подавляющаго большинства прибалтійскаго нѣмечества. Какъ мы видѣли, это настроеніе состоитъ въ

нежеланіи принимать участіе въ политической жизни всей Имперіи и въ стремленіи къ политическому обособленію отъ нея, въ твердомъ намѣреніи служить передовымъ постомъ нѣмецкой культуры на востокѣ и въ сильномъ пренебреженіи и презрѣніи къ національному характеру русскаго народа и ко всѣмъ его начинаніямъ. Все это въ нынѣшнюю войну повело къ возникновенію явныхъ симпатій къ Германіи въ руководящихъ кругахъ прибалтійскаго нѣмечества. Либеральныя газеты, не замѣчая этого настроенія, а вслѣдствіе этого и не отмѣчая его, поэтому не даютъ вѣрнаго освѣщенія положенія, хотя ихъ неточность невелика въ сравненіи съ тѣмъ, что допускаетъ „Новое Время".

Въ XI главѣ мы видѣли, почему нѣмцы такъ настойчиво держатся за свои привилегіи: ими руководитъ опасеніе передъ „латышской волной", на которую указывалъ баронъ Фелькерзамъ, т. е. передъ культурно-національными и политическими стремленіями латышей и эстовъ. По ихъ мнѣнію, латыши и эсты хотятъ полнаго уничтоженія нѣмецкаго элемента въ краѣ. Такое непониманіе или незнаніе политическихъ цѣлей коренного населенія края въ лучшемъ случаѣ объясняется неосвѣдомленностью о нихъ нѣмцевъ, которая, какъ мы уже отмѣтили, дѣйствительно поразительна.

Но чего же латыши и эсты добиваются на самомъ дѣлѣ? Я думаю, никто не будетъ возражать, если мы не станемъ утруждать себя опроверженіемъ утвержденія, будто бы главною и единственною цѣлью національнаго движенія среди коренного населенія было стремленіе къ радикальному соціальному перевороту, направленному противъ нѣмцевъ: настолько это утвержденіе нелѣпо.

Остается, значитъ, другое, а именно, что латыши и эсты хотятъ во-первыхъ захватить въ свои руки полное господство въ краѣ и затѣмъ употребить его для совершеннаго вытѣсненія нѣмцевъ. Я отнюдь не отрицаю, что въ 1905 и ближайшіе къ нему годы въ латышской и эстской прессѣ такія мысли высказывались. Но вопросъ въ томъ, можно ли по требованіямъ нѣкоторыхъ крайнихъ представителей какого-нибудь политическаго теченія, предъявленнымъ притомъ въ такое

чрезвычайное время, какъ 1905 г., охарактеризовать все это движеніе, особенно, если имѣются голоса, которые высказываются въ противоположномъ смыслѣ? Конечно, нѣтъ. Что сказали бы прибалтійскіе нѣмцы, если бы о нихъ стали судить только по дѣятельности въ 1905 и 1906 гг. нѣкоторыхъ озлобленныхъ и кровожадныхъ добровольныхъ „почетныхъ“ полицейскихъ чиновъ-нѣмцевъ и по словамъ идеолого этихъ добровольныхъ палачей, публициста Карла фонъ Фреймана, который въ 1905 г. въ газетѣ „Дюна-Цейтунгъ“ потребовалъ: „За каждаго убитаго барона 10 Кальниновъ и Озолиновъ къ висѣлицѣ!“ („Кальнинъ“ и „Озолинъ“ очень распространенныя латышскія фамиліи).

Если же обратить вниманіе на тѣ голоса, которые среди латышей и эстовъ раздаются при обыденномъ теченіи политической жизни, то получится картина совершенно иная, чѣмъ та, которую набрасываетъ не только баронъ Фелькерзамъ, но даже и сама либеральная „Ригаше Рундшау“.

По поводу упомянутой уже думской рѣчи барона Фелькерзама высказалась также и самая распространенная, тогда еще не поправѣвшая, латышская газета „Дзимтенесъ Вестнесисъ“ (Вѣстникъ Родины). Въ передовой ея статьѣ отъ 16 іюня 1914 г. (№ 135) мы читаемъ слѣдующее: „Латыши нисколько не стремятся къ тому, чтобы смести нѣмечество и окончательно олатышить всю губернію, а только къ тому, чтобы въ жизни своей родины завоевать то положеніе, которое имъ по справедливости подобаетъ. Мы требуемъ такихъ реформъ въ краѣ, которыя уравнили бы правовое положеніе въ немъ отдѣльныхъ національностей, культурное и экономическое развитіе которыхъ сейчасъ задерживается ничѣмъ не оправдываемымъ привилегированнымъ положеніемъ одной изъ нихъ, а именно нѣмцевъ... Часто требованіе настоящихъ реформъ со стороны латышей нѣмцы называютъ борьбой противъ ихъ культуры... Непріязнь между латышами и нѣмцами не можетъ кончиться, прежде чѣмъ нѣмцы не поймутъ, что на основаніи несправедливыхъ привилегій меньшинство не можетъ господствовать надъ большинствомъ...“ Въ передовой статьѣ отъ 3 іюня того же

года говорится: „То, что латыши никогда не будутъ единственными вершителями судебъ края, пойметъ всякій безпристрастный человѣкъ... Въ Прибалтійскомъ краѣ живутъ разныя національности и представители всѣхъ ихъ будутъ принимать участіе въ устройствѣ внутренней жизни края... Намъ кажется, что нѣмцы могли бы и тогда сохранить свою культуру, если бы они, находясь въ меньшинствѣ, не стремились бы всѣми средствами къ правамъ большинства".

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію отношенія къ нѣмцамъ латышской и эстской прессы во время нынѣшней войны. Тутъ мы выдѣлимъ три отдѣльныхъ момента. Прежде всего мы установимъ отношеніе политическихъ руководителей коренного населенія къ статьямъ Ренникова и къ походу „Новаго Времени". Затѣмъ мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что Эстляндское дворянство въ началѣ текущаго года пригласило эстское населеніе намѣтить изъ своей среды 5 лицъ, которыя вмѣстѣ съ 5 представителями дворянства образовали бы комиссію для обсужденія вопроса совмѣстнаго празднованія столѣтія дня освобожденія эстляндскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (въ 1816 г.); вмѣстѣ съ тѣмъ названное дворянство высказало намѣреніе выработать проектъ новаго устройства земскаго самоуправленія въ Эстляндской г.; слѣдуетъ показать, какъ латышская и эстская пресса отозвались на эти предположенія Эстляндскаго дворянства. Наконецъ, мы отмѣтимъ отношеніе эстовъ къ выработанному недавно вышеупомянутому проекту земскаго самоуправленія въ Эстляндіи.

Среди латышской прессы можно отличать два направленія: одно — либеральное, умѣренное по отношенію къ острымъ вопросамъ въ краѣ, а другое — консервативное и националистическое. Представительницей послѣдняго является газета „Дзимтенесъ Вестнесисъ", которая въ послѣднее время рѣшительно повернула направо, между тѣмъ какъ противъ нея высказываются, главнымъ образомъ, менѣе распространенныя „Лидумсъ" и „Яунайсъ Вардсъ". Перемиріе, которое въ началѣ войны было установлено между враждующими народностями края, вскорѣ нарушилось, и тогда „Дз. В."

открыто всталъ на сторону Ренникова и „Новаго Времени“. Крайне недоволенъ „Дз. В.“ русскими либералами, такъ какъ они будто бы берутъ подъ свою защиту нѣмцевъ, и поэтому для латышей онъ отъ нихъ ничего не ожидаетъ. „Дз. В.“, напротивъ, рекомендуетъ латышамъ опираться на „весь русскій народъ“, и чуть ли не старается доказать принадлежность латышей къ славянамъ. Компромиссовъ и соглашеній съ нѣмцами „Дз. В.“, конечно, не признаетъ: по его мнѣнію, чѣмъ враждебнѣе отношенія латышей къ нѣмцамъ, тѣмъ болѣе симпатій латыши будутъ вызывать въ тѣхъ кругахъ русскаго народа, къ которымъ тяготѣетъ „Дз. В.“. Къ начинаніямъ Эстляндскаго дворянства газета относится, конечно, совершенно недовѣрчиво.

Газеты, выступившія въ этихъ вопросахъ противъ „Дз. В.“, относятся, прежде всего, гораздо хладнокровнѣе къ обвиненіямъ, предъявляемымъ всѣмъ прибалтійскимъ нѣмцамъ, а „Лидумсъ“ открыто говоритъ о „періодѣ денунціацій среди латышей, дотолѣ еще не виданномъ,“ и винитъ въ этомъ не только простой народъ, но и латышскую интеллигенцію. Далѣе, эта группа предостерегаетъ латышей отъ окончательнаго и непоправимаго разрыва съ нѣмецкой культурой и съ прибалтійскими нѣмцами, ничего не ожидаетъ отъ русскихъ націоналистовъ и стоитъ за сближеніе съ либералами. „Яунайсъ Вардсъ“, напримѣръ, пишетъ: „Мы не должны поддерживать русскую реакціонную шовинистическую печать, которая теперь съѣдаетъ мѣстное дворянство только потому, что это не русское дворянство... Такъ же, какъ „Новое Время“ преслѣдуетъ теперь нѣмцевъ и нѣмецкій языкъ, оно раньше преслѣдовало латышей и готово въ одинъ прекрасный день опять преслѣдовать латышей и ихъ языкъ. Мы должны держаться точки зрѣнія русской свободомыслящей печати, и сознательной части общества“. Насколько „Яунайсъ Вардсъ“ былъ правъ по отношенію къ „Новому Времени“ и другимъ націоналистическимъ органамъ печати, видно изъ того, что въ „Рижскомъ Вѣстникѣ“ въ концѣ сентября ни съ того, ни съ сего вдругъ появилась статья, въ которой эсты обвинялись въ симпатіяхъ — къ Германской Имперіи!

Къ предложеніямъ Эстляндскаго дворянства латышская либеральная печать высказывается въ томъ смыслѣ, что если они только искренни, то слѣдуетъ придать имъ большое значеніе и итти имъ на встрѣчу.

Что касается положенія прибалтійскаго нѣмечества въ краѣ въ будущемъ, то „Яунайсъ Вардсъ" заявляетъ: „Мы требуемъ равноправія для всѣхъ мѣстныхъ народностей... Мы не желаемъ кого бы то ни было лишать его правъ, но мы требуемъ такихъ же правъ и для себя. Мы никого не хотимъ гнать изъ ландтаговъ и не желаемъ преслѣдовать ни одного языка". Даже и „Дзимтенесъ Вестнесисъ" говоритъ, что и онъ не „выступаетъ и не выступитъ противъ нѣмцевъ какъ таковыхъ".

Между газетой „Дз. В." и ея противниками, главнымъ образомъ газетой „Лидумсъ", въ первой половинѣ лѣта прошлаго года возникла небывалая еще полемика: „Дз. В." обвинялъ всѣхъ своихъ недруговъ въ явныхъ или скрытыхъ симпатіяхъ къ соціализму, самое тяжелое обвиненіе, которое въ послѣднее время одинъ латышскій общественный дѣятель можетъ предъявить другому. Но этого мало: по словамъ „Дз. В." латышская соціалъ-демократія создана и содержится на деньги германскаго правительства, и поэтому ея сторонники отчасти сознательно, отчасти безсознательно дѣйствуютъ въ интересахъ Германіи. Это нелѣпое обвиненіе и до извѣстной степени вся вообще вражда между газетами „Дзимтенесъ Вестнесисъ" и „Лидумсъ" объясняется тѣмъ, что они являются неофиціальными органами двухъ конкурирующихъ обществъ: первая — „Экономическаго Товарищества Латышскихъ сельскихъ хозяевъ", а вторая — „Рижскаго Центральнаго Сельскохозяйственнаго Общества".

Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что сейчасъ, когда нѣмцы, вслѣдствіе своей непримиримости, являются общимъ врагомъ всѣхъ латышей, многіе изъ послѣднихъ поддерживаютъ націоналистическое теченіе, въ душѣ совершенно не симпатизируя ему. Извѣстному намъ уже Іорданскому, напримѣръ, одинъ латышскій дѣятель заявилъ: „Разумѣется, ослабленіе вліянія нѣмецкаго дворянства, откуда бы оно ни исходило, при-

ближаетъ насъ къ равноправію. Но мы отнюдь не можемъ себя отождествлять съ нововременскимъ походомъ". Но несмотря на все это, нельзя отрицать, что среди латышей вражда противъ нѣмцевъ сейчасъ очень и очень сильна, и что самой распространенной газетой все еще является „Дзимтенесъ Вестнесисъ".

Обратимся теперь къ руководящей эстской прессѣ. Въ ней по интересующимъ насъ вопросамъ не замѣчается такого разлада, какъ среди латышской.

Что касается „травли нѣмцевъ", то эстская пресса къ ней относится весьма сдержанно. Она высказывалась противъ доносовъ и не отнеслась съ сочувствіемъ къ запрещенію употребленія нѣмецкаго языка, исключая только случаевъ демонстраціи.

Когда Эстляндское дворянство предложило образованіе совмѣстной комиссіи для празднованія столѣтія дня освобожденія крестьянъ, то эсты на это согласились.

По отношенію къ намѣреніямъ дворянства снова возбудить вопросъ о реформѣ самоуправленія въ Эстляндской губерніи эстская печать прежде всего высказываетъ довольно сильныя сомнѣнія въ искренности этихъ намѣреній. Это неудивительно, если имѣть въ виду, какъ до сихъ поръ прибалтійское дворянство относилось къ названной реформѣ. Въ газетѣ „Постимесъ" мы, напримѣръ, читаемъ: „Обращаясь къ урокамъ исторіи и къ прежнему образу дѣйствія дворянства, мы въ правѣ относиться съ сомнѣніемъ къ новому шагу Эстляндскаго дворянства и задать себѣ вопросъ, не является ли онъ съ ихъ стороны только военною хитростью или тактическимъ ходомъ..." Поэтому эстонская пресса требуетъ, чтобы дворянство отъ „словъ" наконецъ перешло къ „дѣлу". Тотъ же „Постимесъ" пишетъ: „...мы хотѣли бы увидѣть настоящіе поступки, которые показали бы, что прибалтійское дворянство готово смотрѣть на коренное населеніе края, какъ на полноправныхъ согражданъ..." (въ № 73, отъ 2 апр. 1915 г.).

Когда Эстляндское дворянство выработало свой проектъ и его опубликовало, то „Постимесъ" сначала его подвергаетъ дѣловой и безпартійной критикѣ, находитъ въ немъ недостатки, но тѣмъ не менѣе заявляетъ:

„Но несмотря на всѣ недостатки, предполагаемая реформа самоуправленія Эстляндской губерніи была бы важнымъ шагомъ впередъ... Если бы эстляндское дворянство съ своей стороны сдѣлало бы предложеніе правительству начать реформу самоуправленія, то его проектъ въ широкихъ кругахъ могъ бы разсчитывать на извѣстное сочувствіе, несмотря на всѣ историческіе счеты, которые нашъ народъ предъявляетъ прибалтійскому дворянству“ (въ № 213, отъ 17 сент. 1915 г.).

Наконецъ, когда Эстляндское дворянство свой новый проектъ сообщило также и Ревельской городской Думѣ, большинство членовъ которой эсты, то и она высказалась за него.

Если на основаніи вышеизложеннаго безпристрастно отнестись къ стремленіямъ латышей и эстовъ, то трудно будетъ видѣть въ нихъ „націоналистовъ, стремящихся къ полному господству (Alleinherrschaft) въ краѣ“ и готовыхъ истребить всѣхъ нѣмцевъ. Нѣмцы въ оцѣнкѣ политическихъ цѣлей латышей и эстовъ и своихъ крайне несправедливы: если они сами стремятся сохранить за собой старое преобладаніе, то это или называется сохраненіемъ „подобающаго нѣмцамъ положенія“, или оправдывается „исторической преемственностью“ (historische Kontinuität), которую нельзя нарушить. А какъ только латыши и эсты требуютъ „подобающаго имъ мѣста“, то сейчасъ же поднимается крикъ о ихъ націонализмѣ и т. п.

Съ какою осторожностью надо относиться къ заявленіямъ нѣмцевъ о томъ, будто бы латыши и эсты стремятся къ полному вытѣсненію ихъ, видно изъ слѣдующаго примѣра, который часто приводится нѣмцами. Въ Юрьевѣ имѣется „Лифляндское Городское Ипотечное Общество“, которое простираетъ свои операціи на всѣ города Лифляндіи, кромѣ Риги. Въ настоящее время это общество находится въ рукахъ эстовъ, между тѣмъ какъ раньше его полновластными хозяевами были нѣмцы. Этотъ переходъ власти отъ нѣмцевъ къ эстамъ нѣмцами изображается въ видѣ грубаго вытѣсненія ихъ эстами изъ правленія общества. На самомъ же дѣлѣ случилось слѣдующее. Правленіе общества и ревизіонная комиссія избираются общимъ собраніемъ делегатовъ

всѣхъ городовъ, входящихъ въ общество; делегаты же избираются по городамъ на собраніяхъ мѣстныхъ членовъ общества, т. е. домовладѣльцевъ, заложившихъ свои дома въ обществѣ. Собранія членовъ для выборовъ делегатовъ нѣмцами устраивались такъ, чтобы широкіе круги о нихъ не знали, и такимъ образомъ въ составъ правленія и ревизіонной комиссіи попадали исключительно нѣмцы. Но такъ какъ члены-нѣмцы составляли меньшинство всѣхъ членовъ общества, и нѣмецкое правленіе, кромѣ того, относилось отрицательно къ требованіямъ эстовъ относительно облегченія кредита мелкимъ домовладѣльцамъ, то на Юрьевское собраніе членовъ для избранія делегатовъ явилось много эстовъ, и нѣмцы очутились въ меньшинствѣ. Эсты выставили свой списокъ кандидатовъ, въ которомъ послѣдніе были распредѣлены между эстами и нѣмцами въ соотвѣтствіи съ общимъ числомъ членовъ-эстовъ и членовъ-нѣмцевъ. Нѣмцевъ, значитъ, отнюдь не вытѣсняли, но имъ отвели только „подобающее мѣсто". Когда выяснилось, что эстскій списокъ пройдетъ, всѣ нѣмцы отказались отъ баллотировки. Случившееся въ г. Юрьевѣ оказало свое вліяніе на выборы въ другихъ городахъ, такъ что и на общемъ собраніи делегатовъ нѣмцы были въ значительномъ меньшинствѣ. Большинство выставляло слѣдующія требованія: въ правленіи общества, состоявшемъ изъ четырехъ членовъ, за нѣмцами должны были оставаться два мѣста, а въ ревизіонной комиссіи большинство должно было находиться въ рукахъ эстовъ и латышей. Нѣмцы на это не согласились и сложили съ себя свои должности, въ томъ числѣ даже служащіе общества, которыхъ никто не трогалъ: остался одинъ только — сторожъ. Вотъ въ какомъ видѣ на самомъ дѣлѣ представляется „вытѣсненіе" нѣмцевъ изъ правленія ипотечнаго общества. Эсты и латыши хотѣли совмѣстной работы съ нѣмцами, но послѣдніе остались вѣрными своему старому девизу: или все, или ничего! Нѣкоторые изъ нѣмцевъ свой выходъ изъ правленія общества оправдываютъ тѣмъ, что эсты только для того на первое время были готовы оставить нѣсколько нѣмцевъ въ правленіи, чтобы у нихъ научиться, какъ лучше всего вести дѣла обще-

ства, а затѣмъ уже навѣрно окончательно отдѣлались бы отъ нихъ. Но понятно, что такого рода разсужденіями можно оправдать все, что угодно.

Главный козырь въ рукахъ нѣмцевъ противъ допущенія представителей коренного населенія къ участію въ самоуправленіи — это утвержденіе, что латыши и эсты еще не достаточно культурны для этого. Значитъ, прибалтійскій крестьянинъ въ 1916 г. еще не достоинъ тѣхъ правъ, которыми съ 1864 г., т. е. съ года введенія земства, пользуется его русскій собратъ. Подъ вліяніемъ событій 1905 г., какъ мы уже видѣли, само дворянство было готово представить крестьянскому сословію болѣе широкія политическія права, но въ общемъ все еще въ широкихъ кругахъ нѣмечества господствуетъ вышеизложенное убѣжденіе.

Тутъ очень умѣстно привести небольшую историческую справку. Оказывается, что прибалтійскіе нѣмцы, и прежде всего дворянство, почти передъ каждой реформой въ пользу крестьянъ неизмѣнно высказывали самыя серьезныя опасенія насчетъ будущаго, такъ какъ крестьяне-де еще не доросли до реформъ. И каждый разъ эти опасенія оказались лишенными всякаго основанія. Такъ, Карлу XI въ 1681 г. дается слѣдующій отвѣтъ: „Надо опасаться, что свободное состояніе вызоветъ крестьянъ на всевозможныя безчинства и на помыслы къ избіенію своихъ господъ“. Приблизительно то же самое говорилось въ 1765 г. Передъ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Лифляндіи опять раздавались голоса, которые утверждали, что „крестьянинъ еще не способенъ жить на свободѣ“. О введеніи въ 1866 г. новаго устройства крестьянскихъ обществъ мы въ журналѣ „Baltische Monatsschrift“, въ 1884 г., находимъ слѣдующія замѣчанія: „Когда вводилось положеніе о прибалтійскихъ крестьянскихъ обществахъ отъ 19 февраля 1866 г., то многіе это принимали за рискованный и сомнительный экспериментъ, которому можно было предсказать только отрицательный результатъ. Говорилось, что вѣроятнымъ послѣдствіемъ будетъ подрываніе авторитетовъ, безпорядочное веденіе дѣлъ обществъ, особенно разстройство волостныхъ хозяйствъ и растрата капиталовъ, принадлежа-

щихъ обществамъ“. Но оказалось, что ничего подобнаго не случилось. Еще въ 1908 г. нашелся нѣкто „H. von H.“, очевидно пасторъ, который новыми доводами старается защищать старую истину. Онъ утверждаетъ, что латыши и эсты еще не знаютъ „автономной“ морали, т. е. не могутъ для себя создать такихъ этическихъ нормъ, которыя могли бы ими руководить въ частной и общественной жизни; латыши и эсты „гетереномны“, т. е. этическія нормы имъ должны быть предъявляемы извнѣ, иначе коренное населеніе, предоставленное только себѣ, придетъ къ полной анархіи. А необходимыми руководителями латышей и эстовъ, конечно, могутъ быть одни лишь — нѣмцы, потому что и русскіе еще до извѣстной степени „гетерономны“. (Baltische Monatsschrift, 1906.) Эта статья настоящій курьезъ.

Наконецъ, нѣмцами всегда указывается на два примѣра, если они говорятъ о неумѣніи коренного населенія вести мѣстное хозяйство: это — дѣйствія городскихъ думъ въ Валкѣ и Ревелѣ. Прежде всего нельзя ссылаться на то, что случилось въ этихъ городахъ, совершенно не упоминая о тѣхъ городахъ, въ которыхъ управленіе городомъ также находится въ рукахъ представителей коренного населенія, и гдѣ все обстоитъ благополучно. Въ Валкѣ, дѣйствительно, случилось много страннаго, но тамъ сталкиваются всѣ три національности: эсты, латыши и нѣмцы. Что касается Ревеля, то не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что тамъ городскимъ управленіемъ эсты овладѣли только послѣ ожесточенной борьбы съ нѣмцами. А въ такихъ случаяхъ почти всегда выдвигаются крайніе демагогическіе элементы, которые, конечно, не всегда дѣйствуютъ безупречно. Что въ Ревелѣ въ городскомъ управленіи были нѣкоторыя неправильности, не отрицается даже многими эстами. Но съ теченіемъ времени въ этомъ отношеніи произошла существенная перемѣна, и кромѣ того, какъ уже было сказано, нельзя дѣлать выводы изъ единичныхъ случаевъ. Въ Либавѣ, напримѣръ, въ 1914 году случилось слѣдующее. Когда консервативное латышское большинство стало вести дѣла города больше въ своихъ интересахъ, чѣмъ въ городскихъ, то латыши-либералы при слѣдующихъ выборахъ вошли въ ком-

промисъ съ нѣмцами и вытѣснили латышей-консерваторовъ, за что, конечно, сейчасъ же со стороны своихъ противниковъ удостоились клички „соціалъ-демократовъ".

Чтобы убѣдиться въ несостоятельности утвержденій о мнимой невозможности предоставить латышамъ и эстамъ участіе въ самоуправленіи, достаточно бросить бѣглый взглядъ на дѣятельность многочисленныхъ латышскихъ и эстскихъ обществъ. Тогда станетъ яснымъ, сколь великъ въ коренномъ населеніи интересъ къ вопросамъ самодѣятельности по отношенію къ своему культурному и экономическому развитію, и что среди него достаточно элементовъ, которые готовы посвятить свои силы общему дѣлу.

Такъ какъ около $^4/_5$ коренного населенія края принадлежатъ къ земледѣльческому классу, то понятно, что вопросъ о способахъ поднятія крестьянскаго сельскаго хозяйства у латышей и эстовъ является однимъ изъ самыхъ важныхъ. Ландтаги, какъ представители крупнаго землевладѣнія, этимъ дѣломъ не интересуются, и поэтому латыши и эсты собственными силами взялись за рѣшеніе его, причемъ поддержкой со стороны правительства стали пользоваться лишь въ послѣднее время. Задачѣ поднятія крестьянскаго хозяйства посвятили себя многочисленныя общества. Цифровыя данныя относительно латышскихъ обществъ я заимствовалъ изъ статьи К. Граудина, недавно умершаго директора Митавскаго Коммерческаго Банка. Статья напечатана въ журналѣ „Les Annales des Nationalités", май—іюнь 1913 г., и носитъ заглавіе „Les sociétés lettones". Другія данныя, относительно эстскихъ обществъ, мною собраны изъ разныхъ источниковъ. Въ 1912—13 гг. имѣлись слѣдующія общества, содѣйствующія развитію сельскаго хозяйства: 1) 136 латышскихъ и 104 эстскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ; 2) 19 латышскихъ обществъ по пчеловодству; 3) большое количество молотильныхъ товариществъ, которыя на общій счетъ пріобрѣтаютъ молотильныя машины и ими обслуживаютъ своихъ членовъ; 4) 77 латышскихъ и 165 эстскихъ кооперативныхъ молочныхъ. Для болѣе планомѣрнаго и успѣшнаго проведенія необходимыхъ мѣро-

пріятій большинство названныхъ обществъ объединены въ центральныя общества, которыхъ насчитывается четыре, а именно: „Рижское Центральное Сельско-хозяйственное Общество“ (РЦО), „Экономическое Товарищество Латышскихъ Сельскихъ Хозяевъ“ (ЭТ), „Сѣверо-Лифляндское Центральное Общество Сельскаго Хозяйства“ (С-ЛЦО) и „Эстляндское Центральное Общество Сельскихъ Хозяевъ“.

Чтобы дать представленіе о дѣятельности этихъ обществъ, я приведу нѣкоторыя данныя изъ ихъ отчетовъ за 1913 г. Отчета „Эстляндскаго Центральнаго Общества“ я, къ сожалѣнію, не могъ достать. Въ составъ РЦО-а за отчетный годъ входило 99 мелкихъ обществъ, а С-ЛЦО-а — 58. Число членовъ ЭТ-а достигло 8400 ч. Для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній центральныя общества содержатъ школы и устраиваютъ курсы и чтенія. Сельско-хозяйственныхъ школъ пока имѣется двѣ: 1) „Фрейденбергское низшее Сельско-хозяйственное училище“ РЦО-а, недалеко отъ г. Вендена, съ 122 учениками и 2) „Четырехклассное училище“ ЭТ-а въ Митавѣ съ 243 учениками. Что касается курсовъ и чтеній, то въ 1913 г. РЦО устроило 15 курсовъ съ 550 постоянными и 3057 разовыми слушателями, а сельско-хозяйственныхъ лекцій 177, причемъ число посѣтителей послѣднихъ равнялось 19,220. При ЭТ-ѣ состоялось 75 курсовъ съ 5436 участниками и слушателями и 160 лекцій съ 17,500 слушателями. С-ЛЦО, наконецъ, устроило 89 курсовъ, число постоянныхъ посѣтителей которыхъ достигло цифры 5000, и 107 лекцій съ 18,325 слушателями. Кромѣ того, спеціалистами, находящимися на службѣ обществъ, даются письменные и устные совѣты и указанія на всевозможные запросы. Наконецъ, каждое изъ центральныхъ обществъ издаетъ свой сельско-хозяйственный журналъ и, кромѣ того, выпускаетъ и отдѣльныя книги и брошюры. Тиражъ журнала „Zemkopis“ (Земледѣлецъ), издаваемаго ЭТ-омъ, достигаетъ 11,000 экземпляровъ. Число экземпляровъ названнаго журнала и всѣхъ книгъ и брошюръ, изданныхъ упомянутымъ товариществомъ за 1913 г., равно 1,215,000. Далѣе, какъ

центральныя, такъ и мѣстныя сельско-хозяйственныя общества устраиваютъ многочисленныя выставки.

Много вниманія центральныя общества удѣляютъ скотоводству, такъ какъ въ Прибалтійскомъ краѣ сельскіе хозяева усиленно переходятъ къ молочному хозяйству. Обществами, прежде всего, производились обширныя массовыя обслѣдованія состоянія скотоводства въ крестьянскихъ хозяйствахъ, чтобы для проведенія дальнѣйшихъ мѣръ имѣть точныя и вѣрныя данныя. Общества содѣйствуютъ образованію контрольныхъ союзовъ скотоводства, въ которые объединяются группы крестьянъ-скотоводовъ для того, чтобы какъ можно болѣе раціонально, по указаніямъ и подъ надзоромъ особыхъ контроль-ассистентовъ вести молочное хозяйство. Въ РЦО-ѣ въ 1913 г. было объединено 129 контрольныхъ союза, сгруппированныхъ въ 10 районахъ; въ союзы входило 2631 хозяйство съ 29,154 дойными коровами; подъ руководствомъ ЭТ-а дѣйствовало въ 8 районахъ 136 союзовъ или 2456 хозяйствъ съ 29,207 дойными коровами; въ вѣдѣніи С-ЛЦО-а находилось 35 контрольныхъ союзовъ, состоявшихъ изъ 686 хозяйствъ съ 6749 дойными коровами. Для улучшенія породы коровъ центральныя общества ведутъ „племенныя“ книги крестьянскаго скота и устраиваютъ пункты для случекъ.

Для извлеченія большаго дохода отъ молока служатъ кооперативныя молочныя заведенія, устройство которыхъ всячески поощряется центральными обществами. Тѣ молочные кооперативы, которые входятъ въ составъ центральныхъ обществъ, кромѣ того, контролируются со стороны этихъ обществъ. Для упорядоченія сбыта масла, вырабатываемаго молочными, при РЦО-ѣ въ 1913 г. открылась особая экспортная контора, которая дѣйствовала такъ успѣшно, что было рѣшено преобразовать ее въ „Центральное Экспортное Товарищество“. Въ Эстляндіи для сбыта молочныхъ продуктовъ въ 1912 г. было учреждено центральное товарищество „Эстонія“, продавшее въ 1913 г. молочныхъ продуктовъ на сумму 684,160 руб.

Въ цѣляхъ превращенія мало или совсѣмъ не культивированныхъ земельныхъ участковъ въ культурныя угодья и расширенія и улучшенія кормовой площади,

при всѣхъ центральныхъ обществахъ имѣются особые отдѣлы по земельнымъ улучшеніямъ, которые составляютъ проекты и производятъ работы по осушенію и культурѣ болотъ и болѣе раціональному луговодству, содѣйствуютъ распространенію разведенія различныхъ кормовыхъ растеній и исполняютъ землемѣрныя работы.

Что касается полеводства, то общества занимаются изслѣдованіемъ вопроса о наилучшемъ примѣненіи искусственныхъ удобреній и объ улучшеніи качества посѣвного матеріала. Для устройства необходимыхъ показательныхъ опытовъ имѣются: у „Митавскаго Сельско-хозяйственнаго Общества“ имѣніе „Берзмуйжа“; у РЦО-а опытная станція въ Фрейденбергѣ и 6 опытныхъ участковъ, устроенныхъ въ разныхъ пунктахъ, и, наконецъ, у „Эстскаго Сельско-хозяйственнаго Общества“ усадьба „Вахи“ вблизи города Юрьева. Кромѣ того, устраиваются коллективные опыты въ отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ. РЦО въ 1913 г., напримѣръ, устроило 543 опыта, а ЭТ — 1100. Далѣе, РЦО и С-ЛЦО устраиваютъ прокатные пункты съ разными сельско-хозяйственными машинами и орудіями, въ томъ числѣ зерночистительными. При РЦО-ѣ, кромѣ того, находится „Прибалтійская машиноиспытательная станція“ у Вендена, на которой провѣряются и изслѣдуются новыя сельско-хозяйственныя машины. ЭТ имѣетъ въ Митавѣ особое сѣменоочистительное отдѣленіе, которое занимаетъ помѣщеніе въ три этажа. Въ немъ сѣмена очищаются и сортируются, такъ что покупатель можетъ быть увѣренъ въ томъ, что получитъ хорошій посѣвной матеріалъ. Въ заключеніе я еще укажу на „Статистическое Бюро“ при РЦО-ѣ, организованное въ 1913 г. Въ Прибалтійскомъ краѣ отсутствуетъ сколько-нибудь полное и удовлетворительное статистическое обслѣдованіе крестьянскаго сельскаго хозяйства, такъ какъ мѣстныя „земскія“ учрежденія, находящіяся въ рукахъ представителей крупнаго землевладѣнія, въ отличіе отъ общерусскихъ земствъ, этимъ вопросомъ не интересуются. Поэтому названное „Статистическое Бюро“ поставило себѣ задачей „ежегодно собирать систематическіе сельско-хозяйственные статистическіе матеріалы и на основаніи ихъ выяснить характерныя

черты переживаемаго сельско-хозяйственнаго прогресса, а также выяснить мѣры и планы для поднятія крестьянскаго сельскаго хозяйства въ краѣ".

Въ 1913 г. на службѣ въ центральныхъ обществахъ состояло: въ РЦО-ѣ — 17 агрономовъ, 6 инженеровъ, 1 кандидатъ экономическихъ наукъ, 19 инструкторовъ, 3 инструкторши и 10 районныхъ контролеровъ скотоводства, итого 56 лицъ; въ ЭТ-ѣ всего 47, а въ С-ЛЦО-ѣ — 30 лицъ.

Кромѣ вышеизложеннаго, ЭТ еще „устраиваетъ склады всѣхъ необходимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ предметовъ (машинъ, сѣмянъ, удобрительныхъ туковъ и пр.) и организуетъ сбытъ произведеній и издѣлій сельскаго хозяйства". Въ 1913 г. ЭТ имѣло 72 отдѣленія и продало принадлежностей сельскаго хозяйства на 3,899,000 руб. ЭТ-у принадлежитъ въ Ригѣ складъ-элеваторъ въ 6 этажей, который въ часъ можетъ принять отъ вагоновъ и всыпать въ корабли до 6000 пудовъ зерна. При РЦО-ѣ существуетъ товарищество „Потребитель", которое въ 1913 г. продало товаровъ (искусственныхъ удобреній и машинъ) на сумму свыше 1,000,000 руб. Это самыя значительныя изъ латышскихъ экономическихъ товариществъ. Ихъ общее число мнѣ неизвѣстно. У эстовъ экономическихъ товариществъ всего насчитывается 20. „Юрьевское Эстское Экономическое Товарищество" въ 1913 г. продало сельско-хозяйственныхъ принадлежностей на 311,930 руб.

Далѣе, имѣются кооперативныя потребительныя товарищества: латышскихъ 57, эстскихъ 111. Изъ латышскихъ товариществъ въ 1912 г. Мюльграбенское продало разныхъ товаровъ на сумму свыше 600,000 р., а Туккумское и Лигатское на сумму около 300,000 руб. Распространенію коопераціи содѣйствуютъ въ Ригѣ „Рижское Общество Кооперативовъ", а въ Ревелѣ „Центральное Бюро Кооперативовъ".

Латышскій и эстскій капиталы сосредоточиваются въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, балансъ которыхъ къ концу 1909 г. равнялся 33,938,076 руб., и въ обществахъ взаимнаго кредита. У латышей имѣется 251 ссудо-сберегательное товарищество, 15 обществъ взаимнаго кредита и коммерческій банкъ въ Митавѣ;

у эстовъ — 86 ссудо-сберегательныхъ товариществъ и 15 обществъ взаимнаго кредита. Балансъ латышскаго „Лифляндскаго Общества Взаимнаго Кредита“ къ концу 1912 г. равнялся суммѣ свыше 7 милліоновъ. Сюда же можно отнести многочисленныя общества взаимнаго страхованія отъ огня, которыхъ среди латышей въ 1912 г. насчитывалось 294.

Перейдемъ теперь къ обществамъ, посвятившимъ себя удовлетворенію чисто-культурныхъ нуждъ коренного населенія края. Прежде всего слѣдуетъ назвать два большихъ латышскихъ общества: старое „Рижское Латышское Общество“ и новое „Латышское Просвѣтительное Общество“. Общее число латышскихъ просвѣтительныхъ обществъ 186 (въ 1912 г.), а эстскихъ — 98 (въ 1910 г.). Эти общества содержатъ школы, библіотеки и читальныя залы и устраиваютъ курсы, лекціи, концерты, театральныя представленія и разнаго рода увеселительные вечера. Бюджетъ эстскихъ просвѣтительныхъ обществъ въ 1910 г. равнялся 243,229 руб.; общества содержали 127 школъ съ 279€ учащимися; библіотекъ имѣлось 43 съ 13,118 томами. Изъ латышскихъ просвѣтительныхъ обществъ названное уже „Латышское Просвѣтительное Общество“ въ Ригѣ содержитъ 12 школъ съ общимъ числомъ 773 учащихся и, кромѣ того, устраиваетъ лѣтнія колоніи для бѣдныхъ и больныхъ дѣтей. „Рижское Латышское Общество“ создало латышскій театръ и національный музей; его ученая комиссія занимается изученіемъ исторіи латышскаго народа и изслѣдованіемъ латышскаго языка; кромѣ того, она оказываетъ матеріальную помощь учащейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ латышской молодежи; отдѣломъ общества по изданію полезныхъ книгъ издаются книги, въ томъ числѣ энциклопедическій словарь, и 3 журнала; до 1909 г. было издано около 400 разныхъ изданій. Слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что латышскія и эстскія кредитныя учрежденія ежегодно опредѣленную часть своего чистаго дохода удѣляютъ въ пользу разныхъ національно-культурныхъ начинаній. „Эстское Общество Воспитанія Юношества“, напримѣръ, въ 1910 г. получило отъ „Юрьевскаго

Ссудо-сберегательнаго Товарищества“ и отъ „Юрьевскаго Общества Взаимнаго Кредита“ 1623 руб. 91 коп.

Кромѣ всѣхъ вышеназванныхъ обществъ насчитывается еще большое количество другихъ обществъ: пѣвческихъ, музыкальныхъ, благотворительныхъ, спортивныхъ, увеселительныхъ и т. п.; среди эстовъ, къ тому же, имѣется много обществъ трезвости.

Что касается духовной культуры латышей и эстовъ, то ихъ ученые собрали и издали памятники народной поэзіи (пѣсни, сказки, загадки, пословицы); они задались вопросомъ изслѣдованія, очищенія и дальнѣйшаго развитія латышскаго и эсткаго языковъ, которые нѣмцамъ въ свое время показались слишкомъ бѣдными, чтобы служить обиходнымъ языкомъ образованныхъ круговъ. Литература латышей и эстовъ, какъ беллетристическая, такъ и научно-популярная, довольно богата, особенно латышская. Изъ латышскихъ писателей нѣкоторые обратили бы на себя вниманіе и среди большихъ европейскихъ народовъ, какъ напримѣръ, новеллистъ и драматургъ Блауманъ, лирикъ Порукъ и лирики и драматурги Аспасія (г-жа Розенбергъ) и Райнисъ (г-нъ Плекшанъ). Очень богата латышская переводная литература. Изъ художниковъ у латышей выдѣляются пейзажисты Пурвитъ и Розенталь, а у эстовъ портретистъ Лайпманъ. Въ области музыки латыши и эсты дали нѣсколько хорошихъ композиторовъ, напримѣръ, Витоля, профессора Петроградской консерваторіи. Что касается, наконецъ, сценическаго искусства, то имѣются постоянные латышскіе и эстскіе театры; въ Ригѣ даже налаживается латышская опера.

Я думаю, всего вышеизложеннаго достаточно, чтобы прійти къ убѣжденію, во-первыхъ, въ томъ, что латыши и эсты — народы, вполнѣ заслуживающіе право на національное самоопредѣленіе, такъ какъ въ нихъ таятся свои духовныя силы, свободное развитіе которыхъ дастъ Россіи полезныхъ и дѣльныхъ гражданъ, и во-вторыхъ, въ томъ, что оба этихъ народа уже давно достигли такой ступени общаго культурнаго развитія, при которой дальнѣйшее исключеніе ихъ отъ участія въ самоуправленіи края немыслимо.

Наконецъ, у нѣмцевъ противъ латышей и эстовъ въ запасѣ еще одинъ аргументъ: это ихъ мнимая политическая неблагонадежность, которая яко бы даже коренится въ ихъ народномъ характерѣ. Нѣмцы при этомъ ссылаются на событія 1905 г. и такъ ловко использовали это обвиненіе, что въ десятилѣтіе, слѣдующее за 1905 г., снова вернули себѣ господствующую роль въ жизни края. Однако война окончательно разрушила эту легенду объ увлеченіи коренного населенія революціоннымъ духомъ, о сепаратистическихъ стремленіяхъ его къ созданію какой-то „Великой Латвіи" и т. п.

Революціонное движеніе въ Прибалтійскомъ краѣ прежде всего было связано съ таковымъ движеніемъ во всей Имперіи: безъ него оно немыслимо. Характерную для него рѣзкость оно приняло потому, что въ него, кромѣ того, влилась вѣковая ненависть коренного населенія къ пришлому нѣмецкому элементу. Наконецъ, тому же содѣйствовало сильное распространеніе ученій соціалъ-демократіи, а также и аграрный вопросъ. Болѣе объективные изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ всего этого никогда и не отрицали. Депутатъ баронъ Мейендорфъ, напримѣръ, 28 мая 1914 года заявилъ въ Думѣ слѣдующее: „Я лично всегда приписывалъ революціонное движеніе въ Прибалтійскомъ краѣ не національнымъ свойствамъ тамошняго населенія, а болѣе или менѣе успѣшной дѣятельности соціалистической международной пропаганды".

На основаніи всего вышеизложеннаго мы считаемъ себя въ правѣ высказаться въ томъ смыслѣ, что участіе латышей и эстовъ въ самоуправленіи края и даже преобладаніе ихъ въ немъ никому никакими ужасами не угрожаетъ.

XVI глава.

Вліяніе дворянскихъ привилегій на политическую и экономическую жизнь края.

Намъ еще остается вкратцѣ указать на то вліяніе, которое оказываетъ на жизнь края сохраненіе старыхъ привилегій дворянскихъ обществъ и владѣльцевъ дворянскихъ вотчинъ.

Прежде всего, этимъ искусственно сохраняется крупное землевладѣніе. Такъ какъ съ владѣніемъ вотчинами связаны политическія права, а обладаніе таковыми нѣмцы считаютъ необходимымъ условіемъ своего существованія въ краѣ, то понятно, почему они всѣми силами стремятся препятствовать, какъ переходу имѣній въ ненѣмецкія руки, такъ и раздробленію ихъ. То, что сохраненіе въ краѣ имѣній въ такомъ большомъ числѣ не обусловлено экономическими причинами, явствуетъ изъ того обстоятельства, что крупныя имѣнія даютъ очень малые доходы, а часто даже и не даютъ никакихъ. Если бы у имѣній не было доходовъ отъ корчемъ, пивоваренъ и винокуренъ, то владѣльцы ихъ никоимъ образомъ уже не могли бы существовать. А правомъ содержанія корчемъ и устройства пивоваренъ и винокуренъ, какъ мы уже знаемъ, пользуются только владѣльцы дворянскихъ вотчинъ.

Отношеніе между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ въ Прибалтійскомъ краѣ слѣдующее. Къ мелкому землевладѣнію слѣдуетъ прежде всего отнести всю „крестьянскую землю“, которая, какъ извѣстно, можетъ быть продаваема или отдаваема въ аренду только членамъ крестьянскихъ обществъ, и притомъ лишь небольшими участками; кромѣ того, къ мелкому землевладѣнію принадлежитъ остальная земля, какъ „мызная“,

такъ и „квотная“ или „шестидольная“, насколько она продана, такъ какъ она обыкновенно также продается отдѣльными крестьянскими дворами. Все же остальное составляетъ крупное землевладѣніе. Участки мызной земли, сданные въ аренду крестьянамъ, очевидно не могутъ быть причислены къ мелкому землевладѣнію, такъ какъ въ любой моментъ помѣщикъ эту землю можетъ эксплуатировать и иначе. Руководясь этими соображеніями, мы получаемъ для Лифляндіи слѣдующіе результаты:

Въ десятинахъ:	общее простр.	удобная (дающая доходы) земля	пашни и луга (безъ лѣса)
крупн. землевл.	2,112,313 (55,7%)	1,654,108 (52%)	803,434 (35,3%)
мелкое землевл.	1,667,870 (44,3%)	1,522,461 (48%)	1,474,461 (64,7%)

Данныя для Курляндіи слѣдующія:

	общее простр.	общее простр. безъ лѣса
крупное землевл.	1,505,028 (62%)	719,835 (43,5%)
мелкое землевл.	898,249 (37%)	898.249 (54,8%)
прочія земли	24,363 (1%)	24,363 (1,7%)

(По брошюрѣ Тобина, Аграрный строй материковой части Лифляндской г. и статьямъ Транзээ и Блээ въ сборникѣ „Baltische Bürgerkunde“).

Для Эстляндіи у меня данныхъ не имѣется, но отношеніе тамъ конечно такое же, какъ и въ остальномъ краѣ.

Изъ приведенныхъ цифровыхъ данныхъ видно, что крупное землевладѣніе очень сильно развито въ ущербъ среднему и мелкому.

Изображая аграрные порядки Прибалтійскаго края въ однѣхъ только розовыхъ краскахъ, нѣмцы непремѣнно указываютъ на цвѣтущее состояніе крестьянскихъ усадебъ. Это, конечно, совершенно вѣрно, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что около $^3/_4$ всего сельскаго населенія не владѣетъ землей и служитъ батраками въ большихъ имѣніяхъ. Этого нельзя признать явленіемъ нормальнымъ. Далѣе указывается на то, что въ Прибалтійскомъ краѣ заработокъ батрака выше, чѣмъ въ другихъ частяхъ Имперіи, и что поэтому батракъ-латышъ или эстъ не имѣетъ никакого права жаловаться на свою судьбу. Но понятно, что тутъ имѣетъ рѣшаю-

щее значеніе не абсолютная величина заработка, а то обстоятельство, удовлетворенъ ли работникъ своимъ положеніемъ, и не достигъ ли онъ уже, можетъ быть, такой ступени развитія своей личности, что чувствуетъ, что часть его силъ остается неиспользованной, и поэтому невольно стремится къ примѣненію ихъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Мнѣ кажется, что латышъ и эстъ уже выросли изъ состоянія пожизненнаго батрачества. Поэтому безземельные стремятся въ города, гдѣ имъ представляются самыя разнообразныя возможности, и гдѣ они вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ случай удовлетворять возникшія у нихъ уже духовныя требованія, хотя бы эти требованія пока и ограничивались лишь кинематографомъ. Было бы неправильно утверждать, что отливъ сельскаго населенія въ города достаточно объясняется нежеланіемъ сельскаго населенія нести тяжелый земледѣльческій трудъ. Совершенно отрицать значенія этого фактора нельзя, но все-таки характерно то, что въ случаѣ продажи гдѣ-нибудь земли въ небольшихъ участкахъ всегда является больше чѣмъ нужно покупателей: такъ сильно въ сельскомъ классѣ желаніе имѣть „свой собственный уголокъ и свой собственный кусокъ земли“. Но дѣло въ томъ, что безземельный батракъ не имѣетъ почти никакой надежды на то, что это желаніе когда либо осуществится. Это признаетъ и Э. фонъ Бульмерингъ въ диссертаціи „Муремойзе. Описаніе одного лифляндскаго крестьянскаго общества“. (Muremoise. Darstellung einer livländischen Landgemeinde). Онъ говоритъ: „Переходъ изъ состоянія батрака въ положеніе арендатора, или собственника встрѣчается очень рѣдко; главнымъ образомъ въ томъ случаѣ, если безземельный женится на дочери усадьбовладѣльца“.

Если бы число крестьянскихъ усадебъ въ краѣ увеличилось, а число имѣній уменьшилось, то несомнѣнно поднялась бы и доходность земли, особенно, если принять въ соображеніе, что крестьяне въ Прибалтійскомъ краѣ переходятъ къ молочному хозяйству, которое, какъ извѣстно, даетъ больше доходовъ въ мелкихъ предпріятіяхъ, чѣмъ въ крупныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширялась бы и желѣзнодорожная сѣть, возросло бы число мѣстечекъ и маленькихъ городовъ, создались

бы новые культурные центры, жизнь въ деревнѣ приняла бы совершенно иной, болѣе оживленный характеръ и удовлетворяла бы также и требовательнаго человѣка. Все это развитіе тормозится сохраненіемъ за дворянскими вотчинами политическихъ и экономическихъ привилегій, изъ которыхъ послѣднія, къ тому же, въ эпоху свободы развитія промышленности являются совершенно неумѣстными.

Еще болѣе сильный отпечатокъ, чѣмъ на экономическую жизнь края, дворянскія привилегіи кладутъ на веденіе земскихъ дѣлъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ трехъ Прибалтійскихъ губерніяхъ имѣется четыре дворянскихъ общества, которые, какъ мы уже видѣли, во многомъ отличаются другъ отъ друга. Это странное явленіе объясняется пережитками далекой старины. Но такъ какъ въ настоящее время отдѣльныя части края ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются, то такая пестрая организація самоуправленія является ничѣмъ не обоснованной.

Въ Курляндской губерніи земскимъ хозяйствомъ вѣдаетъ особый распорядительный комитетъ, состоящій изъ пяти членовъ, большинство которыхъ чиновники. Въ уѣздахъ имѣются такіе же уѣздные распорядительные комитеты. Курляндскій ландтагъ является чисто-сословнымъ учрежденіемъ. Такъ до введенія всесословнаго земства во внутреннихъ губерніяхъ въ 1864 г. было устроено земское хозяйство и тамъ, и уже тогда это устройство оказалось нецѣлесообразнымъ. Но противъ введенія земства въ Курляндіи всегда высказывался ландтагъ.

Въ остальной части Прибалтійскаго края всѣ тѣ дѣла, которыя внутри Имперіи подлежатъ вѣдѣнію земства, распредѣлены между нѣсколькими самостоятельными учрежденіями совершенно различнаго характера. Вмѣсто всесословнаго губернскаго земства имѣются чисто-дворянскіе ландтаги, а взимаемымъ съ 1882 г. „дополнительнымъ земскимъ сборомъ“ завѣдуютъ особыя присутствія губернскаго правленія. Въ Лифляндіи, кромѣ того, къ земскимъ органамъ принадлежатъ еще приходскія собранія (конвенты), и во всемъ краѣ, наконецъ, нѣкоторыя важныя земскія функціи, напримѣръ, со-

держаніе школъ, лежатъ на чисто-крестьянскихъ волостяхъ. Всѣ эти учрежденія не находятся между собой ни въ какой связи, и поэтому понятно, что о веденіи всего земскаго хозяйства по опредѣленному плану не можетъ быть рѣчи. Бюджетамъ русскихъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ соотвѣтствуютъ въ Лифляндіи бюджеты лифляндскаго и эзельскаго ландтаговъ, дополнительный земскій сборъ и бюджеты приходовъ, а въ Эстляндіи бюджетъ ландтага и дополнительный земскій сборъ. Если сравнить эти бюджеты, то получается слѣдующая картина:

Расходы (въ %):	земствъ обще-имперск. (въ 1913 г.)	Лифл. земскихъ учр. (въ 1905 г.)	Эстл. земскихъ учр. (въ 1905 г.)
1) Народное образованіе	31,5	3,5	1,0
2) Медицинская часть	25,1	9,1	17,6
3) Содѣйствіе эконом. благосостоянію населенія	7,5	—	—
4) Ветеринарная часть	2,8	1,6	2,7
5) Общественное призрѣніе	1,5	5,6	11,2
6) Дорожная повинность	6,5	27,6	24,1
7) Содержаніе земск. управленія	6,7	18,9	4,6
8) Участіе въ расходахъ на содержаніе правительств. учр.	4,0	27,6	33,4
9) Прочее	14,5	6,1	5,4
	100,0	100,0	100,0

Данныя для земствъ мною заимствованы изъ „Юбилейнаго Земскаго Сборника“, а для Прибалтійскаго края изъ брошюры „Земское хозяйство Прибалтійскаго края“, 1908 г.

Разница между этими бюджетами бросается въ глаза: русскія земства тратятъ около двухъ третей своихъ средствъ на народныя нужды (1—5), между тѣмъ какъ лифляндскій и эстляндскій ландтаги на содержа-

взвалены на чисто-крестьянскія волости. Они по абсолютной величинѣ составляютъ самую значительную часть всѣхъ земскихъ расходовъ. По крайней мѣрѣ, крестьяне распоряжаются этими суммами самостоятельно. Такимъ образомъ, въ 1905 г. въ Лифляндіи мызы на народное образованіе тратили 21,217 руб. 51 коп., а волости 504,731 руб. 55 коп.; на призрѣніе бѣдныхъ и неработоспособныхъ — мызы 29,775 руб., а волости 333,928 руб. 60 коп.

Все вышесказанное касается денежныхъ повинностей. Но кромѣ того, имѣются еще натуральныя повинности, изъ которыхъ самая значительная — дорожная. Въ Эстляндіи она равномѣрно распредѣлена между мызами и крестьянскими усадьбами, между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ края она почти исключительно падаетъ на крестьянъ. Каждый арендаторъ или владѣлецъ крестьянской усадьбы обязанъ содержать въ порядкѣ указанный ему дорожный участокъ, для чего онъ, помимо другихъ работъ, два раза въ годъ долженъ посыпать его слоемъ гравія. Мызы лишь даютъ необходимый матеріалъ для сооруженій техническаго характера (мосты) и несутъ денежные расходы на нихъ. Эти расходы ничтожны, такъ какъ простыхъ работниковъ поставляютъ волости, такъ что мызамъ приходится оплачивать только трудъ руководителя работами. Очень трудно оцѣнить, какъ дорого обходится крестьянамъ дорожная повинность. По словамъ Яновича, офиціальнаго изслѣдователя земскаго хозяйства Лифляндской губерніи, во всей Лифляндіи на крестьянахъ лежитъ 96,3%, а на мызахъ 3,7% дорожной повинности.

Почтовая повинность является второй по важности. По Тобину мызы несутъ 32,9%, а крестьяне 68% ея.

Если свести вмѣстѣ всѣ повинности, денежныя и натуральныя, которыя въ Лифляндской губерніи несутъ помѣщики и крестьяне, какъ по отношенію къ ландтагу, такъ и по отношенію къ приходскимъ собраніямъ и волостямъ, и сравнить ихъ, то получается въ результатѣ, что на крестьянахъ лежитъ 91,7% всѣхъ повинностей, а на помѣщикахъ только 8,3%.

Крайне неравномѣрной вездѣ была до послѣдняго времени система оцѣнки имуществъ для взиманія поземельнаго сбора: совершенно не оцѣнивались лѣса и другія недвижимости, кромѣ земли. Въ виду этого лифляндскій ландтагъ выработалъ „Правила оцѣнки недвижимыхъ имуществъ Лифляндской губерніи для обложенія земскими сборами", которыя были утверждены 4 іюня 1901 г. Въ настоящее время оцѣнка окончена, и въ Лифляндской губ. земскіе сборы уже взимаются по новой системѣ; въ Эстляндской же пока все осталось по старому. Въ Лифляндіи помѣщики теперь платятъ 53% изъ общей суммы сборовъ съ земли, а крестьяне 47%; раньше послѣдніе платили 59%; а первые 41%.

Что касается Эстляндіи, то въ засѣданіи Государственной Думы отъ 13 іюня 1914 г. финансовая комиссія предложила распространить оцѣночныя правила, принятыя для Лифляндской губерніи, также и на Эстляндскую. Но такъ какъ представители оппозиціи не хотѣли въ послѣдній день думскихъ занятій въ спѣшномъ порядкѣ обсудить вопросъ, который нашли весьма сложнымъ, то они предложили передать законопроектъ въ комиссію по самоуправленію и, когда большинство высказалось противъ этого, удалились изъ залы, вслѣдствіе чего число депутатовъ оказалось ниже требуемаго кворума, и обсужденіе проекта не могло состояться.

Какими мотивами лифляндскій ландтагъ руководился при измѣненіи системы оцѣнки земли, объ этомъ откровенно разсказываетъ Тобинъ въ журналѣ „Baltische Monatsschrift", томъ 63. Онъ пишетъ: въ 1893 г. „русское правительство издало законъ, которымъ предписывалось упорядочить въ 34 земскихъ губерніяхъ взиманіе налоговъ съ земли и зданій. Существованіе такого закона по необходимости должно было вызвать и въ Лифляндіи вопросъ о томъ, не было ли бы умѣстнымъ придать новыя формы и нашей давно устарѣвшей системѣ обложенія поземельнымъ сборомъ. Такъ какъ можно было предвидѣть, что проведеніе закона 1893 г. не ограничится земскими губерніями, то вслѣдствіе этого вышеуказанный вопросъ требовалъ еще болѣе неотложнаго рѣшенія."

Если выразить вкратцѣ все вышеизложенное, то надо сказать, что сохраненіе въ Прибалтійскомъ краѣ за владѣльцами дворянскихъ вотчинъ, или попросту за дворянствомъ, старыхъ привилегій: во-первыхъ, мѣшаетъ развитію земскаго хозяйства; во-вторыхъ, устраніемъ отъ участія въ самоуправленіи крестьянскаго сословія, или попросту коренного населенія, оставляетъ неудовлетворенными стремленія латышей и эстовъ къ участію въ общественной жизни края и тѣмъ поддерживаетъ національную вражду, и въ третьихъ, вліяетъ неблагопріятно на экономическое развитіе края.

Вслѣдствіе этого, уничтоженіе въ Прибалтійскомъ краѣ привилегій дворянства и преобразованіе самоуправленія является неотложной задачей правительства, послѣ рѣшенія которой краю навѣрно предстоитъ эпоха быстраго развитія. Дворянскія общества, конечно, могутъ продолжать существовать, но только какъ сословныя корпораціи, а не какъ органы земскаго самоуправленія.

Новое земство для Прибалтійскаго края не слѣдовало бы создавать на основѣ какихъ-либо курій, ни національныхъ, ни сословныхъ, потому что это является только замаскированнымъ предоставленіемъ преимуществъ одной группѣ населенія въ ущербъ другимъ. Право голоса должно было бы опредѣляться только невысокимъ имущественнымъ цензомъ, причемъ представительствомъ должны были бы пользоваться также и безземельные крестьяне, деревенская интеллигенція и наконецъ города.

XVII глава.

Единственный путь для прибалтійскихъ нѣмцевъ.

Итакъ, по нашему убѣжденію, Россія не должна была бы допускать и въ дальнѣйшемъ того, чтобы прибалтійскіе нѣмцы, продолжая жить въ ея границахъ, къ ея государственной жизни и къ коренному населенію края относились бы такъ же, какъ относились до сихъ поръ. Но что же нѣмцамъ дѣлать?

До войны у нихъ имѣлся довольно простой путь, по которому они могли итти.

Объ этомъ уже въ 1878 г. Г. фонъ Самсонъ писалъ въ своемъ „Взглядѣ на прошлое Лифляндіи". Все, что Самсонъ говорилъ 38 лѣтъ тому назадъ, не потеряло своего значенія и теперь еще, и его брошюра читается, какъ будто бы она была написана въ наши дни. Все, что слѣдуетъ требовать отъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, мы уже находимъ у Самсона: настолько насущны вопросы, затрагиваемые и нами въ нашей работѣ. Кромѣ Самсона почти все, что мы требуемъ отъ нѣмцевъ, неоднократно высказывалось и другими болѣе безпристрастными лицами среди нихъ, — въ послѣднее время особенно газетой „Ригаше Рундшау", но никто изъ нихъ не имѣлъ мужества пройти намѣченный путь до конца.

Прежде всего необходимо, чтобы нѣмцы наконецъ открыли глаза и безо всякихъ предубѣжденій посмотрѣли какъ на прошлое края, такъ и на свое положеніе въ немъ въ настоящее время. И когда они увидятъ, что за ними имѣется много грѣховъ и ошибокъ, то они откровенно въ нихъ должны признаться и по возможности дѣятельно взяться за ихъ исправленіе. Въ противномъ случаѣ имъ даже тогда не будутъ вѣрить,

когда они будутъ искренни. Самсонъ объ этомъ говоритъ слѣдующимъ образомъ: „Въ наше тяжелое и критическое время серьезно и откровенно мы должны обратиться за совѣтомъ къ нашему прошлому и къ нашей общественной совѣсти. . . Особенно непріятнымъ является такое принужденіе. . . потому, что мы уже давно закрыли глаза передъ историческою дѣйствительностью... Мы полагали, что для защиты надо окутаться въ облака ѳиміама, который зажигался въ честь „самобытности", и наконецъ дошли до того, что сами вѣрили въ свое совершенство. . . Но не слѣдуетъ ли воздержаться отъ такого публичнаго признанія изъ опасенія, какъ бы тѣмъ не указать нашимъ ненавистникамъ и врагамъ наши уязвимыя мѣста?. . . Только наивное обывательское самохвальство еще можетъ быть убѣжденнымъ въ томъ, что, скрывая дѣйствительное положеніе дѣлъ, намъ удастся ввести кого-либо въ заблужденіе. Только обывательская политика можетъ бояться „открытой игры". Если у кого-нибудь имѣются хорошія карты, то для него открытая игра самая лучшая, потому что скорѣе ведетъ къ цѣли. Намъ слѣдуетъ только заботиться о томъ, чтобы мы имѣли хорошія карты" (стр. 1—6).

Прежде всего прибалтійскіе нѣмцы должны оставить всякія фантазіи о томъ, что они „передовой постъ нѣмецкой культуры". Совершенно такъ же они должны отбросить мечты о политической автономіи съ преобладаніемъ нѣмецкаго элемента (Landesstaat). Изъ историческаго прошлаго края, какъ мы видѣли на стр. 99 такого права вывести нельзя, а въ экономическомъ отношеніи край столь тѣсно связанъ съ остальной Россіей, что не можетъ претендовать на обособленное положеніе. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, напримѣръ, совершенно другое дѣло съ Финляндіей. Прибалтійскіе же нѣмцы ни что иное, какъ простые „русскіе граждане нѣмецкаго происхожденія". Пока они не прониклись этимъ сознаніемъ, Россія въ правѣ относиться къ нимъ съ недовѣріемъ и осторожностью.

Въ силу этихъ требованій нѣмцамъ слѣдуетъ больше, чѣмъ до сихъ поръ, интересоваться и знакомиться съ жизнью не только Россіи, но и русскаго на-

рода. Тогда имъ, наконецъ, удастся освободиться отъ наслѣдства Виктора Гена, Бокка и др. и, кромѣ того, убѣдиться въ томъ, что не всѣ русскіе читаютъ „Новое Время“, и что среди нихъ имѣется достаточно такихъ политическихъ дѣятелей, которые горячо отстаиваютъ „культурное самоопредѣленіе“ нерусскихъ народностей Россіи. Поддерживая эти круги русскаго народа, а не консерваторовъ и реакціонеровъ, прибалтійское нѣмечество могло бы приготовить себѣ возможность дальнѣйшаго спокойнаго существованія въ Россіи, сохраняя при этомъ свою культурную и національную самобытность. Но для этого оно рѣшительно должно отказаться отъ всего стараго и не содѣйствовать подчиненію Россіи нѣмецкой культурѣ, а созданію самостоятельной и независимой русской. Въ противномъ случаѣ будутъ имѣть мѣсто недопустимыя явленія въ родѣ того, что одинъ изъ вождей прибалтійскаго нѣмечества, редакторъ Серафимъ, воспитавъ своихъ дѣтей въ балтонѣмецкомъ духѣ, въ концѣ концовъ для нихъ не видитъ другого исхода, кромѣ перехода въ германское подданство. Это притомъ не единственный случай. Поэтому, по нашему, правительство и въ мирное время въ полномъ правѣ предпринимать мѣры къ искорененію этого истинно-нѣмецкаго духа въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ бы онъ ни проявлялся. А если бароны Фелькерзамъ и Мейендорфъ, защищая нѣмцевъ отъ несправедливыхъ обвиненій „Новаго Времени“, ни слова не упоминаютъ о томъ тяготѣніи одной части ихъ къ Германіи, о которомъ мы говорили выше, то ихъ защита теряетъ всякое значеніе. Это — та же политика неискренности, которую такъ рѣзко отвергаетъ Самсонъ.

Другая сторона дѣла касается отношеній нѣмцевъ къ коренному населенію края. И тутъ нѣмцы окончательно должны порвать съ прошлымъ. Самсонъ объ этомъ говоритъ слѣдующее: „Нѣтъ никакой надежды на то, что этотъ антагонизмъ (между крупнымъ и мелкимъ землевладѣліемъ) исчезнетъ, что настанутъ настоящій миръ и согласіе, пока не будетъ уничтожена послѣдняя политическая преграда между „господиномъ“ и „крестьяниномъ“.

Съ предоставленіемъ латышамъ и эстамъ, точнѣе крестьянскому сословію, равныхъ правъ въ земскомъ самоуправленіи края, „національный вопросъ“ потерялъ бы почти всю свою остроту. На это указываютъ, например, какъ Іорданскій, такъ и газета „Постимесъ“. То же самое заявилъ Іорданскому и одинъ латышскій дѣятель.

Я не оспариваю, что отказъ отъ господства въ краѣ для нѣмцевъ во всякомъ случаѣ былъ бы шагомъ не легкимъ, и что у латышей и эстовъ не разъ проявлялись бы націоналистическія поползновенія. Но на этотъ рискъ надо итти. Чѣмъ дольше справедливыя политическія требованія меньшинства не удовлетворяются, тѣмъ интенсивнѣе они растутъ, а само меньшинство, наконецъ добившись своего силой, противника уже не будетъ щадить. Этому насъ учитъ исторія. Но боязнь вытѣсненія латышами и эстами всего прибалтійскаго нѣмечества и уничтоженія ихъ культурныхъ начинаній, ни на чемъ не основана. Оставляя даже въ сторонѣ заявленія латышей и эстовъ о томъ, что они этого совершенно не хотятъ, нельзя упускать изъ виду того, что латыши и эсты весьма успѣшно провели и проводятъ всѣ свои культурныя начинанія, хотя политическое господство въ рукахъ нѣмцевъ. И далѣе, развѣ ревельская эстская городская Дума изгнала изъ Ревеля всѣхъ нѣмцевъ и уничтожила ихъ культурную работу?

Но всего этого мало: нѣмцы кромѣ того, еще должны отказаться отъ стараго взгляда на коренное населеніе, какъ на своихъ исконнихъ и непримиримыхъ враговъ, и смотрѣть на нихъ какъ на равноправныхъ согражданъ, въ культурномъ отношеніи стоящихъ только немного ниже ихъ, причемъ этотъ новый взглядъ долженъ былъ бы опредѣлять всѣ взаимоотношенія. Если же нѣмцы будутъ дѣйствовать по прежнему, а именно, въ силу необходимости отказываясь отъ части своихъ преимуществъ, тѣмъ ревностнѣй охранять оставшіяся, то коренное населеніе и впредь въ нихъ должно будетъ видѣть своихъ противниковъ, которые только и ждутъ того момента, чтобы вернуть потерянное. Тогда ничего не измѣнится въ сравненіи съ настоящимъ

положеніемъ, при которомъ латыши и эсты дѣйствительно въ правѣ на каждаго человѣка, говорящаго по-нѣмецки, смотрѣть, какъ на своего врага. Какъ только нѣмцы латышей и эстовъ признаютъ равноправными согражданами и не будутъ мечтать о возстановленіи стараго, то у послѣднихъ отпадетъ всякая причина относиться съ подозрѣніемъ къ каждому нѣмцу, какъ таковому, и для всѣхъ національностей края явится возможность совмѣстной работы въ интересахъ края и всей Имперіи. Латыши и эсты лучше самихъ нѣмцевъ понимаютъ, что у нихъ съ нѣмцами много общихъ интересовъ, и что ихъ благополучіе всецѣло зависитъ отъ хода развитія жизни всей Имперіи. То новое положеніе, въ которомъ нѣмцы тогда бы находились, извѣстный намъ уже баронъ Врангель описываетъ такъ: „Конечно, внѣшнія формы, въ которыхъ будетъ проявляться вліяніе нѣмцевъ въ краѣ и въ Имперіи, будутъ совершенно отличны отъ прежнихъ привычныхъ. Надо будетъ приспособиться къ новымъ условіямъ, не теряя притомъ самое драгоцѣнное наслѣдство отцовъ, которое состоитъ не во внѣшнихъ привилегіяхъ, а въ . . . сознаніи долга, трудолюбія и правдивости“. Тогда между нѣмцами и кореннымъ населеніемъ могли бы создаться такія условія, какія сейчасъ видимъ въ Финляндіи.

Приблизительно такую политику можно было рекомендовать прибалтійскимъ нѣмцамъ до войны. Но теперь положеніе въ высшей степени усложнилось тѣмъ, что снова до крайности разрослись національныя страсти, особенно среди латышей. Съ другой стороны, если бы меня спросили, отъ какой группы прибалтійскаго нѣмечества можно было бы ожидать проведенія новаго политическаго курса, то я не нашелъ бы отвѣта на это. Нѣмецкіе „литераты“, т. е. интеллигенція, являются слѣпыми идеологами пангерманскихъ стремленій; можно сказать, что они съ 1905 г. сыграли роль злого генія прибалтійскаго нѣмечества, мѣшая сближенію съ остальной Имперіей и примиренію съ кореннымъ населеніемъ края. Дворяне руководятся преимущественно матеріальными интересами, т. е. интересами крупнаго землевладѣнія; чтобы это скрыть, они себѣ

усвоили идеологію „литератовъ", которые вслѣдствіе этого являются вѣрными слугами ихъ. Правда, въ газетѣ „Revaler Beobachter" (Ревельскій Обозрѣватель) выступилъ съ двумя статьями В. фонъ Веттеръ-Розенталь, секретарь Эстляндскаго дворянства, и высказался за реформу мѣстнаго самоуправленія. Онъ находитъ, что эстскій народъ въ культурномъ отношеніи уже достигъ „большей доли въ сравненіи съ еще недостигнутымъ", и этимъ заслужилъ право на участіе въ самоуправленіи, и что „въ развитіи латышскаго и эстскаго народовъ не лежитъ никакой опасности для дворянства". Напротивъ, онъ увѣренъ въ томъ, что „чѣмъ скорѣе эти оба народа достигнутъ высшаго уровня образованія, тѣмъ выгоднѣе это будетъ для всѣхъ, потому что тогда можно будетъ надѣяться на то, что теченіе общественной жизни станетъ нормальнымъ". Но вопросъ только въ томъ, насколько эти мысли раздѣляются большинствомъ дворянъ, и кромѣ того, нельзя упускать изъ виду, что выработанный Эстляндскимъ дворянствомъ проектъ реформы земскаго самоуправленія все еще слишкомъ носитъ на себѣ отпечатокъ происхожденія изъ круговъ представителей крупнаго землевладѣнія. Такимъ образомъ остается городской классъ, представители торговли и промышленности. Но и тутъ картина получается крайне печальная. Правда, Шиманъ, редакторъ „либеральной" газеты „Ригаше Рундшау", грозитъ нѣмцамъ-реакціонерамъ тѣмъ, что нѣмцы-„либералы" найдутъ себѣ союзниковъ и внѣ нѣмецкаго лагеря, а Куприну одинъ изъ дѣятелей промышленнаго міра заявилъ, что онъ „еще до войны много разъ говорилъ и даже неоднократно писалъ о томъ, что политика бароновъ всегда была безъ нужды надменной, близорукой и для нихъ же невыгодной", но все это пока ограничивалось одними словами. Газета „Rigasche Neueste Nachrichten", основанная послѣ 1905 г. и попытавшаяся вести самостоятельную политику, плачевно кончила свой вѣкъ, и Аксель Шмидтъ, ея редакторъ, въ своемъ прощальномъ словѣ долженъ былъ признать, что нѣмецкій городской классъ политически еще не созрѣлъ. И на самомъ дѣлѣ, нѣмцы-горожане покорно плетутся за дворянствомъ, хотя политика дворянъ, соб-

ственно говоря, совершенно не соотвѣтствуетъ ихъ интересамъ. Но тутъ оказываютъ свое вліяніе не только старыя времена, когда заправилами политической жизни „Landesstaat“-а являлись одни только дворяне, но и зависимость отъ дворянства въ экономической жизни, а, главнымъ образомъ, страхъ передъ конкуренціей латышей и эстовъ.

Ко всему этому надо прибавить, что той коренной ломки отношеній къ латышамъ и эстамъ, которой мы выше требовали, у нѣмцевъ нисколько не замѣтно; напротивъ, старая непріязнь къ нимъ выливается все въ новыя формы. Изъ запрещенія употребленія нѣмецкаго языка, напримѣръ, нѣмцы, гдѣ только было возможно, сдѣлали запрещеніе употребленія всѣхъ языковъ, за исключеніемъ русскаго. „Чего нѣтъ у насъ, того пусть не будетъ и у Васъ“. Такому дѣтскому удовлетворенію чувства мести подчиняются и несомнѣнно имѣющіяся спокойныя политическія соображенія. А объ измѣненіи отношенія прибалтійскихъ нѣмцевъ къ Россіи послѣ того, что нами сказано въ XIV главѣ, приходится говорить еще менѣе: такого измѣненія — конечно, нѣтъ и помину.

Конечно, не исключено, что нѣкоторые изъ немногихъ прозрѣвшихъ „литератовъ“ снова сдѣлаютъ попытку разбудить спящую красавицу, но предсказать результатъ этого невозможно. Впрочемъ, это и не является задачей историка. Историкъ можетъ только указать на тѣ вопросы, которые должны быть рѣшены, а предсказать, какъ и когда они будутъ рѣшаться — это не въ его силахъ.

Что касается положенія дѣлъ въ Прибалтійскомъ краѣ, то можно сказать только то, что нѣмцы въ немъ въ дальнѣйшемъ не могутъ существовать съ тѣми же идеалами и цѣлями, какъ до сихъ поръ. Эккардтъ нѣкогда заявилъ о прибалтійскихъ нѣмцахъ: „Sint, ut sunt, aut non sint!“, теперь же о нихъ надо сказать: „Sint, ut non sunt, aut non sint!“, т. е. пусть они будутъ такими, какими еще не есть, или пусть исчезнутъ.